

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ LXIV.

М О С К В А.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1 8 1 2.

Печашашъ дозволяешся съ шѣмъ, чтобы по ошпечашаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департаментна Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Юля 2 дня, 1812 года. По назначенію Цензурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13. ІЮЛЬ 1819.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б о г ъ.

(Изъ оды отрывокъ.)

Прочь смертные непросвѣщенны;
Которы духъ поработивъ спраснямъ;
Воздвигли олтари безсильнымъ божествамъ;
Нечестіемъ, порокомъ сотвореннымъ!
Внимай вселенная высоту пѣснь мою,
Внимайте небеса; долъ, бездны, адъ молчите,
Благоговѣйте; препещите:
Я Бога вашего пою.

Онъ есть; и отъ Него прияло все рожденье:
Всѣ существа родились отъ Него.
Природой правитъ Онъ и временей теченьемъ;
Все чпйтъ со препетомъ могущество Его.
Не зримъ и вездѣсущъ, Онъ всюду пребываетъ;
Онъ небо, землю наполняетъ;
Онъ жизнь даетъ всему дыханіемъ своимъ:
Все движется, все дышитъ Имъ.
Онъ духъ, *пространство* безконечный,
Непостижимъ, неизмѣримъ, превѣчный;

Онъ искони начала не имѣлъ,
А царствію Его и вѣчность не предѣлъ.
Онъ маніемъ Своимъ вѣтрѣ, бури производитъ;
Онъ шлетъ къ намъ шишину, величье молчать
волнамъ,
И громъ гремящъ съ небесъ къ намъ отъ Него
низходитъ,

Ударами его всегда Онъ правитъ самъ.

Отъ странъ, отъколь свѣтъ испекаетъ,
До мѣстъ, гдѣ солнце путь свершаетъ,
Онъ все творитъ, хранилъ. Любовь Его видна.
Дѣла Его вездѣ Ошца Намъ въ немъ являютъ,
Гдѣ властію его рождаются, исчезаютъ
Дни, лѣта, года времена.

Имъ зелень нѣжная весной въ лугахъ блистаетъ,
И лѣтомъ волны жашивъ мы видимъ на поляхъ;
Природу осень намъ плодомъ обогащаетъ;
Борей Зиму ведетъ, неся снѣжнѣе страхъ.
Отъ страшнаго слова до муравья ползуща,
Отъ быстрого орла до соловья поюща,
И отъ Царя до пастыря всякъ день
Все Имъ однимъ живетъ. Онъ благъ, все испол-
няетъ,

Безсильно вещество живитъ и измѣляетъ;
Единъ лишь Онъ во вѣкъ не знаешь перемѣтъ.
Но сколь Онъ благъ, столькожъ и ужасенъ;
Творецъ! Ты въ ярости, во гнѣвѣ страшенъ.
Неправды грѣшниковъ Ты вѣсишь на вѣсахъ,
Смущаешь ужасомъ и въ препенѣ все приво-
дишь,

Ты нечестивымъ казнь готовишь,
Ты сдѣлалъ адъ для нихъ — въ развратныхъ
ихъ сердцахъ.

• • • • •

Ужасный день Твоихъ опущеній
Сердца коварны вразумишь.

Я злаго зрю: смущенъ отъ лютыхъ угрызеній,
Бѣжитъ, и всюду онъ Твою десницу зрѣтъ.

Порочными желаньями снѣдаемъ,

Огнемъ геенскимъ опалемъ,

Онъ ищетъ благъ; онъ ихъ лишился навсегда,

И счастливъ быть уже не можетъ никогда.

Онъ каждый мигъ въ душѣ боль вѣчну ощу-
щаетъ,

Въ геенѣ онъ, геенна въ немъ пылаетъ.

Онъ золь, признаться нудишь Ты его,

Что онъ достоинъ есть несчастья своего.

Но что? кто отъ сего плачевнаго предмета

Меня искишилъ вдругъ? куда я пренесенъ?

Я выше звѣздъ парю, на небо восхищенъ!

Зрю сонмы горнихъ силъ! какія бездны свѣта!

Вхожу въ небесный градъ.

Превознесеннаго я Бога созерцаю.

Я силъ лишаюся, изнемогаю . . .

Какія радости! какія тмы оспрадъ!

Творенье рукъ Твоихъ, мужъ праведный, не-
злбный,

Вѣнчанный славою, тебѣ подобный,

Благоугоденъ, милъ тебѣ во всемъ,

Ты славою, красотой сіяешь въ немъ!

Онъ къ Богу своему любовью пылаетъ,

Свѣтъ, радость пьетъ съ себя, въ блажен-
ствѣ утонаетъ

И слава въ немъ и счастье его

Награда дара Твоего.

.

О Ты, поправшій смерть и спасшій насъ отъ
муки;

Простершій на крестѣ божественныя руки!

Когда скончаю здѣсь я странствіе мое?

Когда повергнусь я въ объятіе твое?

М. Вышеславцовъ.

Пѣсни изъ Есѣиры и изъ Апаліи
Расиновой.

О бѣдственнѣй Сіонъ! гдѣ славы блескъ швоей?
Величью швоему дивились во вселенной
Ты превращенъ во прахъ! Воспомижанье слезно
Осталось намъ одно отъ славы сей.

Сіонъ до неба вознесенный,
Теперь до ада низведенный!

О, пустьъ безгласна я остануся на вѣкѣ,
Коль въ пѣсняхъ скорбь швою вѣщаешь когда
преспану!

Я буду пѣшь себя, доколь дышатьъ я спану.

Рыдайте вы со мной, любезныя подруги!
Да скорби нашей вопль проникнетъ въ звѣздны
круги;

Дадимъ свободный шокъ слезамъ.

Введемъ свои мы взоры

Во свѣшлы, лучезарны горы,

Ошкколь низходитъ помощь намъ.

Въ вселенной мракъ простерся вѣчной ночи....

Израиль гибнетъ весь. Ахъ плачьте, плачьте
очи,

Смирляйте ярость вы разгнѣванныхъ Небесъ....

Громъ ярый вознесенъ надъ нашими главами.

Нѣтъ не было нѣ вѣкѣ подъ небесами

Толь праведной причины слезъ.

О агницы слабые, вы преданы волкамъ,

Лишь воздыханія одно оружье намъ.

Звучатъ мечи, народъ Господень избиваютъ,

Младенцевъ, шпарцевъ умерщвляють,

И брата и сестру, и мать и дочь,

Въ объятіяхъ отца тамъ сына поражаютъ.

Израилю отверзлась гроба дверь.

Вотъ груди мертвыхъ шѣл! вотъ члены ош-
сѣченны,

И по гребенія лишены!

Творецъ! святыхъ Твоихъ терзаетъ лютый
звѣрь,

Ихъ шигры, леопарды пожираютъ.

Чужихъ грѣховъ несчастны жертвы!

Что пользы сѣтовать, рыдать?

Отцы пворили грѣхъ, отцы во гробѣ мертвы;
За ихъ грѣхи невинныхъ насъ казнятъ.

О Богъ Израилевъ! прорцы, да будетъ день.

Ужель нашъ спонъ Тебя на милость не пре-
клонимъ?

Распоргни Ты покровъ, разсѣй ужасну шѣнь,

Да блескъ лучей твоихъ печальну ночь приго-
нишь.

Премудрость вѣчная! какимъ, какимъ путемъ

Ты шествуешь? и кто въ совѣтѣ былъ Твоемъ?

Намбрений Твоихъ кто могъ изслѣдить бездны?

Молчать, благоговѣшь должны во прахѣ смертны.

Живъ, живъ Всевышній Богъ! Онъ правыхъ
защищаетъ,

Невинность счастьемъ вѣщаетъ.

Прославимъ Бога своего!

Восхвалимъ, воспоемъ могущество Его!

Сонмъ нечестивыхъ силъ противъ насъ опол-
чился,

Свирѣпый, лютый врагъ губитъ насъ усуре-
мился.

Уже вознесъ онъ острый мечъ,

И наша кровь была готова вся испечь:

Какъ водубъ пролили ее на землю.

Гласъ всемогущій внемлю!

Господь воззрѣлъ на шоки нашихъ слезъ,

Онъ рекъ ошъ высоты небесъ —

И гордый человекъ надмѣнный,

Поверженъ въ прахъ лежишъ, стрѣлой своей
прозенный.

.

Я нечестиваго здѣсь зрѣлъ превознесенна.

Какъ кедръ главу скрываетъ онъ въ обла-
кахъ;

Онъ громомъ управлялъ, онъ сбѣялъ смерть и
страхъ;

Разилъ, шряслась вселенна;

Тѣснилъ враговъ среди величья своего;

И мимо я прошелъ — ужь не было его!

.

Я славъ грѣшника во вѣкъ не удивлялся.

Пускай другой завидуетъ ему.

Я счастье злаго зрѣлъ, и духомъ не смущался.

Онъ сладостныхъ утѣхъ вкушаетъ шму;

Во златѣ, въ пурпурѣ одеждой онъ блискаетъ;

Богаишству, гордости его предѣловъ нѣтъ;

Онъ воздыханьями сердецъ не возмущаетъ,

Не знаетъ горести, не терпитъ нашихъ бѣдъ;

На лонѣ роскоши онъ плаваетъ въ довольствѣ;

Онъ дремлетъ, спитъ при звукѣ сладкихъ лиръ;

Онъ просыпается и изумляетъ мѣръ.

Надѣется еще ожить въ своемъ пономствѣ.

За трапезой его сонмъ рѣзвыхъ чадъ

Пьетъ, радость съ нимъ изъ чаши полной.

Блаженъ народъ сей, говорятъ,

Которой такъ цвѣтетъ, въ обильи, всѣмъ
довольной!

Блаженнѣе народъ стократъ,

Которой на Творца надежду возложилъ!

.

Минушы грѣшника ужасны, возмущенны.
Онѣ хладенѣ средѣ ушѣхѣ, поминся онѣ душой.
Лишь добродѣтелю мы можемъ быть бла-
женны:

Блаженство наше лишь въ невинности одной.

Нѣтъ мира грѣшнику, мирѣ злаго убѣгаетъ;
Извнѣ губящій мечъ ему грозитъ,
Внутри совѣсть сердце внѣмѣ грызетъ,
хладитъ!

Спокойства ищеть онѣ, нигдѣ не обрѣтаетъ;
Геенскихъ мукъ лютой казнитъ онѣ самъ себя;
Вся слава грѣшниковъ въ минушу исчезаетъ,
Ужасный гробъ на вѣкѣ ихъ поглощаетъ.
Но напроливъ, Творецъ! боится кто Тебя,
Денницы шотъ свѣтлѣй, блистательнѣй воз-
станетъ.

Коль благъ Господь! Творца коль благо бремя!
Блаженѣ, кто сладости его вкусилъ!
Спѣшите юноши къ Творцу во благо время:
Блаженѣ, кто съ юныхъ лѣтъ Ему жизнь по-
святилъ!

Потоками ушѣхѣ сердца Онѣ упоетъ:
Нѣтъ радостей такихъ на свѣтѣ семѣ.
Награды Божіи не лзя сравнить ни съ чѣмъ.
Коль благъ Господь! Творца коль благо бремя!
Блаженѣ, кто сладости Его вкусилъ!

Онѣ укрощается, прощаетъ,
Неблагодарныхъ ожидаетъ,
Чтобъ обратилися къ Нему.

Блаженѣ, кто можетъ всѣмъ пожертвовать
Ему!

Онѣ извиняетъ нашу слабость,
И даже Самъ Онѣ ищетъ насъ;
Объясія Его отверсны всякой часъ.

Коль обращаемся, Онъ ощущаетъ радость, —
 Онъ льетъ въ сердца неизреченну сладость.
 И сына такъ любить не можешь мать.
 Кому, кому любовь съ Нимъ нашу раздѣлять?

Вселенная полна Его чудесъ :
 Онъ царствовалъ до всѣхъ вѣремъ рожденья.
 Да будетъ славимъ въ вѣкѣ Господь земли, не-
 бесъ !

Восхвалимъ, воспоемъ Его благотворенья.
 Напрасно намъ ничтожный человекъ
 Препятствуетъ вѣщанъ Его хваленья ;
 Господне имя не погибнетъ въ вѣкѣ.

Природа вся Его поетъ и всѣ творенья.
 День возвѣщаетъ дню Творца земли, небесъ ;
 Вселенная полна Его чудесъ :

Восхвалимъ, возвѣсимъ Его благотворенья !
 Онъ въ мѣрѣ намъ открылъ повсюду красоты ;
 Онъ краски цѣжныя наводитъ на цвѣты ;
 Для насъ природу Онъ плодомъ обогащаетъ ;
 Днемъ теплою, въ ночи прохладою жи-
 вляетъ ;

И поле, плодъ прильвъ, сторицей возвращаетъ ;
 На тверди солнце намъ сияетъ отъ Него,
 И свѣтъ есть даръ руки Его.

Свидѣнія Творца ; законъ Его священный,
 Намъ самый лучший даръ Его неоцѣненный.

О вы, въ которыхъ страхъ мрачитъ Творца
 доброты ;

Неблагодарные, Онъ Богъ утѣхъ, щедроты !
 Ужели Богъ любви не можетъ васъ плѣвнуть ?

Ужель вамъ пятостно Его любить ?

Къ тирану лютому рабъ ужасъ ощущаетъ :

Но сынъ къ отцу любовію пылаетъ.

Хотите получать вы блага отъ Него ;

А вы не любите Его !

Блаженъ потъ юноша, кого Господь наставитъ,
 Кто внемлетъ гласъ Его, кого Онъ самъ управитъ!
 Отъ міра далеко, съ рожденья своего
 Воспитывается у Бога предъ очами;
 Украситъ душу Онъ небесными дарами,
 И злый не оправитъ невинности его.

Спокрашъ, спокрашъ блаженны чада,
 Которыхъ учитъ Богъ, которымъ Онъ ограда!
 Такъ юна лилія красой украшена
 Близъ потока чистаго, кристальнаго въ долину

Растетъ отъ бурь защищена,
 Любимица Небесъ, сокрытая въ пустынь.
 Отъ міра далеко, съ рожденья своего
 Воспитывается у Бога предъ очами;
 Украситъ душу Онъ небесными дарами,
 И злый не оправитъ невинностей его.

Блаженъ потъ юноша, спокрашъ дитя бла-
 женно,

Которое Творцу предастся совершенно!
 Какими бѣдствами, Творецъ, окружена
 Душа невинная, младая!

Коль ищешь здѣсь Тебя, несчастлива она;
 Вездѣ предвѣстна зрится, путемъ Твоимъ спу-
 пая;

Повсюду ей отъ злыхъ поставленъ ковъ.
 Какая цѣма у ней враговъ!

Гдѣ избранны Твои себя скрываютъ?

Повсюду грѣшники, всю землю покрываютъ.

Доколь намъ, Господи, доколь шерпѣшь отъ
 злыхъ?

Въ святилищѣ Твоемъ они насъ оскорбляютъ;
 Народъ избранный Твой безумнымъ почитаютъ.

Доколь видѣшь намъ коварство, злобу ихъ?

Доколь намъ, Господи, доколь шерпѣшь отъ
 злыхъ?

Въ священицѣ Твоемъ они насъ оскорбляютъ.
Что въ добродѣтели, какая польза намъ?

Они вѣщаютъ намъ.

Почто полъ сладостныхъ утѣхъ бѣжите?

Приблизьтесь, сладости вкушите.

Вашъ Богъ для васъ не сдѣлалъ ничего;

Чего вы ждете отъ Него?

Веселью, радости вы сердце отворите.

Смѣясь спанемъ, пѣть, гласитъ сей грѣш-
ный сонмъ;

Намъ безъ утѣхъ несносно жизни бремя.

Безуменъ, кто на будущее время

Надежды полнъ:

Число лѣтъ нашихъ кратко и незбчно,

А время скоротечно.

Въ часъ утра должно розы рвать!

Сегодня должно жизнью наслаждаться;

Завтра насъ не будетъ, можетъ статься:

Завтра можетъ быть насъ будутъ погребать...

О Боже! шептать, имъ плакать должно.

Имъ славы зрѣть Твоей не можно;

Сии несчастные вѣкъ Бога не узрятъ.

Намъ должно пѣть, намъ, коимъ Ты являешь
Безсмертной вѣры свѣтъ. Ты съ нами об-
щаешь.

Намъ должно пѣть. Твой безсмертны красоты,
Твое величье, дары Твои и славу,

Неизмѣримую Твою державу.

Отъ тщетныхъ ихъ утѣхъ, забавъ ихъ, суесть,

Которымъ здѣсь они душою предаются,

Къ которымъ вихрями на срѣженье несутся,

Отъ всѣхъ веселій ихъ, не терпишь коихъ Ты,

Что имъ останется? Отъ сна что остается?

Какъ человекъ проснется,

Когда узритъ обманъ крылатыхъ мечтъ.

Они пробудятся; о страшно пробужденъ!

Межь шѣмъ какъ правые въ небесномъ восхи-
щенъи
Возсядутъ миръ вкушашъ за прापезой Твоей,
Они пить будутъ гнѣва чашу полную,
Котору Ты подашь въ день ярости Своей
Всѣхъ нечеспивыхъ сонму.

Гдѣ древни милости швои?

О Богъ Израилевъ! насъ ужасъ окружаешъ.
Уже ли вѣкъ спенашъ намъ за грѣхи свои?
Не Ты ли оный Богъ, Который все прощашъ?
Въ Тебя устремлены пернапы спрѣлы злыхъ;
Тебя, Тебя въ сей брани

Разить подвѣшны грѣшныхъ длани.

Какъ перпишь Ты шакую дерзосшь ихъ?
Пусть Божьихъ праздниковъ, гласяшъ, во вѣкъ
не будешъ;

Мы шоржешша Его въ вселенной испребимъ;
Мы олшари Его всѣ сокрушимъ.

Убьемъ свяшыхъ Его, и Бога мѣръ забудешъ,
И славы Господа, и имени сего

Не будешъ памяши подъ небесами,

Ни Онъ и ни Хрисосъ Его

Не будутъ царшвовашь надъ нами.

Сіонъ! ужъ близокъ день, въ которой браней
Богъ

Десницей крѣпкою сопрешъ коварныхъ рогъ, —
И вопль Израиля во слухъ Его проникнулъ.

Кто дерзосшь ярыхъ вошь, свирѣпство укро-
щашъ,

Тотъ корни мыслей зришъ, злыхъ ковы со-
крушашъ.

Что могутъ учинить Ему Владыки мѣра?

Предъ Нимъ ничто ихъ вся соединенна сила.

Явишся только Онъ, смутитъ ихъ души
 страхъ;
 Речетъ Онъ слово лишь, и превратится въ прахъ.
 Онъ словомъ устъ Своихъ долъ, небо попря-
 саетъ,
 Колеблетъ горъ сердца, пучины воздымаетъ.
 Вселенна, смерины всѣ какъ пыли горснть предъ
 Нимъ:
 Восхоцетъ, истребитъ дхновеніемъ однимъ.
 М. Вышеславцовъ.

Ко Всевышнему.

Кто словомъ сотворилъ міры, далъ жизнь все-
 ленной;
 Шапромъ раскинулъ швердъ, въ строй сонмъ
 поставилъ звѣздной;
 Открылъ повсюду красоты?
 Кто неодожно долъ повѣсилъ надъ водами?
 Кто море удержалъ глубокими берегами?
 Душа вселенной, Боже, Ты!

*
 Тѣнь роцъ, краса полей, плодъ жашвъ зла-
 тыхъ, довольство,
 Кристалльныхъ свѣжестъ водъ, и жижины спо-
 койство,
 Великолѣпіе градовъ,
 Вселюбца благость къ намъ являютъ неизмѣнно:
 Творецъ вездъ, во всемъ, не зришь хоть око
 плѣнно;
 Его пространству нѣтъ концовъ.

Нечестіе, порокъ, обманъ и заблужденіе
Обезобразили Твое изображеніе.

Творецъ! какъ можешь Ты сноситьъ?
Ты создалъ смершнаго; онъ долженъ покла-
нятися
Тебѣ; но какъ? душой и истиной, смиряясь
И добродѣтелью лишь чтить.

М. Вышеслацозъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

*Извлеченіе изъ Путешествія г-на
Кларпрота къ горамъ Кавказскимъ.*

Достойный примѣчанія народъ, из-
вѣстный Россіянамъ подъ именемъ *Черке-
совъ*, называетъ себя *Адиже*; онъ обитаетъ
нынѣ въ Большой и Малой Кабардѣ и по
берегу многихъ въ Кубань впадающихъ
рѣкъ, до Анапы и Чернаго моря. Названіе
Черкесь происходитъ отъ Ташарскаго
слова, которое должно быть составлено
изъ *Черъ* (дорога) и *Кесмень* (опрѣ-
зашь). И такъ *Черкесь* означаетъ человѣ-

на, отрубывающаго дорогу, п. е. разбойника. —

Я слышалъ отъ стариковъ сего народа слѣдующее объ ихъ началѣ, или лучше о происхожденіи Князей ихъ. Первый ихъ родоначальникъ назывался Арабханъ, и былъ Князь, будто бы пришедшій изъ Аравіи съ небольшою толпою людей въ городъ нынѣ разоренный *Шанлиръ*, копорый находился недалеко отъ *Аналы*. Дѣйствительно и по сіе время тамъ видны еще гробницы и валъ, имѣющій около полумили въ поперечникѣ. На сѣверной сторонѣ отъ онаго за Кубанскими болотами примѣтны еще многіе небольшіе холмы — кажется, останки прежнихъ окоповъ. Родоначаліе нынѣшнихъ Кабардинскихъ Князей по видимому простирается не далѣе 16 вѣка. А чинобъ они происходили изъ Аравіи, епо вовсе навѣроянно, хопя родоначальникъ ихъ и назывался Арабханомъ. Извѣстно, что у Азіатскихъ народовъ есть обыкновеніе давать имена лицамъ и мѣстамъ отъ происшествій, чему не рѣдко находимъ примѣры и въ книгахъ Вешаго Завѣта. Но что Черкесы обитали ранѣе въ сей странѣ, мы знаемъ изъ исторіи. Черресскіе Мамелюки около 1382 года основали въ Египтѣ особенную династію, которая продолжалась до 1517. Почитаю нужнымъ упомянуть здѣсь о

преданій между Черкесами, что въ ихъ землѣ обитали некогда Френги, т. е. Европейцы.

Народъ Черкесскій раздѣляется собственно на *пять* классовъ: къ *первому* принадлежатъ Князья, называемые почеркесски Пше или Пши, пошатарски Бевъ; *второй* составляютъ Ворки или старинные дворяне, которыхъ Татары и Русскіе называютъ Узденами; къ *третьему* принадлежатъ опущенные на волю отъ Князей и Узденовъ, которые чрезъ то дѣлаются сами Узденами: но во время войны они всегда бываютъ имъ подвластны; *четвертой* состоятъ изъ опущенниковъ новыхъ дворянъ; а *пятой* изъ крѣпостныхъ. Послѣдніе раздѣляются опять на упражняющихся въ земледѣліи и на шѣхъ, которые опправляютъ въ качествѣ слугъ домашнія работы.

Прежде гораздо болѣе было Князей нежели нынѣ. Причиною сему моровая зараза, которая сдѣлала между народомъ великое опустошеніе. Къ каждой опрасли Княжескихъ семействъ принадлежатъ различныя семейства Узденовъ, которые крестьянъ, полученныхъ ими въ наслѣдство отъ своихъ предковъ, почитаютъ какъ бы своею собственностію, ибо переходъ отъ одного Уздена къ другому запрещается; и поному Князь есть ленный владѣтель относительно дворянъ, которые въ свою очередь суть также вассалы надъ своими крѣ-

поспѣвыми; но часто случается, что дворянскія фамиліи опѣ одного Князя переходящѣ къ другому, и опѣ етого большая Кабарда получила немалое приращеніе. Подати крестьянѣ Узденамѣ неопредѣлены. Хотя крестьянинѣ долженѣ опдащѣ все своему Уздену, однако ето бываетѣ только въ случаѣ крайней необходимости; ибо когда Узденѣ спанетѣ непомѣрно прищѣснать крестьянина, по непослѣдокѣ можетѣ его совсѣмѣ лишиться. Князя поступаютѣ такимѣ образомѣ съ дворянствомѣ: въ чемѣ они имѣютѣ нужду, шребуютѣ опѣ дворянѣ своихѣ, но не больше какѣ сколько потребно для необходимой надобности. Сей гражданскій порядокѣ можно бы назватѣ республико - аристокраическимѣ; однакожѣ онѣ не естѣ таковымѣ въ строгомѣ смыслѣ: ибо тамѣ каждый по произволу распоряжаетѣ своими поступками. Прежде власть Черресскихѣ Князей простираласѣ еще на Осепинцовѣ, Чеченцовѣ, Абассовѣ, и на Ташарскія племена, обитающія въ горахѣ при верховьяхѣ Чегема, Баксана, Малки и Кубани; но по занятіи сихѣ справѣ Русскими, они потеряли прежнюю свою силу, хотя до нынѣ еще почитаютѣ себя повелителями сихѣ народовѣ.

Старость имѣетѣ в нихѣ право на отличнѣйшее уваженіе. Старѣйшіе изѣ Князѣ

зей, Узденовъ и богатыхъ крестьянъ собирающа для рѣшенія дѣлъ въ случаѣ надобности, и обыкновенно разсуждаютъ очень громко. У нихъ нѣтъ ни опредѣленныхъ судилищъ, ни письменныхъ приговоровъ. Наказанія за кражу и смертоубійство назначены стариннымъ обыкновениемъ.

Князь въ известное время надѣляетъ своихъ дворянъ подарками, которые равно какъ и память, за что и при какихъ случаяхъ получены оныя, переходятъ отъ отца къ сыну въ фамилии Князя и Уздена. Если Дворянинъ безъ основательной причины окажется неповиновеніе своему Князю, то обязанъ возвратитъ ему все подарки, полученные какъ имъ, такъ и его предками. Въ случаѣ войны Узденъ долженъ слѣдовать за своимъ Княземъ какъ скоро онъ того потребуетъ, и выспавитъ столько своихъ крѣпостныхъ людей сколько нужно Князю. Если Князь впадетъ въ долги по причинѣ большихъ издержекъ или по несчастію, то дворяне обязаны за него плащитъ. Какъ Князь такъ и дворянинъ имѣютъ право на жизнь и смерть своихъ крѣпостныхъ, и могутъ также служащихъ у себя въ домѣ продавать. Иногда крѣпостные получаютъ отъ нихъ свободу; но они все обязаны исполнять повелѣнія своихъ господъ въ известныхъ случаяхъ.

Подданные, занимающіеся земледѣліемъ, они только не могутъ быть продаваемы. Они обязаны платить долги за своихъ Узденовъ и вознаграждать за сдѣланную ими покружу. Привоенныхъ предпріятыяхъ Князь предводительствуетъ дворянами и крестьянами, съ которыми часто нападаетъ на Россійскія владѣнія, на земли Осешинцевъ, Ингушевъ, Карабулаковъ, также народовъ, живущихъ по Кубани.

До введенія Магомешанской вѣры у Черкесовъ каждый Князь и Княжескій сынъ бралъ со всякаго стада овецъ по одной, когда онъ весною выгоняючися на горныя паствы, равно какъ и при возвращеніи ихъ ошпуда въ началѣ осени. Также когда Князь во время своихъ походовъ проводилъ ночь при какомъ нибудь стадѣ, то давалась ему овца; если онъ проѣзжалъ мимо лошадиного стада (пошашарски табунъ), то могъ выбрать себѣ лошадь, которая болѣе ему нравилась, садился и ѣздилъ на ней сколько было ему нужно. Когда же случалось ему ночевать при табунѣ лошадиномъ, то могъ требовать, чтобы убили жеребенка для себя и своей свисы. Черкесы имѣютъ и теперь привычку ѣсть лошадиное мясо, но только такой лошади, которая убиша, а не умерла отъ болѣзни. Лошадиная или овечья кожа принадлежитъ тому, кто приготавливалъ пищу.

Съ древнихъ временъ Князья пользо-
вались сими правами, копорыя были для
нихъ весьма дороги и приличны образу
ихъ жизни, но опъ копорыхъ по приня-
тїи Магомешанской вѣры они отказались.
Даже и проспой народъ перемѣнилъ въ нѣ-
копорыхъ опношенїяхъ свои обычаи. По
примѣру всѣхъ грубыхъ народовъ, Черкесы
любили до излишества горячее вино, кури-
ли и нюхали шабакъ, ѣли свиное мясо, и
особенно кабановъ, копорыхъ въ ихъ землѣ
находился очень много, и копорые соспа-
вляли главный предметъ ихъ звѣриной
охоты. Теперь же они начали оставлять
упошребленїе вина и свиного мяса; опсца-
ютъ опъ шабану; и многїе изъ нихъ вмѣ-
сто прежней небольшой бородки носятъ
уже цѣлыя бороды.

Около сорока лѣтъ тому назадъ Чер-
кесы жили почти безъ всякой религїи,
хотя и называли себя мослемами (по ихъ
выговору бусурманами). Они не упошребля-
ли обрѣзанїя, и не имѣли ни мечешей, ни
священнослужителей, выключая нѣкопорыхъ
несмысленныхъ муллъ, приходившихъ къ
нимъ изъ Аксаи и Ендери. Почти только
воздержанїемъ опъ свиного мяса и вина по-
ходили они на магомешанъ. При погребенїи
шлѣ умершихъ и при совершенїи браковъ
слѣдовали они также магомешанскимъ обра-

дамъ. Многоженство у нихъ было позволено, но рѣдко. Князья и знатнѣйшіе Уздены произносили въ опредѣленное время дня Арабскія молитвы, которыхъ совсѣмъ не понимали. Но простой Черкесъ жилъ: безъ всякаго богослуженія, и для него всѣ дни были равны. Отъ Греческаго Хрістіанства, распространившагося въ Кабардѣ во время Царя Ивана Васильевича, не осталось никакого слѣда въ семъ народѣ, хотя и видны еще развалины древнихъ церквей и надгробные камни съ крестами.

Со времени мира при Кайнарджи (1774) Порша старалась посредствомъ своихъ духовныхъ людей распространить исламскую вѣру въ странахъ Кавказа, и преимущественно между Черкесами. Ея намѣреніе не осталось безъ успѣха; чему наиболѣе способствовалъ извѣстной Исаакъ Ефенди, бывшій на жалованьи у Поршы. Черкесскіе муллы или священники состоятъ обыкновенно изъ опущенныхъ на волю рабовъ отъ Князей и Узденовъ. Они ѣздятъ къ Тапарамъ, или къ Табессерамъ, или въ Ендери, гдѣ научившись нѣсколько чинать и писать, принимаютъ названіе Ефенди, и возвращаются въ свое опечесство, чтобы утверждать народъ въ матомешанской вѣрѣ, и стараться преклонить его къ оппакенію отъ Россіи.

Хотя Кабардинцы уже лѣтъ около шестидесяти состоявъ въ подданствѣ сей Державы; однакожъ они не дають ни подапей, ни опчеша въ своихъ поступкахъ, а сверхъ того ежегодно дѣлають частыя нападенія на Россійскія земли и уводятъ людей и скотину. Прежде они состояли подъ начальствомъ Кизлярскаго Комменданша; теперь же имѣють надзоръ надъ ними такъ называемый Кабардинскій Приставъ. Въ бытность мою на Кавказѣ должность сію правиль Генералъ - Маіоръ Д. . . . П. . . . Не такъ трудно содержать сей народъ въ надлежащемъ повиновеніи при неусыпной бдительности и осторожности пограничныхъ начальниковъ. Вообще когда съ нагорными жителями поступаютъ слишкомъ снисходительно и челоуколюбиво, то они почишаютъ сіе знакомъ слабости и боязни. Въ бытность на линіи П. . . . С. . . . П., и спараясь удержатъ въ повиновеніи Кабардинскихъ Князей, онъ раздавалъ имъ чины и подарки, и представлялъ въ С. Петербургѣ, чшобъ они, ихъ дворянство и крестьяне были сравнены съ Россійскими Князьями, съ дворянствомъ и съ крестьянами; но ешо было бы столько же несообразно въ полишикою, сколько и бесполезно; ибо какъ можно народу, многіе вѣки живущему грабежами, дать одиавяія права съ шѣми, у которыхъ они непрестанно похищаютъ? Черкесы, по

обыкновенію Азіатцевъ, сіе сравненіе приписываютъ своему великому превосходству, ибо они почидаютъ себя гораздо умнѣе и неуспрашимѣ Русскихъ!!! При Генераль-Лейтенантѣ Г . . . , увеличены были пенсіоны, получаемые Черкесскими Князьями; однако чрезъ епо. кажется ничего не выиграно; ибо они продолжали грабить по прежнему.

Во время начальства Графа М . . . и Князя Ц . . . съ Кабардинцами поступаемо было гораздо строже; имъ даже невыдавали сполна опредѣленной на содержаніе Князей ихъ суммы. Сначала спарались они вознаградитъ сію потерю нападеніями на Россійскія земли; но какъ немогли избѣгнушь бдипельности сихъ начальниковъ, часпо были захватываемы, привязываемы къ пушки и наказываемы тѣлесно, по скоро оспыль въ нихъ излишній жаръ военный.

Упражненія знатныхъ Кабардинцовъ обыкновенно состоятъ въ звѣриной охотѣ и военныхъ забавахъ. Часпо отправляющія они на долгое время въ лѣса и горы, и не берутъ съ собою другихъ свѣстныхъ припасовъ кромѣ небольшого количества проса. Сей образъ жизни и свобода споль много имѣютъ привлекательнаго для Кабардинцовъ, что они предпочитаютъ ихъ всему на свѣтѣ, и гошвы опдаютъ все, чтобы

только возвратишься на свою родину. Слѣдующіе примѣры служашъ пому довазашельствомъ. Полковникъ Апашука Хаммурсинъ, служившій въ послѣднюю Турецкую войну въ Россійской арміи волонтеромъ, вшалъ по нѣкоторымъ причинамъ въ подозрѣніе, и былъ посланъ въ Екашеринославль. Возвратившись въ свою отчизну, онъ оставилъ Русскіе обычаи, и жилъ совершенно по образу своихъ земляковъ, которые службу почиташъ за нѣчто поспыдное, напротивъ свою свободную и кочевую жизнь спавяшъ высшимъ благомъ. — Полковникъ и кавалеръ Георгіевскаго ордена Измаилъ Апашука, служившій въ Россіи, также посланъ былъ въ Екашеринославль; онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ С. Пешербургѣ; говорилъ порусски и пофранцузски, и получаешъ отъ Россіи 3000 рублей ежегоднаго пенсіона. Сей чиновникъ хопя и находится въ Георгіевскѣ, но жену свою содерживъ въ одной Кабардинской деревнѣ, а сына отдалъ на воспитаніе нѣкоторому Уздену, вмѣсто того чтобы послать его въ Россію, гдѣ бы онъ безвсомнѣннѣя получилъ гораздо лучшее образованіе. Наконецъ Темиръ Булатъ Апашука въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ былъ отправленъ въ С. Пешербургъ, гдѣ воспитывался въ Горномъ Кадеискомъ корпусѣ; попомъ въ драгунскомъ полку дослужившись до Капитана.

на, возвратился въ опчизну, не зная ни слова природнаго своего языка; несмѣлая пря на шо, онъ совершенно позабылъ своё воспитаніе, живётъ теперь между Черкесами какъ Черкесъ, и никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобъ два сына его воспитывались въ Россіи.

Кабардинецъ имѣетъ видъ воинствен- ный и гордый; вообще онъ весьма крѣпокъ тѣломъ и высокъ ростомъ; черты лица его выразительны. Свято наблюдаетъ законы гостепріимства. Когда Черкесъ приметъ когонибудь подъ свою защиту, или угощаетъ въ своемъ домѣ; шо покровительствуемый безопасно можетъ положиться на него и ввѣрить ему жизнь свою; никогда хозяинъ не изменитъ ему, и не выдастъ его неприятелямъ. Если бы кто захотѣлъ взять его силою, шо жена хозяина даетъ сему гостю испить молока изъ своей груди; тогда онъ признается законнымъ ихъ сыномъ, и новые братья его принимаютъ на себя обязанность не щадить жизни своей для его обороны и опомщать врагамъ за кровь его. Сіе *опмщеніе за кровь*, которое сходствуетъ во всемъ съ обыкновеніемъ Арабовъ, называется у Черкесовъ и у Татаръ цѣною крови. Оно разпространилось по всему Кавказу, и есть обыкновенная причина враж-

ды между жипелями онаго. Ихъ непримиримоспъ проптивъ Россiянъ частiю проищаетсѣ отъ сей же самой причины; ибо *отмщенiе за кровь* переходитъ наследственно отъ отца къ сыну и распространяется на цѣлое семейство того, который первой подалъ къ одному случаю, учинивши смертоубiйство.

Ни у одного народа не просширается такъ далеко гордоспъ благородства, какъ у Черкесовъ; никогда не бывало у нихъ примровъ неровнаго брака. Князь всегда женился на Княжеской дочери, и сынъ прижишой имъ въ бракъ никогда не получаетъ шипла и преимуществъ своего отца, если не женился на природной Княжнѣ, ибо въ семъ случаѣ онъ уже становится Княземъ прешьяго класса. Поелику Абассинцы нѣкогда были покорены Черкесами, то Князья Абассинскiе почитаются только наравнѣ съ Кабардинскими Узденами, и они могутъ вступать въ бракъ только съ дочерями сихъ Узденовъ; напрошивъ того Черкесскiе Уздены женятся на Княжнахъ Абассинскихъ.

Цѣна за невѣсту (по Ташарски калымъ) у Князей бываетъ до 2000 рублей серебромъ. Тотъ кому было ввѣрено воспитанiе Князя, обыкновенно женитъ его и вмѣстѣ съ Узденами платитъ *калымъ*, которой

воспоишь въ ружьяхъ, сабляхъ, лошадяхъ, овцахъ и рогатой скотинѣ. Опець же невѣсты даритъ по изволенію зятю своему нѣсколько невольниковъ.

Распорженіе брака бываетъ у нихъ двоякимъ образомъ: или мужъ при свидѣтеляхъ разводитъ ся съ своею женою, оставляя *калымъ* ея родителемъ, послѣ чего она можетъ вступитъ въ супружество; или просто отсылаетъ ее отъ себя, и въ такомъ случаѣ, спустя одинъ годъ, имѣетъ право взять ее опять; а если онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ сего не сдѣлаетъ, то опець жены или родственники ея идутъ къ нему и совершаютъ дѣйствительный разводъ: тогда уже она можетъ выходить за другаго.

Мужъ никогда не долженъ посѣщать днемъ своей жены, а иначе подастъ о себѣ худое мнѣніе; однако между людьми низшаго сословія, если жена уже спара, мужу дозволяется жить съ нею вмѣстѣ.

Когда родится у Князя дитя, то онъ учреждаетъ большое пиршество. Ежели это сынъ, то на третій день отдаетъ его на воспитаніе одному изъ своихъ Узденовъ, которые обыкновенно добиваются сей чести. Тогда къ дитяти приславляютъ кор-

милицу, которая даетъ ему имя. На ипреть-
емъ или четвертомъ году совершается обрѣ-
ваніе, за что мулла получаетъ лошадь.
Опець никогда не видитъ своего сына пре-
жде его брака, и отъ него происходитъ
чрезвычайная холодность между ближайши-
ми родственниками. — Князь краснѣетъ
отъ досады, когда освѣдомляешься о здо-
ровьи жены его или дѣшей, ничего ни отвѣ-
чаетъ и обыкновенно съ негодованіемъ обо-
рачивается къ вамъ спиною.

Когда умираетъ опець, по управленіе въ
домъ принимаетъ мать, а имѣніе оспается
общимъ. По смерти ея обыкновенно за-
ступаетъ сіе мѣсто жена старшаго сына;
если же братья захотятъ раздѣлить на-
слѣдство, то старшій получаетъ самую
большую, а младшій самую меньшую часть.
Рожденные въ брака дѣши не имѣютъ
никакого участія въ наслѣдїи, и обыкно-
венно содержатся на иждивенїи всей фа-
милїи. —

Умершихъ кладутъ во гробъ, сколочен-
ной изъ досокъ, лицомъ обращая ихъ къ
Меккѣ. При похоронахъ женщины ужасно
воютъ; прежде мужа въ знакъ горести били
себя лошадиными жупами черезъ голову.
Черкесы носятъ черное платье по умер-
шемъ цѣлой годъ. Чпожъ касается до тѣхъ

копорые убишы на войнѣ прошивъ Русскихъ, по семейства ихъ совсѣмъ не оказываютъ никакого сожалѣнїя, будучи увѣрены, что они прямо идутъ въ жилище праведныхъ. При погребенїи мулла читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ Корана и получаетъ за то обыкновенно одну изъ лучшихъ лошадей умершаго.

По шеперешнимъ законамъ Черкесовъ изобличившійся въ похищенїи чужой собственности, принадлежащей какому-нибудь Князю, долженъ вознаградить вдесятеро и еще дать одного невольника. Такимъ образомъ воръ за украденную имъ лошадь долженъ отдать девять своихъ лошадей и одного невольника. Если кто укралъ вещь у Уздена, то возвращаетъ похищенное и даетъ еще тридцать воловъ. По сдѣланному Генералъ-Лейтенантомъ Г... распоряженїю, за покражу у Русскихъ Черкесы подвергаются тому же самому изысканїю; однако законъ сей почти никогда не исполняется.

Черкесской языкъ совершенно отличенъ отъ всѣхъ прочихъ, и чиснымъ нарѣчїемъ онаго говорятъ въ Малой, въ Большой Кабардѣ и въ полковнїи Бесленовъ, которое обитаетъ на рѣкѣ Лабѣ; другїя же Черкесскїя племена, просиравющїяся по ту сторону Кубани до Чернаго моря, говорятъ

нѣсколько отличными нарѣчіями. Очень много въ языкѣ ихъ шипящихъ и щелкающихъ язычныхъ и горшанныхъ слоговъ, которыхъ иностранцу произносить почти невозможно. Я особенно занимался собираніемъ словъ сего языка; со временемъ сообщу ихъ свѣсту. Книгъ и письма Черкесы не имѣютъ на своемъ природномъ языкѣ, а обыкновенно употребляютъ письмо Тапарское, по примѣру всѣхъ жителей Кавказскихъ.

Вообще можно назвать Черкесовъ прекрасными людьми, и мужчины наиболее отличаясь высокимъ и стройнымъ ростомъ, употребляя всѣ средства, чтобы имѣть станъ гибкой. Они собою невелики, но крѣпки племъ, однакожъ не полсны; въ плечахъ и груди широки, а нижнюю часть плеча имѣютъ тонкую; волосы и глаза у нихъ обыкновенно черные, голова продолговатая, носъ тонкой и прямой. Женщины у Черкесовъ прекраснѣйшія изъ всѣхъ обитающихъ на Кавказѣ; но я долженъ замѣтить, что общее мнѣніе, будто ими по большей части наполняются Турецкіе селения, вовсе не основательно; ибо Черкесы чрезвычайно рѣдко торгуютъ своими земляками, а обыкновенно продаютъ похищенныхъ невольниковъ. Наибольшее число прекрасныхъ женщинъ привозится въ Турцію изъ Имеретіи и Мингреліи; Черкес-

ской же поргѣ людьми ограничивается только невольниками мужескаго пола. Черкесскія дѣвушки такъ спягиваютъ себѣ грудь узкимъ кожанымъ корсетомъ, что едва она бываетъ приимѣтна; попрошивъ того у женщинъ оибъ кормленія младенцевъ, груди скоро спановятся опвислыми. Впрочемъ Черкесы женщинъ своихъ не содержатъ въ споль спрогомъ заключенія, какъ другіе Азіатцы.

Мужское платье ихъ походитъ на Калмыцко - Ташарское, однако оно легче и наряднѣе; рубашка ихъ дѣлается или изъ бблага полошна, или, по примѣру Грузинъ, изъ легкой красной шафты, и зашегивается на груди; на нее надѣваютъ они шелковое, обыкновенно вышитое полукафтанье и попомъ верхнее короткое платье, которое очень узко зашегивается на брюхѣ. На каждой споронѣ онаго вышиты маленькіе, на разныя мѣста раздѣленные карманы для напреновъ. Мущины обрѣзаваютъ волосы кругомъ и оставляютъ только на маковкѣ клокъ, висящій внизъ длиною въ палецъ. Ташары же брѣютъ всю голову. Черкесы прежде вовсе не носили буродъ, а только оставляли усы; Впрочемъ и теперь еще многіе ходятъ съ бристыми бородами. На голову надѣваютъ они небольшую вышитую и подбиту валной шапку, похожую

на половину дыни. Обувью для ихъ маленькихъ ногъ служатъ нарядные красные сапоги, на большихъ наблукахъ, отъ чего они кажутся выше ростомъ. Черкесъ не выходитъ изъ двора своего невооруженнымъ; по крайней мѣрѣ сабля и кинжалъ всегда у него на поясѣ, а на плечахъ красная епанча войлочная. Въ полномъ вооруженіи принадлежаніе еще кромѣ ружья и пистолецовъ лапы, большой или маленькой шишакъ, желѣзные перчатки и зарукавья. Когда Черкесы выѣзжаютъ во всемъ уборѣ, или хотятъ побѣдить кого со всемъ великолѣпьемъ, то берутъ еще луны, колчанъ и стрѣлы; употребленіе щипа имъ неизвѣстно. Ихъ лапы по большей части очень дорогой цѣны; нѣкоторыя бываютъ столь опмѣнной доброты, что когда для пробы надѣваютъ ихъ на шенка и стрѣляютъ по немъ изъ пистолепа сильно заряженнаго, то живошное отъ удара пули только сполыкнется. Подъ лапами носятъ они во время войны подложенное вапою платье, которое своею упругостію еще болѣе отражаетъ пулю. Самыя лучшія лапы получаютъ они изъ Кубеча, что въ Дагестанѣ; однако пригопяляются также очень хорошія и въ землѣ Абхасовъ при Черномъ морѣ. Козаки нашли теперь особенную уловку на всемъ скану поднимать ихъ лапы концемъ пиви, и такимъ образомъ колошь Черкесскихъ всадниковъ. Ору-

жѣ ихъ вообще отличной доброты, но и стоить имъ очень дорого; ибо вооруженіе Князя цѣнится въ 2000 рублей серебряныхъ. Главное ихъ упражненіе состоитъ въ томъ, что они приводятъ въ порядокъ и чистятъ оружіе, которое содержатъ всегда въ совершенной опрятности. Рано поутру вооружаются они по обыкновенію саблею и кинжаломъ, и осматриваютъ все прочее оружіе, не попускаютъ ли оно отъ влажнаго ночнаго воздуха. Въ походахъ сѣдло служилъ имъ изголовьемъ, находящійся подъ онымъ войлокъ постелью, а войлочная епанча одѣломъ. Въ ненастье разбиваютъ они маленькія войлочные полатки и подпираютъ ихъ деревкомъ. Прочее оружіе получаютъ они частію изъ Турціи и изъ Грузіи, но очень много находятъ у нихъ прежнихъ Венеціанскихъ и Генуезскихъ сабель и пистолетовъ, которые въ большой цѣнѣ. Кремни теперь привозятся къ нимъ большею частію изъ Россіи. Порохъ дѣлаютъ они сами, равно какъ и всѣ почти жишели Кавказа. Селистру добываютъ въ горахъ, или вывариваютъ ее изъ земли, находящейся въ овчарняхъ.

Ремеслами они мало занимаются. Только и есть у нихъ кузнецы и серебряныхъ дѣлъ мастера, изъ коихъ первые почти ничего болѣе не дѣлаютъ, кромѣ кин-

жаловѣ, сабель и удилѣ, а послѣднїе только украшающѣ военные снаряды. Всякое платье для своего семейства приготавливаетъ каждая женщина; а домѣ и домашнїе приборы дѣлаетъ самѣ хозяинѣ; ибо металлы для сего вовсе у нихѣ не употребляются. Обыкновенно варятъ они пищу свою въ большихѣ мѣдныхѣ котлахѣ, которые получаютъ изѣ Грузїи.

Домы ихѣ совершенно походятъ на Калмыцкїе; они спроектированы также изѣ сплетенной ивы и обмазываются внутри и снаружи глиною, съ пою только различїемъ, что покрываютъ ихѣ соломю, потому что глина Черкесская не прочна. Сорокъ или пятьдесятъ домовѣ стоятъ вмѣстѣ и составляютъ одинѣ кругѣ, который называется деревнею; на ночь въ середину онаго круга Черкесы загоняютъ скотину и помѣщаютъ безоружныхѣ въ случаѣ неприятельскаго нападенїя. Въ кругѣ на разстоянїи двадцати шаговѣ построены жилищны, которыя служатъ опходами; заборы плетутся также изѣ ивы. Близъ рѣкъ и сѣнныхѣ покосовѣ стоятъ небольшїя жилищны, которыя называются *хуторами* или *кутанами*; ето ихѣ овчарни. Вообще въ ихѣ жилищахѣ, въ одеждѣ и въ приготовленїи пищи наблюдается особливая чистота и опрятность.

Домашнюю скотину составляют у Черкесов лошади, быки, буйволы; овцы, козы, собаки и кошки. Их лошади всегда ходящъ въ полѣ на свободѣ; конюшень они совсѣмъ не знаютъ. Лошадьми опрѣвляеяся торгъ съ Россією и Грузією. Онѣ величины посредственной, а шерстью обыкновенно карія или сѣрая. Лучшей породы называются *шалогъ*; на задней ляжке выжигается у нихъ особенное клеймо. Сія порода собственно принадлежишь одной только фамиліи, и она весьма немногочисленна. Жеребенокъ изъ лучшей породы цѣнится наравнѣ съ невольникомъ. Впрочемъ красивыхъ лошадей не такъ много у Черкесовъ, какъ привыкли думать, и за лучшихъ часпо платящъ около ста, а за обыкновенную отъ пятнадцати до двадцати пяти рублей серебряныхъ.

Скотоводство неважно у Черкесовъ, которые содержатъ рогатаго скота не болѣе, какъ сколько требуютъ ихъ общественныя нужды. Волковъ запрягаютъ они въ шелеги и пашутъ ими, а отъ коровъ пользуются молокомъ, которое употребляютъ въ пищу всегда кислое; также дѣлаютъ изъ него худой сыръ и масло, обыкновенно топленое и безъ соли. Для себя они очень рѣдко бьютъ скотину, также и въ Моздокъ продаютъ ея небольшое количество. Буй-

волово у нихъ очень мало, и пламятъ за нихъ отъ двенадцати до осмнадцати рублей; впрочемъ буйволъ въ работѣ замѣняетъ двухъ волово, и изъ молока отъ сей скотины получаемого дѣлается болѣе масла, нежели сколько могутъ дать двѣ обыкновенныя коровы. Овцы составляютъ все почти богатство Черкесовъ и главнѣйшую часть ихъ домоводства. Мясо ихъ служитъ обыкновенною пищею; его просто варятъ и ѣдятъ безъ хлѣба и безъ соли. Изъ шерсти овецъ приготовляютъ женщины грубое сукно на мужскую одежду, также войлочные покрывала и епанчи; а изъ кожъ дѣлаютъ себѣ шубы. На овецъ, кожи и сукно вымѣниваютъ они у Русскихъ и у Грузинъ соль, холщину, юфть, сѣру, желѣзо, мѣдную посуду, хлопчатую и шелковую матеріи. Черкесскія овцы гораздо меньше Калмыцкихъ и овчины ихъ во многомъ уступаютъ послѣднимъ. Курдюкъ ихъ также гораздо меньше, и рѣдко вѣситъ свыше чепырехъ фунтовъ; онѣ имѣютъ по чепыре и по шестии роговъ; мясо ихъ вкуснѣе и приятнѣе нашихъ овецъ, и не такъ скоро приѣдается. Обыкновенная цѣна овцы шесть аршинъ толстой холщины, которая стоитъ около восьми копейкъ. Овецъ доятъ, и приготовляютъ изъ молока ихъ сыръ, котораго часть зашиваютъ въ холщину, окуриваютъ, и чрезъ то дѣлаютъ.

его швердымъ и прочнымъ. Лѣтомъ гоняютъ овецъ въ горы въ Оссепамъ и Дугорамъ; въ Январѣ и Февралѣ содержатся онѣ въ хуторахъ, гдѣ кормятъ ихъ сѣномъ, а остальное время года пасутъ на равнинахъ и на низкихъ пригоркахъ. Козъ въ Кабардѣ немного; онѣ обыкновенно бываютъ темношерстныя и сперегущя близъ деревень. Черкесы держатъ также собакъ и кошекъ, и имѣютъ прекрасныя породы гончихъ. Въ Кабардинскихъ лѣсахъ много находятъ дикихъ кошекъ. Слѣдуя ученію Магомедову, они не держатъ свиней; олени, дикія розы, кабаны и зайцы водятся у нихъ въ большомъ количествѣ.

Земледѣліе у Черкесовъ не сопряжено съ трудностями, ибо они совсѣмъ ни удобряютъ пашни. Весною часть земли, копорую хошатъ засѣять, или копорую гошуютъ для покоса, или выгона, выжигается, и вся права на ней сгораетъ; въ этомъ состояніи у нихъ удобреніе. Потомъ вспахиваютъ землю, а посѣвъ боронятъ деревьями, оборвавши у нихъ листья. Годъ два или три воздѣлываютъ они ешу часть земли; а когда онажешся она безплодною или истощився, тогда начинаютъ обрабатывать другую полосу. Обошедши такимъ образомъ нѣсколько верстъ вокругъ деревни, опираются со всѣми

своими пожипками на свѣжее незаселенное мѣсто. Черкесы сѣютъ только просо и немного колбы; просомъ кормятъ лошадей, если потребуетъ того нужда, но оно служитъ имъ и вмѣсто хлѣба, и еще готовятъ изъ онаго полукислой кашицы, называемый *фада*, или *фада - кушь*, т. е. бѣлая фада, а пошарски *брага*, также и вино, извѣстное у нихъ подъ именемъ *арка*; но теперь очень рѣдко. Кислаго хлѣба они не дѣлаютъ, а вмѣсто его дѣлаютъ просо съ шелухой, которое варятъ въ водѣ и разрѣзываютъ на плоские кружки; это называются у нихъ *ласта*. — Другая бѣда *галлама* отличается только тѣмъ, что для нее просо употребляется безъ шелухи. Впрочемъ иногда, хотя рѣдко, они мѣлютъ его, дѣлаютъ прѣсное тѣсто и пекутъ блины въ палецъ толщиною, которые называютъ *мечага*. Есть три способа приготовленія проса, изъ которыхъ первый — самый употребительный, пошому что Кабардинцы не имѣютъ водяныхъ мѣльницъ. Они обдираютъ просо такимъ образомъ: сперва песнями нѣсколько истолкуютъ сѣмя, потомъ кашаютъ по оному руками дубовые, подобные мѣльничнымъ, чурбаны; наконецъ, чтобы сдѣлать муку, употребляютъ ручныя мѣльницы съ небольшими мѣльничными камнями; но шаковыя находящіяся только

но въ немногихъ домахъ. Не болѣе засѣваютъ они проса, какъ сколько нужно для своего продовольствія; впрочемъ вымѣниваютъ на него у Русскихъ и у Грузинъ за двойную мѣру соль, которой однакожь проспой народъ почти совсѣмъ не употребляетъ. Когда они ѣдятъ, то мясо обмакиваютъ въ кислое молоко. Пшено, молоко, сыръ и баранина составляютъ у нихъ главные предметы жизненныхъ припасовъ, а напитковъ ихъ вода и брага. Приправою сполу служатъ Турецкой перецъ, лукъ и чеснокъ. Также любятъ они очень густо сваренныя яйца, а особливо приготовляемое изъ нихъ блюдо, которое называютъ *хинкаль*. Оно дѣлается изъ кислаго молока, коровьяго масла, свѣжаго сыра, варенаго въ водѣ тѣста изъ полбы, яицъ на четыре части разрѣзанныхъ, чесноку и луку. Блюдо сѣе подается только на большихъ пирахъ и почитается самымъ вкуснымъ. *Ширельдама* есть родъ пончикихъ блиновъ изъ пшеничной муки, которые мѣсятъ на яйцахъ съ молокомъ и пекутъ въ маслѣ. *Галива*, маленькiе пирожни изъ такого же тѣста, начиненные свѣжимъ сыромъ и лукомъ; оба сiи пирожныя довольно вкусны; вмѣсто сахара намазываютъ ихъ медомъ. Пчеловодство вообще составляетъ у Чересовъ важный предметъ хозяйства. Ульи пле-

пущся изъ ивы, и снаружи обмазывающ- ся смѣсью изъ коровьяго навоза и глины. Они имѣютъ овальную фигуру, въ вышину полтора фута, а въ низу въ діаметрѣ не съ большимъ футѣ. Улей ставится про- сто на кружокѣ; его поднимаютъ, когда надобно вынуть мершвыхъ пчелъ и нечи- стошу, и вырѣзать сопы. Внутри кла- дущся на крестѣ двѣ небольшія палочки, чшобъ пчеламъ удобнѣе было работать. Разстояніемъ вершка на полтора отъ ниж- няго дна дѣлается маленькое круглое от- версіе, величиною немного большее пче- лы. На круглой верхней части улья кла- дущся толщиною въ руку соломенные связ- ки, для защиты отъ дождя. На зиму пе- реносятъ ульи подъ крышку, но только тѣ, которые на слѣдующій годъ опредѣ- лены для приплода; для того обыкно- венно берутъ пчелъ здоровыхъ и силь- ныхъ, и онѣ опсаживаются въ особенный улей. Весною въ концѣ Марта и въ на- чалѣ Апрѣля онѣ роятся, и тогда раздѣ- ляютъ каждой улей на два или на три. Спараютъ, чшобъ молодой рой попалъ въ чашечку, согнутую изъ древесной коры, и имѣющую видъ конуса, которая привя- зана четырьмя нитками въ длинному ше- шу, вверху утвержденному; помомъ ищутъ машинки, и сажаятъ ее въ новой улей, куда впускаютъ также и молодой рой.

Излишнихъ мапокъ убиваютъ. Черкесы называютъ ихъ *лшегъ*, ш. е. Князьями. До самаго Иванова дня ульи споятъ близъ деревень; въ Юль и Августъ, когда начинаютъ сохнуть степныя растенія, спановятъ ихъ въ лѣсу на низкихъ горахъ; по осени опшуда перевозятся на арбахъ (тяжелыхъ фурахъ о двухъ колесахъ, запряженныхъ волами). Ульи, изъ которыхъ хощятъ вынимать медъ, обкладываются грибами (*Lycoperdon Bovista*), которые зажигаются; такимъ образомъ выкуривъ пчелъ, вынимаютъ соты, и попятъ ихъ въ кошль, чрезъ чило медъ садится на низъ, а воскъ наверху охлаждается. Улей обыкновенно продается за двѣ или за три рубашки; нѣкоторые пчеловодцы имѣютъ до 300 ульевъ. Медъ ихъ благо цѣлшу и очень вкусенъ.

Черкесы ѣздили прежде по Астраханской дорогѣ цѣлыми караванами къ озерамъ, лежащимъ между Кизляромъ и Астраханью, для добыванія соли, которую они получали безденежно. Со времени учрежденія линіи ихъ уже шуда не пускаютъ, и они должны покупать соль у Русскихъ, платя за оную скотомъ, сукномъ и другими произведеніями. Въ большую соляную фуру запрягаются по шестипи и по восьми воловъ. Рогатому скоту, лошадямъ и въ

особенности овцамъ дають они много лизать соли, и пошому у нихъ расходится очень много сего жизненнаго припаса.

Черкесы обыкновенно сядятъ на землѣ, поджавши ноги. Мушны вѣдятъ всегда верхомъ, а женщины въ арбахъ, запрягаемыхъ волами. Они вѣдятъ на маленькомъ столикѣ, едва въ одинъ футъ вышиною, а въ ширину въ полшора фута, у утверждаемомъ на прехъ ножкахъ. Говядину, сыръ и паспу подають на столъ изрѣзанныя уже на куски. Тарѣлокъ, ножей и ложекъ они не употребляютъ. Черкесы очень трудолюбивы, добры и услужливы, но при томъ довольно корыстолюбивы и въ требованіяхъ своихъ хитры и коварны. Главныя ихъ упражненія состоятъ въ войнѣ, звѣриной охотѣ и воровствѣ, и тѣ, которые у нихъ оплччаются въ сихъ занятіяхъ, пользуются особливомъ уваженіемъ. Во время хищничества они употребляютъ секретныя языки, которые основаны на взаимномъ ихъ условіи, и для нихъ только вразумительны. Обыкновеннѣйшіе называющіеся *шакобше* и *фаршилсе*; первый изъ нихъ кажется совершенно особеннымъ; ибо слова онаго неимѣютъ никакого сходства съ обыкновеннымъ Черкесскимъ языкомъ.

(Изъ *Ztng für die eleg. Welt.*)

III. С М Ъ С Ъ.

Театральное полрище Иффланда ().*

Передъ началомъ года за нѣсколько мѣсяцовъ каждой разъ Германія наводняется, по древнему обыкновенію, приливомъ календарей подъ разными названіями. Нѣтъ бога на Олимпѣ, нѣтъ искусства, нѣтъ науки, нѣтъ сословія, которое бы не имѣло своего алманаха съ ношами или безъ ношъ, въ стихахъ или въ прозѣ. Въ другихъ странахъ Европы трудно себѣ представить, какую полагающъ важность книгопродавцы, писатели и публика въ изданіи такого сочиненія, которое выходитъ вмѣстѣ съ сошнею подобныхъ бездѣлокъ. Впрочемъ было бы весьма несправедливо, основываясь на семъ замѣчаніи, укорять Германскую націю за привязанность ея къ бездѣлкамъ. Издавали календарей ничего не щадящъ, чшобъ сіи книжки сдѣлашь испинно любопытными какъ новостію рисунковъ, такъ и изяществомъ работы, которую они поручающъ искуснѣй-

(*) Имя славнаго Нѣмецкаго актера, живущаго въ Берлинѣ.

шимъ художникамъ, — сильная примана для охотниковъ, но она составляетъ послѣднее достоинство сихъ книжекъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ скромнымъ названіемъ. Если бы знали иностранцы, что первая часть одного изъ прекраснѣйшихъ историческихъ сочиненій — *Шиллеровой исторіи о тридцатилѣтней войнѣ*, писана для Дамскаго алманаха, что Геллева поема *Германъ и Доротея* вышла въ свѣтъ подъ покровительствомъ алманаха, наконецъ, что множество любимыхъ сочиненій, въ прозѣ и въ стихахъ, сдѣлались извѣстными публикѣ чрезъ посредство алманаховъ; то имъ неказалось бы удивительно, почему Нѣмцы такъ охотно раскупаютъ сіи ежегодныя изданія, въ другихъ странахъ совсѣмъ не уважаемые людьми знающими — безъ сомнѣнія для того, что онѣ такъ неимѣютъ права на уваженіе по своему содержанію.

Сіе отступленіе о календаряхъ или алманахахъ Нѣмецкихъ не совсѣмъ чуждо моему предмету; въ одномъ изъ нихъ нашелъ я біографію Иффланда, писанную имъ же. Авторъ помѣстилъ краткое начертаніе оной при первомъ томѣ Собранія драматическихъ своихъ сочиненій.

Иффландъ въ Германіи несравненно менѣе извѣстенъ, чѣмъ Коцебу, но въ Гер-

маніи онъ несравненно болѣе уважается. Иффландъ посвятилъ себя единственно театру, какъ авпоръ и актеръ; онъ не сочинялъ ни романовъ, ни сапиръ; не дурачилъ публику ни *достопамятными* годовъ своей жизни, ни сплетнями вздоромъ, вопреки всѣмъ правиламъ общежитія; не изрыгалъ клеветъ и оскорбленій на такую націю, у которой пользовался отличными ласками гостепрѣимства. Иффландъ, не дѣлающъ театръ училищемъ худой нравственности, или мѣстомъ личнаго мщенія; онъ пребываетъ вѣрнымъ клятвѣ своей, произнесенной имъ при первомъ своемъ успѣхѣ, клятвѣ *не употреблять ео зло* пои силы, посредствомъ которой можно имѣть вліяніе на души собравшагося народа (*). Соотечественники наименовали его Нѣмецкимъ Мольеромъ; похвала сія служитъ знакомъ всеобщаго почтенія; однакожъ она увеличена. Германія, какъ и другія страны

(*) Это относится къ г-ну Коцебу, котораго нежалуютъ Французы за то, что онъ неизъявляющъ раболѣпнаго удивленія передъ безстыднымъ ихъ самохвальствомъ, и что написалъ объ нихъ много справедливаго. Нетрудно было бы доказать, какого народа писатели наиболѣе отличились изрыганіемъ клеветъ и ругательствъ на частныхъ людей и на государственныхъ чиновниковъ, на цѣлыя націи и на самыхъ даже Монарховъ, природныхъ Государей. *Изд.*

Европы, еще не видала у себя Мольера, но-порой только однажды явился на земномъ шарѣ (*).

Одно Мольерово сочиненіе возбудило въ молодомъ Ифландѣ врожденную страсть къ театру. Еще по шестому году онъ увидѣлъ въ Ганноверѣ, мѣстѣ своего рожденія, комедію *Больной по воображенію*, которая произвела въ немъ столь сильное впечатлѣніе, что съ той самой минуты онъ пересталъ искать удовольствія въ обыкновенныхъ забавахъ по своему возрасту. Когда ему надобно было остановить свое вниманіе на какомъ нибудь предметѣ, то онъ всячески старался найти въ немъ какое нибудь отношеніе къ театральному искусству.

Во второй разъ онъ увидѣлъ Корнелеву трагедію *Родоуну*. Пышность одежды и прикиньность прагического дѣйствія до такой степени поразили его удивленіемъ, что забравшись дома на чердакъ и окупавшись старою епанчею, онъ цѣлый день игралъ тамъ ужасное пятое дѣйствіе, котораго самъ очень пугался. Отецъ театрального героя, опасаясь, чтобы сильные порывы приспирасія къ театру не разстроили его

(*) Языкъ хвастливаго Француза !

мозга, или по крайней мѣрѣ неповредили здоровья, опдалъ его въ училище; и сей младенецъ съ перваго раза употребилъ грамматнику свою и лексиконъ на то, чѣмъ добраться до значенія надписи, видѣнной имъ въ театръ на занавѣсѣ: *Curam dulce levamen*. Онъ нашелъ, что шворецъ сей мысли не могъ лучше опредѣлить счастливаго дѣйствія, производимаго театромъ; но при епой же мысли Иффландъ съ горестію вспоминалъ, что онъ лишенъ своими родителями единственнаго удовольствія, которое служило бы *сладостнымъ заботъ его облегченіемъ*.

Голова молодого Иффланда въ самомъ дѣлѣ была очень разгорячена, если судить по тому, что онъ самъ нынѣ рассказываетъ. Еще будучи пятнадцати лѣтъ отъ роду, когда ему не дозволяли посѣщать театра, или слушать музыку, которую онъ такъ же любилъ спрашно, и не зная другой опрады, онъ уходилъ на кладбище, гдѣ предавался всѣмъ мечтаніямъ, могущимъ поддерживать по испуленію, въ которомъ онъ поспавлялъ свое блаженство. Блеспательный успѣхъ полученный имъ въ роли одной трагедіи, которую играли въ училищѣ, усилилъ въ немъ природную его склонность къ театру. Въ 1777 году онъ рѣшился оставивъ домъ отеческій, и совершенно пре-

дашься тому упражненію, которое только одно казалось ему достойнымъ зависши. Пылкой молодой человекъ, прошедши часть Германіи и не находя случая употребить своихъ дарованій и склонностей, наконецъ получилъ позволеніе играть на Голландскомъ театръ. Онъ искренно признается, что еслибъ не оказали снисхожденія къ его слабамъ, то ничего кромѣ стыда не могъ бы онъ приобрести за свою отважность. Голперъ, писатель въ то время очень знаменитый, взялъ Иффланда подъ особенное свое покровительство и давалъ ему наставленія, которые содѣлали публику къ его дарованіямъ гораздо благосклоннѣе и внимательнѣе.

На семъ-то театръ случилось съ Иффландомъ маленькое происшествіе, которое авторъ рассказываетъ единственно какъ забавной случай, но изъ котораго, мнѣ кажется, можно бы почерпнуть новое доказательство ложности системы; предполагающей, будто можно и должно всему тому подражать въ природѣ, что дѣлается надъ нами впечатлѣніе. Иффландъ съ двумя своими товарищами одинакаго съ нимъ возраста прогуливался ночью по окрестностямъ Голы. Всѣ они пришли въ одну деревню въ то самое время, когда на ближайшей колокольнѣ ударило полночь. Они учи-

ли тогда роли изъ Шекспирова Гамлета, и вспомнили о явленіи призрака. Имъ показалось, что однообразные звуки маятника и глухой шумъ часовыхъ колесъ, обыкновенно слышимый прежде нежели бьютъ часы, могутъ произвести чудесное дѣйствіе на сценѣ. Съ такою счастливою мыслию на другой день уговорили они машиниста приготовить сей планъ въ дѣйство; даже упросили его хранишь его въ тайнѣ отъ самаго Директора и отъ цѣлой шруппы, которыхъ они хотѣли сколько же привести въ обвороженіе, какъ и самыхъ зрителей. Начинается представленіе: машинистъ употребляетъ все свое умѣнье, чшобъ удачнѣе подражать маятнику часовому; зрители, вмѣсто изумленія, начинаютъ смѣяться! Потомъ, въ ту минуту какъ привидѣніе должно появиться на сценѣ, вдругъ слышатъ необыкновенную шумошю, будто бы отъ движенія колесъ происходящую прежде колокольнаго звука: и несчастное привидѣніе выступаетъ на сцену, будучи въ крайнемъ замѣшательствѣ отъ хохота и свиста зрителей. Разъяренный Директоръ бѣгаетъ по театру; надлежало наконецъ опуститъ занавѣсъ!

Иффландъ предлагаетъ здѣсь въкратчя мысли, швъ болѣе достойныя примѣчанія, что ихъ не лзя было ожидать

онъ Нѣмца: „При появленіи Шекспировыхъ трагедій на театрѣ нашемъ,“ говоритъ Иффландъ „съ прискорбіемъ смотрѣли на нихъ многіе разсудительные люди, которые предвидѣли, что они приучатъ публику къ происшествіямъ много сложнымъ, къ движеніямъ сильнымъ, а самихъ актеровъ къ неистовымъ воплямъ. Что должны будутъ дѣлать драматическіе писатели, дабы тѣмъ и другимъ нравиться? изображать чудовища, которые уничтожая драматическое искусство, истребляютъ чувство хорошаго вкуса.“ Далѣе разсуждаетъ онъ слѣдующимъ образомъ: „Въ нашихъ актерахъ теперь едва уже примѣтны нѣкоторыя слѣды того тона и тѣхъ приемовъ, для которыхъ молодые благовоспитанные люди нѣкогда приходили въ театрѣ, и которыми по-дражались спарались.“

Изъ Готы Иффландъ перешелъ въ Мангеймъ. Тамъ находился дворъ Курфирста Карла; уже съ давняго времени содержалъ онъ Французскую комедію и Италіанскую оперу, не щадя изживеній; охотниковъ до нихъ было много. Нѣмецкій театрѣ имѣлъ свою podporу въ Баронѣ Далбергѣ, въ коемъ Иффландъ нашелъ себѣ просвѣщеннаго покровителя. Великій успѣхъ его драмы *Преступленіе отъ честолюбія* (Verbre-

шен aus Ehrfucht) доставилъ ему уваженіе публики и благоволеніе Курфиршеской фамиліи. Въ слѣдующіе годы онъ давалъ различныя драмы, которыя помѣщены въ собраніи его сочиненій. Слава объ Иффландѣ, авторѣ и актерѣ, распространилась по всей Германіи.

Иффландъ, однажды принося благодареніе старой Курфиспинѣ Палашинской за полученное отъ нея благодареніе, кляшвенно общался не оставляя Мангеймскаго театра. Въ послѣдствіи онъ отвергнулъ самыя лестныя предложенія; однакожъ не могъ не побѣжать во Франкфуртъ, по случаю торжества коронаціи Императора Леопольда II. Для сего Государя Иффландъ написалъ случайное сочиненіе: *Фридерикъ Австрійскій*.

Неожиданная сцена, въ которой онъ игралъ безъ всякаго намѣренія, сдѣлала его ненавистнымъ партіи, тогда еще неизвѣстной, но ожидавшей благоприятнаго времени, чтобы начать дѣйствовать. Представляли на Мангеймскомъ театрѣ оперу: *Ришардъ львиное сердце*. Людовикъ XVI, возвращенный изъ Варенна, тогда содержался въ шемницѣ; зрители, какъ Нѣмцы такъ и Французы, съ жадностію примѣняли всѣ намѣки въ оперѣ къ положенію

сего Государя. Занавѣсъ опустился; публика съ великимъ крикомъ вызвала актеровъ на сцену. Въ Германіи водится, что въ такомъ случаѣ одинъ изъ актеровъ долженъ сказать публикѣ маленькое привѣщаніе. Иффландъ выходитъ на сцену и говоритъ пофранцузски: „Дай Богъ, чтобы нашелся Блондель, который спасъ бы жизнь Королю!“ Вновь раздались громкіе плески. Но послѣ мяшежныя головы, сѣвшія раздоръ на обоихъ берегахъ Рейна, вѣрили слова сіи въ злодѣйство. Конечно не трудно было мстить авшору-актеру, нанося ему безпрестанныя неудовольствія: тогда-то Иффландъ вспомнилъ о предложеніяхъ, дѣланныхъ ему отъ разныхъ дворовъ въ Германіи; онъ оставилъ Мангеймъ послѣ двукрапной осады сего города Французами и Австрійцами, и прибѣжалъ въ Берлинъ, гдѣ Фридерикъ Вильгельмъ II, отецъ нынѣшняго Короля, поручилъ ему управленіе театромъ.

Уже давно Иффландъ ничего не пишетъ для театра, хотя ему не болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Друзья шлантовъ его заключаютъ, что привязанность къ спокойствію и занятія по должности суть единственныя причины, которыя препятствуютъ ему писать. Собраніе сочиненій его содержитъ осмнадцать драмъ раз-

наго рода; но большую часть составляют предпочитаемые Нѣмцами всѣмъ другимъ и называемыя ими Schauspiel. Это собственно *Драма*, или иногда по же что *Мѣщанская трагедія*. Иффландъ отличаетъся занимательностію своихъ предметовъ, почтенностію характеровъ, часто удивительною естественностію въ разговорахъ и цѣлностію всегда нравственною. Лучшими изъ сочиненій его почитаются: *Охотники* (Die Jäger), *Холостые* (Die Hagestolzen) и *Игрокъ* (Der Spieler). Вразсужденіи послѣдней, ему надобно было вступитъ въ соперничество со многими сочиненіями, принятыми на разныхъ театрахъ въ Европѣ (*); но большинствомъ голосовъ опредѣляется пальму Иффланду.

Изъ Мемс. de Fr. Ив. Сигреа.

(*) Кромѣ Иффландова Нѣмецкаго *Игрока*, есть еще *Игрокъ* Французскій Реньяровъ (Jouer), Англійскій Gamester и Италіанскій Giuocatore.

*Чувствованіе Русскаго по прочтеніи
Высочайшаго Рескрипта, даннаго въ
Вильнѣ 13 Іюня о вѣроломномъ
нарушеніи мира Французами.*

МОНАРХЪ-Отецъ къ сынамъ взываетъ,
Врага въ предѣлахъ Царства зря,
И всюду общій гласъ вѣщаетъ:
„Умремъ за Бога, за Царя;
„Умремъ — какъ прежде умирали,
„Съ Донскимъ, Пожарскимъ злыхъ карали,
„Съ Екашериной иль Пешромъ.
„Богъ силъ — намъ вождь; защита — вѣра,
„А честь — для Галла казни мѣра.
„Греми опшщенья спрашнй громъ!

„Греми на злобу, на коварства,
„На нарушенье правъ святыхъ;
„Греми ты за Царей, за Царства
„На цѣпь дѣлнй гнусныхъ, злыхъ,
„Опшсти Европы кровь и слезы,
„И низки для Славянъ угрозы
„Разсѣй ты какъ лешучій прахъ. . . .
„Гдѣ нашихъ праѣдовъ булаты?
„Гдѣ шлемы, копя ихъ и латы?
„Явитесь днесъ на ихъ сынахъ.“

Рекли: — и тысячами ко брани
Какъ бурный вихрь на долъ лешашъ;
Ихъ мечъ булатный швердъ во длани,
Сердца ихъ ревностью горяшъ.
Спыдись, сокройся врагъ вселенной!
Куда спремись дерзновенной? —

Се идутъ Сѣвера сыны,
Бѣги, бѣги безстрашныхъ взгляда,
Передъ крестомъ прахъ сила ада;
Коль съ нами Богъ, никто на ны.

Богъ съ нами — съ нами добродѣтель,
Честь, истина, законъ сердець,
И совѣсть, нашихъ дѣлъ свидѣтель,
Всѣхъ дѣлъ начало и конецъ.
Да будутъ въ мирѣ наши дома,
Брегутъ ихъ кровъ небесны громы,
Надежда, Вѣра и Любовь . . .
Не простирая въ древность взоровъ,
Забылиль Галлы, какъ Суворовъ
За истину лилъ вашу кровь?

Альпійски гордыя вершины
Во глубинѣ вѣковъ рекутъ:
Сынамъ Славянъ ничшо пучины,
Коль смерть сквозь тмы смертей несутъ,
Лиманъ и Бельтъ еще трофеи
Во брани Россы чародѣи:
Спихи и грозны въ ихъ рукахъ.
Идутъ — и вмигъ враговъ не стало.
Для славы ихъ вселенной мало;
Ихъ имя — всѣхъ народовъ страхъ.

Идите Россы съ древнимъ духомъ
За вѣру, родину, Царя,
И громкія побѣды слухомъ
Прейдутъ и сушу и моря.
Но что? ужель на брань готовы,
Чтобъ вновь сплести вѣнцы лавровы?

Ахъ! шаль награда ихъ сердець!
Безсмертнымъ именемъ, дѣлами,
Воздашся только небесами
Достоиной въ вѣчности вѣнецъ.

Д. Г... въ.

Московскія записки.

Намъ доставленъ *печатный* Приказъ, отданный въ Дунайскую армию начальствовавшимъ надъ оною Графомъ Михайломъ Ларионовичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ.

„Въ Букарестѣ 12 Мая 1812 года.

Отбывая по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію въ Сѣнкт-петербургъ, возведенному на степень Главнокомандующаго Дунайскою Арміею Господину Адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову сдалъ я главное надъ оною начальство.

Оставляя здѣшнюю армию, обратимъ въ собственное мое, всѣхъ и каждого изъ воиновъ ея услаженіе, вниманіе на подвиги столь славно сопровождавшіе всѣ дни кампаніи 1811 года. Чего не превозмогли вы, Дунайскіе воины, одушевленные послушаніемъ и всеильною любовію ко Всемилоспивѣйшему МОНАРХУ. бо съ Тысячъ надменныхъ Турецкихъ войскъ подъ предводительствомъ Верховнаго Визиря мечтають перенести владычество свое въ мѣста вашимъ мужествомъ и кровію приобретенныя; но 12-ть тысячъ изъ среды вашей смиряють ихъ кичливость и обращаютъ въ

бѣгъ. Сей ударъ блистательнаго оружія порази́лъ силы многочисленныхъ полкъ Турецкихъ, собранныхъ изъ всѣхъ концовъ Општоманской Имперіи до такой степени, что до 28 Августа въ войнѣ наступательной съ силами превосходными неимѣлъ неприятель довольной швердости сдѣлать какое либо покушеніе на насъ, спокойно расположенныхъ по Дунаю. Но и шувъ готовили вы ему новый ударъ. Кпо неучаствовалъ, томъ съ восторгомъ видѣлъ блистательной переходъ на правой берегъ Дуная, взятіе и истребленіе Императорскаго лагеря, трофеи, пѣнныхъ и необыкновенную добычу, храбрыми приобрѣтенную. Наконецъ взятіе Турпукая, паденіе Силистріи со всею артиллеріею, поразили духъ неприятельской до того, что оную, составленную нѣкогда изъ отличнѣйшихъ Азіатскихъ Арнауцкихъ войскъ и Цареградскихъ Янычаръ, на сей сторонѣ находившуюся, стѣсненную армію съ предводителемъ ея прехъ бунчужныхъ Пашею Визиремъ Чабанъ Оглу, многими другими, съ Ташарскими Султанами, 56-ю пушками, храбростію и бѣдствіями упомянутую, повергли вы къ Высочайшимъ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Подъ щитомъ Всемогущаго Бога, руководствуясь мудрыми предначертаніями ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Дунайская армія, увѣнчанная щедротами отъ Всемилоствивѣйшей Десницы и славу къ славі приложившая, останется навсегда незабвенною въ сердцахъ патриотовъ - согражданъ въ любезномъ нашемъ Отечествѣ, и увѣренность въ исполненіи желаній Вселюбезнѣйшаго МОНАРХА пребудетъ цолико же шверда, какъ шверды желанія Его.

Разставаясь со здѣшней Арміею, справедливымъ долгомъ считаю главнѣйшую мою признательность засвидѣтельствовать Г. г. корпуснымъ, опряднымъ, полковымъ и прочимъ начальникамъ: ихъ же усердіемъ, искусствомъ и храбростію достигаютъ воинство жалаемой цѣли. Дружба ихъ ко мнѣ, иногда услаждая горькія минушы, нераздѣльные съ грудями и безпокойствіемъ военной осторожности въ продолженіи 90 дней на бивакахъ, способствовала къ шѣмъ событіямъ, которыхъ время оправдало.

Разставаясь со здѣшней Арміею, приношу чувствительнѣйшую благодарность мою всему вообще войску и за ту любовь, которая оградила меня употребленіемъ власти Высочайше мнѣ предоспавленную къ обращенію кого либо силою къ своимъ обязанностямъ: но единственно на исходатайствование щедротъ, Всемилостивѣйше излиянныхъ опъ Высочайшей руки. — Воспоминаніе сего оспанется навсегда неизгладимымъ въ сердцѣ моемъ и сопровождать будетъ лучшіе часы жизни моей, какъ я желаніями и мольбами моими ко Всевышнему сопровождаю всѣ дѣйствія Дунайской арміи къ достиженію цѣли мудро предначерпанной Вселюбезнѣйшимъ нашимъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ и къ умноженію славы ея.“

Подлинный подписалъ Генераль Графъ
Г. Кутузовъ.

Театръ. Юня 19 го *Иосифъ прекрасный*, большая драматическая опера въ 3 актахъ, слова *Дювалля*, музыка *Мегюля*. — Зритель переносится ко временамъ отдаленной

древности; ему показывающѣ лица, коихъ имена освящены въ душѣ его уваженіемъ съ самаго младенческаго возраста; изображение патриаршескихъ обычаевъ доставляетъ ему почто такое же удовольствіе, какое ощущаетъ въ себѣ любитель древности, взирая на славнѣйшіе памятники, бывшіе свидѣтелями многихъ вѣковъ и дѣяній. Кому неизвѣстна исторія Іосифа, изъ пастырской хижины, изъ обѣяній нѣжнаго родителя испоргнушаго зависію и злобою, но судьбами непостижимаго Промысла возведеннаго на верхъ почестей и славы въ сильномъ, богатомъ и цвѣтущемъ Государствѣ? Іосифъ любезенъ всякому доброду сердцу; не слезы и воздыханія огорченныхъ сопровождали его къ первому сану по Фараонѣ; не по шрупамъ несчастныхъ, оболъченныхъ жертвъ своего честолюбія шествовалъ онъ къ высокому назначенію; не коварствомъ и обманомъ восхитилъ онъ власть верховную; онъ пропищалъ милліоны народа, благошворилъ поданнымъ своего Государя, оградилъ престолъ Фараоновъ мудрыми своими распоряженіями, снабжалъ а неразорялъ нуждающихся чужеземцовъ, и память его благословляется попомствомъ! Свиданіе Іосифа съ отцемъ и братьями, когда онъ открываетъ имъ себя, есть происшествіе самое драматическое; но всего болѣе восхищаетъ въ сей оперѣ главная часть ея — музыка. Епо, какъ увѣряющъ, лучшее произведеніе Мегюля. Нѣкоторые зрители, читавшіе путешествіи и археологовъ, хотѣли бы можетъ быть видѣть на театрѣ Іосифовы чертоги такими, какими они представляютъ себѣ въ умѣ древнія храмины Египетскаго вкуса, по есть безъ сводовъ, а съ пополками лежащими на толстыхъ столбахъ,

неимѣющихъ ни Греческой пропорціи, ни украшеній Коринескаго ордена. Но для соблюденія сей точности въ костюмѣ потребны немалыя издержки; не такъ трудно было бы исполнить другія условія театральнаго искусства. Сыны Іаковли являющіяся съ длинными на головѣ волосами; у одного Симеона, кошораго представлялъ г. Прусаковъ, голова острижена кругомъ, только на вискахъ оставлены локоны. Актеръ подумалъ, что въ такомъ видѣ онъ лучше походитъ будетъ на Еврея; но прежде надлежало бы справиться, когда Іудейскому народу предписаны законы для гражданской и семейственной жизни. Не сыны Іаковли, но потомки ихъ, уже вышедши изъ Египта, получили приказаніе стричь волосы.

Іюня 23. *Карлъ XII при Бендерахъ*, историческая драма въ 5 актахъ, переведенная съ Нѣмецкаго. — Нѣмцы отступили отъ истинныхъ правилъ пишики, и изъ труднаго искусства драматическаго сдѣлали ремесло самое неумудренное. Съ одной стороны это очень выгодно: публика любитъ новости; уважая здравой разумъ и основанныя на немъ правила вкуса, какъ можно удовлетворить частымъ требованіямъ людей, копорымъ все старое наскучило? Сверхъ того неприятнѣе ли почиташь себя свободнымъ гениемъ, неснѣсняемымъ никакими законами въ словесности, нежели бышь робкимъ ученикомъ, зависящимъ отъ мнѣній какого-нибудь педанта? При такихъ утѣшительныхъ сужденіяхъ драматическому писателю нужны не правила и не примѣры, но только перья, чернила и бумага. Всякое происшествіе для него будетъ театральнымъ дѣйствіемъ и всякое лицо приличнымъ характе-

ромъ. Два или три разнородныя дѣйствія онъ соединяетъ въ одной драмѣ; нужное пропускаетъ, излишнее припущиваетъ, объ интересѣ, ходѣ, правдоподобіи не заботится. Историческая драма *Карлъ XII* можетъ быть не во всемъ подходитъ къ сочиненіямъ сего разряда; однакожь ее никакъ не лзя назвать правильною драмою. Карлъ съ горстью солдатъ своихъ выдерживаетъ осаду противъ Панаи въ домѣ своемъ подъ Бендерами; есмь ли тутъ драматическое дѣйствіе? Сочинитель самъ чувствовалъ, что нѣтъ его, и для того приплелъ сюда такой огромный эпизодъ, который пространствомъ своимъ закрываетъ все главное содержаніе. Это крыльцо обширнѣйшее всего дома! Дѣло состоитъ въ любви между Шведскимъ офицеромъ и дочерью Мурзы Татарскаго, любви представленной вопреки всякому вѣроятію, совсѣмъ несообразной съ обычаями Татарскими. Если тутъ изъ дѣйствующихъ лицъ кто нибудь ходитъ самъ на себя, то во первыхъ это Карлъ XII, пылкій, рѣшительный, непреклонный, потомъ Французской бродяга Ласерръ, хвастливой, нагой, безчестной, съ одними подлый, а съ другими гордый, смотря по обстоятельствамъ, для выгоды своихъ отвергшійся отъ христіанской вѣры и принявшій магометанскую. — Какими воспоминаніями наполняется душа зрителя при сей драмѣ! Карлъ XII, потрясшій всѣ государства на сѣверѣ, со многочисленнымъ и побѣдоноснымъ войскомъ своимъ прошекшій Польшу и Саксонію, низведшій Августа съ Королевскаго престола и возложившій корону на Станислава, переходитъ Нѣмьнъ, приближается ко Днѣпру, и въ упоеніи гордости общается въ Москвѣ говорить о мирѣ съ

Царемъ Россійскимъ. Великій Петрѣ по-смѣялся дерзновеннымъ угрозамъ честолюбца, сказавши: *Братъ мой Карлъ все почитаетъ себя Александромъ; однакожъ онъ не найдеть во мнѣ Даріа.* Уже Король Шведскій переправился черезъ Днѣпръ, имѣя твердое намѣреніе устоять въ своемъ словѣ. *Безпристрастный* Вольтеръ, сей великій историкъ говорилъ, что Карлъ *незахотѣлъ* отъ Смоленска прямо идти въ Москву, а разсудилъ заблаго взять направленіе къ сей столицѣ со стороны Малороссіи. Въ самомъ дѣлѣ шамъ надѣялся онъ найти великую для себѣ помощь въ дружескихъ услугахъ Гешмана Мазепы. Славные завоеватели, удивляющіе свѣтъ громкими своими дѣяніями, какъ извѣстно, иногда оставивъ величіе своего сана, удоспоявающъ чужихъ подданныхъ предложеніями своими объ измѣнѣ законному ихъ Государю. Карлъ имѣлъ свиданіе съ Мазепою, склонилъ его къ нарушенію чести и присяги, и направилъ силы свои въ Малороссію. Шведской Генералъ Левенгоуптъ, которой спѣшилъ соединиться съ Государемъ своимъ, былъ Петромъ Великимъ разбитъ наголову подъ Лѣснымъ и потерялъ весь корпусъ и военные припасы. Сею побѣдою, которую Петрѣ называлъ матерью Полшавской, Русскіе преподали полезный практическій урокъ Карлу и всѣмъ нарушителямъ спокойствія народовъ, что упованіе на Бога не посрамляетъ, что опасно впоргаться въ предѣлы Государства, защищаемаго грудью вѣрныхъ сыновъ опечества, и что военное счастье на послѣдокъ отказывается благопріятиспвовать тому, кто не знаетъ мѣры зашѣямъ своего ненасытнаго власполюбія. Но Карлъ помнилъ шолько о славѣ героя Маке-

донскаго и обѣ успѣхѣ своемъ подѣ Нарвою ; онѣ не хотѣлъ размыслишь, чему подвергаетъ свое войско. Чшожь вышло ? Опытная Шведская армія, приобыкшая ко всѣмъ трудностямъ военнымъ и одушевленная присутствіемъ самаго Карла *непобѣдимаго*, на поляхъ Полтавскихъ разсѣяна какъ прахъ, въшромъ возметаемый ; самъ Король со стыдомъ убѣжалъ съ поля сраженія ; Полтавскія равнины и путь до Днѣпра усплались трупами Шведовъ и вѣроломныхъ козаковъ ; цѣлая половина спасшейся отъ Россійскаго меча арміи наступлена подѣ Переволочною и опшведена въ неволю ; награбленные у Поляковъ и Саксонцевъ сокровища достались побѣдителямъ, и гордый Карлъ принужденъ былъ искать покровительства у Турковъ ! Поселившись при Бендерахъ, онѣ спарался подвигнуть чалмоносцовъ на войну противъ Россіи. Безъ войска, безъ денегъ и безъ счастья онѣ все еще уповалъ господствовать надъ умами ; но очарованіе скоро исчезло. Карлъ всѣмъ наскучилъ своими притребованіями, равно какъ прежде пягошилъ родъ человѣческой своими успѣхами, и его надлежало силою выпроводить изъ Турціи. Слава замолкла, союзники опшступились, побѣжденные опшпали, силы государства истощились : вотъ слѣдствія зашѣйливыхъ предприятий !

Іюня 25 *Новый Стернь*, комедія. Къ намъ въ столицу доходятъ изъ разныхъ городовъ ближнихъ и дальнихъ приятныя извѣстія, что *Новой Стернь* часто появляется и на провинціальныхъ театрахъ. Знакъ доброй ! Кто въ театрѣ смѣется надъ *Новыми Стернями*, тотъ уже вѣрно спыдится щеголять

сентиментальностію, и вѣрно уже попалъ или скоро попадетъ на хорошій вкусъ въ словесности. Чувствительность сердца есть конечно драгоценный даръ природы: но надобно, чтобы она была управляема здравымъ разумомъ, а здравый разумъ запрещаетъ бесполезно шатаваться по бѣлому свѣту, разнѣживаясь при всякой обыкновенной вещи, болтаетъ беспрестанно о лазурно-розовомъ небѣ и о бальзамическомъ вліяніи, и единственно въ етомъ болтаньи полагають все просвѣщеніе, а въ сентиментальныхъ путешествіяхъ, сказочкахъ и романахъ весь кругъ изящной словесности. Если разсмотримъ, откуда происходитъ и куда ведетъ сія приторная чувствительность; то вдругъ окажется, что источникомъ ея бываетъ чудное воспитаніе и невѣжество, а слѣдствіемъ изнѣженность сердца, неспособность къ отправленію должностей въ обществѣ и несносная причудливость. Я невиню Стерна, хотя бы почто онъ былъ причиною разлившейся и нынѣ слава Богу прекращающейся заразы сентиментальной. Стерна можно прочитывать съ удовольствіемъ. Новость слога его и припной безпорядокъ въ расположеніи мыслей нравится, какъ вещь необыкновенная. Но Стерну подражать невозможно и недолжно; онъ не составляетъ особаго разряда въ словесности и сочиненія его (я говорю не о проповѣдяхъ) не принадлежатъ ни къ какому роду. При томъ же въ самыхъ снранностяхъ Стерна виднѣтъ умъ, обогащенный разнообразными свѣдѣніями и сердце непритворно чувствительное. Наконецъ, Стернъ изображаетъ природу въ ея подлинномъ видѣ, и расположеніе души его соображается со вишними предметами, а не онъ сообщаетъ предметамъ свои краски;

или объясню уподобленіемъ, онъ не смопритъ на вещи сквозь синее стекло, и вещи отъ того некажутся ему синими. Напротивъ того нашимъ сеншиментальнымъ путешественникамъ и романистамъ вся природа почти всегда кажется помною, отъ того что они хотятъ ее видѣть такою, почитая сей способъ дѣйствовать на сердца своихъ читашелей самымъ надежнѣйшимъ; и просподушные читашели въ самомъ дѣлѣ попадаются въ ихъ сѣти! Г. Мочаловъ очень хорошо играетъ Графа Пронскаго. Какъ онъ нѣженъ! Сахарная сладость льется изъ устъ его! Я живо представляю себѣ одного изъ записныхъ сеншиментальныхъ путешественниковъ при словахъ: „Утро ясно, ясна душа моя! — А тамъ, тамъ за дымчашими горами, за грустнымъ, лѣсомъ милліоны людей! . . . О Леди! Ле-ди (*)! шебя ужъ нѣшь! . . . слеза друж-ба! . . . Здѣсь встрѣтилъ я невинное существо, Ангела въ образѣ интересной паспущки (**); ахъ! . . . вздохъ любви! . . . ея взглядъ, здѣсь! . . . пламенная стрѣла Амура эскизироваала ея силуешъ въ сердце мое. . . всю ночь мрачный Морфей не очер-нилъ зрѣнія моего; она была въ мысленныхъ очахъ моихъ.“ Кого не разнѣжишь такое красноглаголаніе! Д. Д.

(*) Имя Англійской собачки.

(**) Маланью, дочь мѣльничихи.

Вѣлиски, замѣчанія, извѣстія.

На островѣ Корфу, кромѣ издаваемаго уже тамъ *Monitore Ionio*, предположено печатать еще одинъ Журналъ на Италіанскомъ и Греческомъ языкахъ: *Giornale filologico ed economico*, *Филологиче и ѣ оікономиче Іоніеве*, въ которомъ должны быть помѣщаемы извѣстія не только до земледѣлія, ремесла и проч. касающіяся, но также объ Іонійской Академіи, о Филологическомъ Бухарестскомъ обществѣ и объ Археологическихъ открытіяхъ.

✱

Извѣстный Шашобріанъ написалъ трагедію подъ титуломъ: *Мойсеево съ горы возвращеніе*. Поелику Французамъ трудно обойтись безъ любовнаго пустословія въ какой бы то ни было трагедіи, то сочинитель заблагодарсудилъ Ааронова сына представити страстно влюбленнымъ въ одну Принцессу изъ народа Амаликовъ.

✱

Мадамъ Книпъ, первая живописица натуральной исторіи при Императрицѣ Французской, недавно напечатала со всевозможною типографическою пышностію книгу подъ названіемъ *Голуби*, получила за нее дорогіе подарки и была расхвалена въ журналахъ. Теперь г. Темминкъ, Гарлемской Академіи Наукъ Директоръ, объявляетъ Публикѣ, что *сорокъ* рисунковъ въ книгѣ мадамы Книпъ сдѣланы имъ а не ею, и что мадамъ Книпъ по своему произволу изуродовала прибавленный имъ текстъ, къ изясненію картинъ служащій. Ея придворная мадамъ Книпъ, какъ видно, должна быть женщина очень смѣливая.

✱

Неоспоримымъ доказательствомъ, что авторство отдѣлилось отъ наукъ во Франціи, служатъ многія учебныя книги, наполненныя смѣшными погрѣшностями. Въ одномъ Географическомъ Словарѣ (Dictionnaire géographique), недавно изданномъ *вторымъ тисненіемъ*, написано между прочимъ, что Бразилія имѣетъ въ себѣ *тридцать милліоновъ пять сотъ тысячъ* жителей; что Бѣлой мысѣ лежитъ подъ 43 градусомъ широты, хотя и вся Африка простирается не далѣе 37 градуса; что Ницца лежитъ подъ 33 градусомъ, слѣдственно въ Варварійскихъ владѣніяхъ; что деревня Кресси находится въ четырехъ миляхъ отъ Парижа, вмѣсто сорока; что вся Америка называется Западною, а иногда Восточною Индіею и проч. Книга сія, какъ уже сказано, напечатана вторымъ изданіемъ!

*

Въ Ниццѣ умеръ извѣстный Ломбардъ, прежде бывшій Прусскимъ кабинетнымъ Совѣтникомъ. Здѣсь упоминается о немъ какъ о Членѣ Берлинской Академіи. Онъ былъ сынъ перукачера, родомъ Француза, изъ числа поселенныхъ недалеко отъ Берлина. Онъ умѣлъ правильно и красиво писать пофранцузски, и потому Фридрихъ II опредѣлилъ его въ канцелярію иностраннаго департамента. По ходатайству извѣстной Лихтенау, въ царствованіе Фридрихова преемника Ломбардъ пожалованъ въ Секретари Кабинета. Нынѣшній Король возвелъ его въ достоинство Кабинетнаго Совѣтника. Въ Члены Академіи принявъ онъ не за что иное какъ единственно за удачно переведенный опрывокъ изъ четвертой книги Енеиды. Въ 1806 году въ Берлинѣ почитали за несомнительную истину, что

хинными своими происками онъ именно произвелъ въ Кабинетѣ и въ Совѣтѣ военномъ ту нерѣшимельность и по. несогласіе, за которыми необходимо надлежало послѣдовать сраженію при Іенѣ. Ломбардъ былъ еще и безсмѣннымъ Секретаремъ Академіи, и доказалъ неоспоримо, что онъ вовсе не могъ принадлежать къ сему сословію.

*

Въ Парижѣ объявляютъ объ изданіи переписки нѣкоторой великой Государыни съ Дидеротомъ и Гриммомъ. Сіи бумаги, какъ называютъ, привезены были сперва въ Берлинъ, гдѣ взяты въ военное время и *случайно* явились въ Парижѣ.

*

Въ Архенгольцовой Минервѣ объявлено, что Политическій Журналъ, которой, какъ извѣстно, въ Гамбургѣ прекратился, снова будетъ выдаваться въ Дрезденѣ.

*

Въ Грецѣ учреждено нынѣ училище, въ которомъ преподаются наставленія въ Славенскомъ языкѣ; а Г. Примицу, учителю оного языка, поручено также сочинить Нѣмецко-Славено-Лашинскій Словарь.

*

Аббатъ Романелли, осматривавшій недавно находящіяся при церкви Св. Іаннуарія въ Неаполѣ кашакомбы, нашелъ, что оныя простираются въ длину на двѣ Французскія мили, и наполнены не токмо урнами и гробами, но и заключающъ въ себѣ многія Греческія надписи, картины, изображающія мучениковъ, жертвенники и гробницы первыхъ Неаполишанскихъ Епископовъ.

*

— Химикъ Винцлеръ устроилъ недавно въ Клостеръ-Нейбургъ, въ Австріи, величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ термометровъ. Въ немъ можетъ быть превращаемо въ уголь вдругъ болѣе ста сажень дровъ, и получаемый изъ оныхъ горючій газъ употребляется не токмо для освѣщенія и отопленія покоевъ, но и для обжиганія кирпичей, коихъ готовится симъ способомъ въ продолженіи шести часовъ до 60,000.

IV. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Диссабонъ, отъ 5 Мая, н. ст. Для подкрѣпленія арміи Лорда Веллингтона прибыло къ оной какъ изъ Англіи, такъ и изъ Цейшны 9,000 человекъ.

Отъ 5 же Мая, н. ст. Генералъ Балластросъ, какъ искусный воинъ и политикъ, приказалъ распространить по всей Андалузій прокламацію, въ которой объявляется, что каждый юраментадосъ, служащій нынѣ подъ знаменами своего непріятели, оставивъ оныя, получитъ прощенье. Успѣхъ увѣнчалъ его ожиданіе. Уже болѣе 1500 человекъ съ оружіемъ

и багажемъ перешли изъ непріятельской арміи къ Испанцамъ.

Отъ 10 Мая. Наша главная квартира находится въ Фуентѣ-Гуинальдо. Маршалъ Мармонтъ съ войсками своими стоить въ Саламанкѣ, Друшъ въ Азуагѣ, а Сульцъ въ Севиллѣ.

Здѣсь всѣ вообще полагають, что Лордъ Веллингтонъ въ нынѣшнюю кампанію совершенно вышбснитъ непріятелиа изъ полуденныхъ странъ Испаніи. — По извѣстіямъ изъ Аленсею отъ 6 го числа сего мѣсяца, Сульцъ отправился изъ Севиллы въ Лосъ Поршесъ.

Изъ Ціудадъ-Родриго пишутъ, что Маршалъ Мармонтъ собирается перевести главную свою квартиру изъ Саламанки въ Авеллу-Кабаллеросъ. Слухъ носится, что въ Испанію придуть сорокъ тысячъ конскриптовъ; но сіе не устрашитъ Испанцевъ. Имъ извѣстно, что слухи сіи распроспраняются единственно для ободренія Французовъ, которые уже приведены въ крайнюю робость.

(С. П. В.)

*

Изъ Испаніи, отъ 22 Мая, н. ст. По письмамъ изъ Ельваса, Сульцъ, извѣстясь о взятіи Бадайоза, вышелъ послѣдно изъ Есшремадуры и решировался къ Саламанкѣ.

По мѣрѣ приближенія Лорда Веллингтона, войска, находяціяся подъ командою Мармонта, вездѣ отступаютъ.

По условіямъ, заключеннымъ между Юншою и Британскимъ правительствомъ, Ан-

гличане обязались доставлять ежегодно нашей арміи по 100,000 ружей, и для полнаго же числа воиновъ полную обмундировку, сверхъ того по 10,000 конскихъ снарядовъ и ежедневно по 100,000 раціоновъ.

Генераль Кастаносъ, ожидаемый съ перепбніемъ въ Коруніъ, вступилъ 4 числа Мая въ Сантіаго, и торжественно провозгласилъ тамъ Конспишущію. (Съв. II.)

Лондонъ, отъ 13 Мая, н. ст. По письмамъ отъ 30 числа минувшаго мѣсяца, полученнымъ здѣсь отъ находящейся у Флиссингена эскадры нашей, тамошній Французской флотъ состоитъ изъ пятнадцати линейныхъ кораблей съ полнымъ экипажемъ, Англійскую эскадру составляютъ десять кораблей, о 74 пушкахъ каждый. Оба флота находятся теперь въ нѣсколькихъ миляхъ одинъ отъ другаго. По видимому, непріятель намѣренъ выйти въ море. По сему Англійской эскадрѣ дано уже приказаніе быть въ готовности къ сраженію.

Съ прибывшимъ изъ Вестъ-Индіи пакетомъ получены изъ Каракаса письма отъ 29го числа Марша, содержащія въ себѣ печальныя извѣстія о слѣдствіяхъ землетрясенія, бывшаго тамъ 26го числа минувшаго Марша. Причиненныя онымъ опустошенія простирались даже до Лагуиры. При отправленіи поминувшаго письма о числѣ людей, при семъ несчастномъ случаѣ погибшихъ, хотя и не было еще точнаго извѣстія, однакожъ по самому умѣренному исчисленію простиралось оное свыше 5000 человекъ. Слѣдующая опасность

заспавляешъ заключаешь, что число сихъ несчастныхъ было еще гораздо больше.

„Сентябрь Томасъ, отъ 29 Апрелья. 26е
 „Число Марша было для области Венеццеллы
 „днемъ самымъ ужаснѣйшимъ. Въ началѣ
 „5 го часа по полудни произошло внезапное зем-
 „летрясеніе, отъ котораго въ городѣ Ка-
 „раккасѣ разрушено 4500 домовъ, 19 церк-
 „вей и монастырей и другія публичныя зда-
 „нія, и нѣсколько тысячъ жителей погребены
 „подъ развалинами оныхъ. О числѣ погибшихъ
 „людей еще нѣтъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій;
 „полагаютъ, что оное простирается отъ
 „4000 до 8000. При семъ ужасномъ несчастіи
 „было бы нѣкоторымъ утѣшеніемъ и то, ко-
 „гда бы оставшіеся въ живыхъ могли себѣ
 „найти въ сосѣдственныхъ мѣстахъ убѣжи-
 „ще и сѣбѣстныя припасы; но къ довершенію
 „ихъ бѣдствія они лишены и сей помощи,
 „потому что ближайшій городъ Лагуира,
 „также и сосѣдственныя берега, претерпѣли
 „еще большее опустощеніе, нежели Караккасѣ.
 „Съ вершинъ горъ обрушились въ долины ог-
 „ромныя камни. Глубокія рытвины и отвѣрз-
 „тія въ неизмѣримомъ основаніи скалъ угро-
 „жаютъ, какъ кажется, злополучнымъ жи-
 „телямъ еще новымъ несчастіемъ. Оставшіе-
 „ся въ живыхъ занимаются теперь погребе-
 „ніемъ мертвыхъ и поданіемъ помощи ране-
 „нымъ и изувѣченнымъ, изъ коихъ многіе, за
 „недостаткомъ въ надлежащихъ пособіяхъ,
 „умираютъ отъ ранъ.“

Отъ 26 Мая, и. ст. По извѣстіямъ изъ
 Испаніи, Лордъ Веллингтонъ съ войсками сво-
 ими пошелъ къ Сѣверу, оставивъ въ полуден-

ныхъ спранахъ Генерала Гилля, который съ дивизією своею находится нынѣ въ Алмендра-лею; Генералы Сладе и Лонгъ приближаются къ Вилла-Франкъ и наблюдають движенія Маршала Сульста. Лордъ Веллингтонъ отправился чрезъ Портъ-Аллегро противу Мармонша, которой находился тогда у Фрейнедаса и послалъ часть войска своего въ Фундасъ и Кастель-Бранко.

Отъ 29 Мая, н. ст. Французская эскадра, состоявшая изъ нѣсколькихъ фрегатовъ, которая недавно въ Западной Индіи ограбила многіе купеческіе корабли, а особливо Американскіе, истреблена совершенно 22 го числа сего мѣсяца Англійскимъ кораблемъ Коршумберландомъ при входѣ ея въ Лоріанъ.

Парижъ, отъ 30 Мая, н. ст. Маршалъ Дюкъ де Беллуно начальствуетъ 9-мъ корпусомъ главной арміи. Командовавшій Сѣвernoю армією въ Испаніи Генералъ Дорсенъ сдалъ начальство надъ оною Генералу Кафарелли, и также опправляется къ главной Французской арміи.

Сего мѣсяца 1 го часа Императоръ далъ слѣдующее повелѣніе: „Каждому Генералу и каждому начальнику войскъ, какого бы онъ чина ни былъ, запрещается вспунашь на опкрытомъ полѣ ни словесно ни письменно ни въ какіе переговоры о капишуляціи. Каждая такового рода капишуляція, по которой войска наши должны положить оружіе, почтешся безчестною и незаконною, а виновникъ оныя, яко пресупникъ, накажется смертію. Сдача на капишуляцію позволяется тогда поль-

ко, когда осаждаемая или блокируемая крепость будет иметь недостаток в собственных припасах и аммуниции, когда гарнизон, выдержав один приступ, не может уже опразить другого, и когда Губернатор или Коммандант исполнил в точности все обязанности, предписанные в повелении нашем от 24 го Ноября 1811 года. Во всяких военных случаях каждый Губернатор, Коммандант, также и все Офицеры должны нести пруды и опасности наравне с подчиненными им ратниками. Если же кто без означенных выше причин заключил капитуляцию о сдаче крепости, то оная почтена будет бесчестною, и виновникъ ея предастся смерти. Судьи при разбирашельствѣ таковыхъ дѣлъ должны разсматривать безпристрастно, что подозрѣваемый дѣйствительно ли виновен во взводимомъ на него преступленіи, и достоинъ ли смертной казни. — Если преступленіе заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе, то виновный, вмѣсто смертной казни, подвергается лишенію чиновъ, или памячному заключенію на столько времени, сколько судомъ опредѣлено будетъ.,, (С. П. В.)

Изъ Вѣны, отъ 6 Іюня, н. ст. Сеймъ въ Пресбургѣ закрытъ 1 числа сего мѣсяца Ерцгерцогомъ Антономъ, который въ качествѣ Императорскаго Коммиссара имѣлъ торжественный въѣздъ въ сей городъ 31 числа минувшаго Мая.

Здѣсь распространяется слухъ, что Французскія войска въ Испаніи вездѣ опшупаютъ, и что духъ національный тамъ повсюду торжествуетъ.

Изъ Презбурга, отъ 7 Юня, н. ст. Здѣсь получены достоверныя извѣстія, что по заключеніи между Опшоманскою Портою и Россією мира, Россійско-Императорскій Тайный Совѣтникъ и Каммергеръ Ипалинскій отправился въ Константинополь въ качествѣ Министра и Посланника Россійскаго.

Здѣсь говорятъ, что Императоръ Наполеонъ отправилъ немалое число Прусскихъ войскъ въ Испанію, для пополненія шамъ Французской арміи Прусаками.

Вчера пронесся здѣсь слухъ, будто по выходѣ Баварскихъ войскъ изъ Тироля возобновились шамъ прѣжнія возмущенія.

Отъ 10 Юня, н. ст. Здѣсь сказываютъ, что Веллингтонъ, по взятіи Бадайоза, приближился до самой Мериды.

Изъ Праги, отъ 9 Юня, н. ст. Вчерашняго числа Императрица Французская прибыла въ здѣшній городъ; а сегодня приѣхали сюда изъ Вѣны Ерцгерцогиня, Каролина Леопольдина и Клементина, и Ерцгерцогъ Карлъ, Юганъ и Вудольфъ.

Изъ Трансильваніи, отъ 2 Юня, н. ст. По слухамъ, здѣсь на сихъ дняхъ распространившимся, кажется, на вѣрное полагать можно, что мирные переговоры между Россією и Опшоманскою Портою приведены къ окончанію, и что уже миръ между сими Державами заключенъ. Сказываютъ даже, что Г. Ипалинскій отправляется въ Константинополь въ качествѣ Россійскаго Министра. Здѣсь

сѣ часу на часѣ ожидають обстоятельныхъ извѣстій о семѣ происшествіи. (Сѣв. П.)

Ниренбергъ, отъ 12 Іюня, н. ст. Здѣсь получено изъ Грецца извѣстіе, что бывший Король Голландскій, къ общему сожалѣнію тамошнихъ жителей, скончался. Все свое имущество завѣщалъ онъ городу Греццу съ тѣмъ, чтобы изъ онаго ежегодно раздаваемо было бѣднымъ по 10,000 гульденовъ монетою и нѣкоторое количество хлѣба. (С. П. В.)

Изъ Касселя, отъ 10 Іюня, н. ст. По повелѣнію Короля нашего, данному 31 Мая, съ недвижимыхъ имѣній въ Королевствѣ Вестфальскомъ будетъ взыматься въ годъ пятая доля доходовъ, получаемыхъ съ такихъ имѣній.

Изъ Берлина, отъ 18 Іюня, н. ст. По нисьямамъ изъ Швеціи, тамошній Дворъ далъ обѣщаніе Г. Торншону удовлетворить Великобританскихъ подданныхъ за конфискованные въ Швеціи Англійскіе товары.

Изъ Варшавы, отъ 7 Іюня, н. ст. Сего мѣсяца 5 числа прибылъ сюда Архіепископъ Мехельскій въ качествѣ Французскаго Посла при Дворѣ Короля Саксонскаго.

По причинѣ бывшаго здѣсь въ минувшемъ году неурожая, здѣшніе крестьяне приведены настоящими обстоятельствами въ столь бѣдственное положеніе, что даже войска, проходившія чрезъ селенія ихъ, были пронужены онымъ, и согласились сдѣлать для вспоможенія имъ общую складку. (Сѣв. П.)

Познань, отъ 13 Июня, н. ст. Нынѣ разсылаются здѣсь созывательныя грамоты на Государственный Сеймъ, который послѣ завтра открытъ будетъ въ Варшавѣ. Избранные отъ нашего города депутаты уже отправляются туда сего дня. (С. П. В.)

*

Бребро, отъ 12 Мая, н. ст. По предложению Короля нашего и въ слѣдствіе предсавленія Статсъ-Комитета отъ 5 го числа сего Мая, рыцарство и дворянство опредѣлили, чтобы Шведскія владѣнія, въ Королевства нашего находящіяся, управляемы были не Шведскою коншиащущею, но особымъ образомъ. (С. П. В.)

У в ъ д о м л е н і е .

Издашель получилъ изъ Луцка письмо слѣдующаго содержания: „Въ Новгородской и Тверской губерніяхъ недавно находились такіе дворяне, которыхъ только сіе дѣеспобнство опличало отъ самыхъ бѣднѣйшихъ поселянъ. Угнѣжены будучи судьбою, они неимѣли способовъ обучать дѣтей своихъ даже грамотѣ и едва доставляли семействамъ своимъ умѣренное содержаніе трудами, приличными проспому кресъянину. Дѣти ихъ, приходя въ возрастъ, дѣлались помощниками престарѣлыхъ своихъ отцовъ, безъ всякаго ожиданія лучшей участи. Рука благотворительноспи облегчила ихъ тягостной жребій.

„Бывшій въ Вышнемъ Волочкѣ Дворянской Предводитель *М. В. Храповицкой*: уважае-

мый и любимый по рѣдкимъ качествамъ души и по заслугамъ, оказаннымъ Отечеству, въ короткое время ознаменовалъ почтенное званіе свое челоѡколюбивыми поступками и оправдалъ выборъ дворянства множествомъ благодѣяній: онъ между прочимъ обратилъ отеческое попеченіе на бѣдныхъ дворянъ, вызвалъ дѣшей ихъ въ городъ, опредѣлилъ въ училище и далъ имъ собственное свое содержаніе. Родителямъ, ввѣрившимъ дѣшей своихъ его попеченію, оставалось только питать себя сладостною надеждою на успѣхъ его благодѣяній.

„Тѣ изъ учащихся, кои болѣе успѣвали въ наукахъ, были имъ отправляемы въ С. Петербургъ, и поступали въ покровительство къ новому благошворителю Г. А. А. Аракчееву. Бывъ попечителемъ артиллерійскаго Департамента, сей почтенный Мужъ среди обширнѣйшихъ трудовъ своихъ всегда принималъ дѣшей съ отеческою ласкою, и по усмотрѣнію своему опредѣлялъ въ артиллерию подъ личное свое начальство и во 2й Кадетской Корпусъ. Первые изъ присланныхъ дѣшей вскорѣ имѣли счастье обратиться на себя вниманіе блаженной памяти Императора Павла I, и по предстательству Его Сіятельства удостоились щедрой награды; а послѣдніе, получивъ нужное познаніе въ наукахъ, вышли офицерами въ артиллерию и конечно будутъ полезны Отечеству.

„Нынѣ семейства тѣхъ дворянъ возносятъ къ престолу Божію благодарныя молитвы за ниспосланіе имъ столь великодушныхъ покровителей. Въ тѣхъ мѣстахъ многія деревни содѣлались въ прошломъ году жертвою пла-

мени; но бѣдныя опять нашли себѣ помощь въ великодушій М. В. Храповицкаго.

„Я Также принадлежу къ числу счастливыхъ семействъ, обязанныхъ своимъ благополучіемъ двумъ упомянутымъ Особамъ, и ничѣмъ немогу засвидѣтельствовать моей безпредѣльной благодарности, если вы откажетесь взять на себя трудъ сдѣлать ее извѣстною публикѣ. Имѣю честь быть и проч.“

*Д. Чистосердовъ, служащій
въ Артиллеріи.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 14. ІЮЛЬ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

П о х и щ е н і е.

Елиза Фонъ Ландекъ, вдова убитаго на войнѣ пропивъ Французовъ Императорской службы Полковника, жила близъ ещѣ лицы одного Владѣтельнаго Герцога въ помѣстьѣ своемъ Влюменталѣ вмѣстѣ съ милою, единственною дочерью, которую воспитывала со всевозможною рачительностію, и съ которою однакожъ обходилась какъ съ младшею своею сестрою. Кто не зналъ ихъ, тотъ могъ почестъ мать и дочь родными сестрами. На тридцать третьемъ году Елиза сіяла свѣжестію; на шестнадцатомъ году Августа была въ полномъ цвѣтѣ красоти дѣвической.

Послѣ смерти супруга своего Елиза совсѣмъ не вѣдила въ столицу. Она неимѣ-

ла нужды въ чужой помощи, и сама нас-
тавляла дочь свою въ правилахъ здра-
вой нравственности, сама обогащала умъ
ея полезными и приятными познаніями.
Всею этому сдѣлано уже было прежде есъ-
ма хорошее начало въ одномъ воспитатель-
номъ заведеніи.

Нѣкоторыя дворянскія фамиліи, на
лѣпшее время прибѣжавшія въ соседствен-
ныя деревни, посѣщали Елизу, и ее съ до-
черью приглашали въ свои общества. Ели-
за охотно дѣлила съ ними время, но еще
охотнѣе возвращалась въ свое уединенное
жилище. Впрочемъ сіи общества были не
совсѣмъ безполезны для Августы: она по-
земноту опшавала опытной робкой за-
стѣнчивости, которая бываетъ неизбеж-
нымъ слѣдствіемъ уединенной жизни.

Иногда просили Августу сѣиграть что
нибудь на фортепјано. Съ позволенія ма-
тери она соглашалась, и каждый разъ вос-
хищительная приятность и почтенье иг-
ры ей осыпавы были искренними похва-
лами. Въ семъ искусствѣ, равно какъ и
въ рисованніи, сама Елиза была ея наспа-
вницею. Мать радовалась усиліями своей
дочери: однакожь была увѣрена въ справед-
ливости дѣлаемыхъ ей замѣчаній, а имен-
но что ученицѣ ея надобно бы еще нѣсколько

жѣ мѣсяцовъ поиграть подѣ руководствомъ отличнѣйшихъ виртуозовъ; чтобы наконецъ могла она достигнуть совершенствѣ въ музыкальномъ искусствѣ. Но для сей одной причины мать никогда не рѣшилась бы оставить сельское свое убѣжище. Елиза получила извѣстіе, что вдова мужа ея передъ своею кончиною отказала Августѣ нѣсколько тысячъ палеровъ. Для окончанія сего дѣла надлежало ъхать въ столицу, гдѣ жили прочіе наследники умершей шенки Августинной. Такимъ образомъ Елиза вознамѣрилась провести тамъ всю зиму; и, пользуясь симъ обстоятельствомъ, усовершенствовать талантъ дочери своей примерами и наставленіями превосходнѣйшихъ учителей.

Въ городѣ жила Елиза также уединенно какъ и въ своей деревнѣ; чѣмъ касалась до Августы, то она училась съ такимъ прилежаніемъ, что сама даже мать принуждена была напоминать ей, чтобы она изъ благоприспособности не убѣгала обществѣ. Сіе общество обыкновенно состояло изъ соседственныхъ по деревнямъ дворянскихъ фамилій, также изъ родственниковъ и родошвенницъ; имѣвшихъ участіе въ раздѣлѣ имѣнія. Въ числѣ сихъ послѣднихъ Елиза нашла себѣ нѣжную приятельницу въ особѣ госпожи Фонъ Мильденъ, которая была

также вдова, не многими годами ея старше, имѣла сына Теодора, служащаго въ Герцогской гвардіи прапорщикомъ, и дочь Емилию, цвѣтущую красотою подобно Августѣ.

Одну только госпожу Фонъ Мильденъ Елиза посѣщала съ наибольшимъ удовольствіемъ. Слѣдую примѣру маперей, дочери ихъ искренно полюбили другъ друга, и черезъ нѣсколько недѣль сдѣлались самыми хорошими приятельницами. Обѣ вмѣстѣ играли уроки на фортепiano: Емилиа безъ сопернической зависти и даже съ удовольствіемъ смотрѣла на превосходство Августы въ музыкальномъ искусствѣ; Августа непришворно любовалась прекрасными рисунками Емилиа. Часто обѣ маперы находились при учебныхъ упражненіяхъ Августы и Емилиа; часто Теодоръ подвигривалъ имъ на скрипкѣ.

Теодоръ имѣлъ доброе сердце и хранилъ чистоту непорочныхъ нравовъ; симъ счастьемъ былъ онъ обязанъ наставленіямъ и примѣрамъ не задолго передъ тѣмъ умершаго своего родителя. Молодые товарищи иногда въ шутку называли его Капономъ; но уваженіе къ нему благомыслихъ начальниковъ было для него такою наградою, для которой презиралъ онъ всякія насмѣшки. Даже самъ Принцъ Адолфъ,

полковой его начальникъ, человекъ не строгой нравственности, почиталъ его за хорошую службу, и любилъ какъ виднаго собою и ловкаго офицера. Уже не одинъ разъ Принцъ общался матери постараться объ ея молодомъ философѣ, котораго въ самомъ дѣлѣ наконецъ произвелъ въ свои Каммеръ-Юнкеры. И на семъ скользкомъ мѣстѣ Теодоръ остался вѣренъ своимъ правиламъ; онъ притворялся, будто совсѣмъ незамѣчаетъ въ которыхъ соблазнительныхъ поступковъ Принца, и даже никогда не упоминалъ объ нихъ въ самыхъ искреннихъ разговорахъ съ своею матерью. Чувство чести, не совсѣмъ еще погасшее, а можеть быть и невольное уваженіе внушаемое невинностію въ людей не совсѣмъ еще развратившихся, было причиною, что Адолфъ въ присутствіи Теодора не давалъ себѣ излишней свободы въ рѣчахъ, разговаривая съ сообщниками своихъ шалостей. Поведеніе Принца извѣстно было госпожѣ Фонъ Мильденъ. Она спрашивалась опасностей, предстоящихъ Теодору, и каждой разъ при удобномъ случаѣ предостерегла его отъ соблазнительныхъ примѣровъ. Но безпокойство ея потчасъ исчезало; свѣтлые взоры и ясное чело Теодора удостовѣряли ее, что совѣсть его свободна отъ упрековъ.

Теодоръ былъ нечувствителенъ только въ соблазнамъ порока, Видавши Авгу-

ешу два мѣсяца сряду почти ежедневно, каждой разѣ открывалъ онѣ въ ней или новую добродѣтель, или новую приязнность, и сердце его не могло осмѣиваться холоднымъ. Онѣ полюбилъ ее, совсемъ ничего не зная о новомъ своемъ чувствѣ: но мать его скоро догадалась. Со внутреннюю радость замѣнала она возникающую склонность, сообществующую ей желаніямъ, и неперѣлливо ожидала благопріяшной минуты, чтобы уведомить Елизу о своемъ намѣреніи.

Съ нѣкотораго времени и Августа чувствовала также, что въ сердце ея происходилъ нѣчто такое, чего расплывалась сама себѣ не умѣла. Часто предавалась она задумчивости, и какъ буди послѣ глубокаго сна опаматовавшись, не могла дать себѣ отчетна въ своихъ мысляхъ. Она чувствовала, что при появленіи Теодора сердце ея билось, щеки пылали, и что, когда въ обыкновенное время неприходилъ Теодоръ, она скучала и едва съ великимъ трудомъ могла скрыть свою неперѣлливость. Мать ея была провинциальна не менѣе госпожи Фонъ Мильденъ; но не зная расположенія и намѣреній своей пришелицы, она стала прилѣжнѣе наблюдать за Августою, а особливо въ присутствіи Теодора.

Софїя — епо имя госпожи Фонъ Мильденъ — примѣшивши безпокойство Елизы, рѣшилась приступишь къ дѣлу. Однажды, бывъ наединѣ съ своею пришелицею, она сказала ей прямо: „Связь между Теодоромъ и Августою часъ ошъ часу сплываея короче. Намѣрены ли вы препятствоватьъ любви ихъ? Я съ своей стороны не вижу къ тому никакой побудительной причины.“ Елиза бросилась въ ея объятїя. Обѣ матери долго разговаривали, проливъ я радостныя слезы. „Современи рожденїя моеи дочери, сказала Елиза, я небыла такъ счастлива какъ въ сію минушу; блаженство мое превыше всякаго ожиданїя!“ — Вы должны были всего ожидать для своей дочери, отвѣчала Софїя; ибо я увѣрена, что Августа могла бы имѣть жениха и богаче и знатнѣе, хотя и невѣдоу, была ли бы она за нимъ счастливѣе. Я знаю сердце своего Теодора. —

Обѣ матери нѣсколько успокоившись послѣ радостнаго воспора, согласились дать полную волю своимъ дѣтямъ и только издали примѣчать за ихъ поступками. Сїи наблюденїя доставляли имъ такое удовольствїе, копорымъ только материнское сердце можетъ наслаждаться. Елиза и Софїя видѣли непорочную любовь дѣтей своихъ, ежедневно усиливающуюся, читали въ ихъ взорахъ извѣленїе чувства, въ ко-

второй Теодоръ не смѣлъ признаться и котораго Августа назвать еще не умѣла.

Августа и Емилія выучили одну прекрасную сонату на четыре руки, которую играли обѣ съ удивительнымъ искусствомъ. Учитель ихъ, побуждаемый тщеславіемъ, пребывалъ неотступно, чтобы ученицы свиграли сонату въ приятельскомъ обществѣ любителей музыки, въ числу которыхъ принадлежалъ и Теодоръ, и которые уже нѣсколько разъ давали концерты, иногда посѣщаемые Софією и Елизаюю. Сей же концертъ отличался тѣмъ, что всѣхъ прежнихъ, что на немъ общалась показать свое искусство одна чужестранная дѣвица, которая желала при Герцогскомъ дворѣ получить себѣ мѣсто. Августа и Емилія отговаривались; но матери ихъ не захотѣли учителя лишиться ожидаемого имъ удовольствія, и вмѣстѣ убивали обѣихъ ученицъ согласиться на его просьбу, въ чему побудительною причиною служило обыкновеніе показывать дарованія и успѣхи молодыхъ людей въ музыкѣ при подобныхъ случаяхъ, по есть въ кругу приятельскаго общества.

Начали твердить сонату съ неупоминимымъ прилѣжаніемъ. Въ назначенный день обѣ матери съ дочерьми своими и съ Теодоромъ отправились въ общество. Въ собраніи

находились въкоторыя знашныя особы. Песль двухъ или трехъ концершовъ, Италїянка пропѣла свою арїю, и была осыпана громкими рукоплесканїями; а особливо хвалилъ искусство ея Принцъ Адолфъ, которой дѣйствишельно былъ знашкъ въ музыкѣ и которой за благо разсудилъ посѣпить сїе собранїе. Уже помышлялъ онъ о способахъ короче познакомиться съ прелестною Италїяною, какъ вдругъ видитъ двухъ дѣвицъ, подходящихъ къ фортепїанно и провожаемыхъ Теодоромъ. Одного взгляда было довольно, чтобы приковать его вниманїе къ Августѣ, которая въ просяномъ своемъ уборѣ показалась ему несравненною красавицею.

При первыхъ тактахъ замѣчена робость, но она скоро исчезла. Общественницы презошли самихъ себя, а особливо Августа, которая играла первую половину. Ихъ слушали почти съ набожнымъ молчанїемъ, и когда окончила соната, осыпали знаками удивленїя, которое возбуждено было не только игрою но и прелестною наружностїю Августы и Емилии. Теодоръ опять проводилъ ихъ на прежнее мѣсто. въ ту самую минушу Принцъ подошелъ къ нему спрашиваешъ? кто еша молодая особа, которая такъ прекрасно играла съ вашею сестрою? — „Дѣвица Фойъ Ландекъ,

Ваша Свѣтлость!“ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ Теодоръ, который даже не чаялъ видѣть Принца въ семъ собраніи: „она живеть здѣсь нѣсколько недѣль съ своею маменькою.“ — А вы почему ее знаете? — „Онъ родственники наши.“ — О, такъ познакомьтежь меня съ ними — сказалъ Принцъ, взявши Теодора за руку; и пошелъ съ нимъ въ его машери и Елизѣ, которымъ наговорилъ множество привѣтствій на счетъ депоинствъ и дарованій дочерей ихъ.

Августа и Емилія, которые ни однажды еще въ своей жизни не были предъ лицомъ великихъ на земли, сиюяли съ трепетомъ предъ Его Свѣтлостію. Принцъ заставлялъ ихъ сѣсть и обращалъ рѣчь свою наиболѣе къ Августѣ, коея застѣчивость имѣла для него очаровательную прелесть новости. Говоря къ одной изъ матерей, онъ украдкою посматривалъ на Августу, сидѣвшую между Емиліею и Елизою, и она казалась младшею сестрою между Граціями: Яркой румянецъ разливался по щечамъ ея каждой разъ; когда Принцъ обращался къ ней съ вопросамъ; она потупляла взоры, и невнятные робко произносимые ошѣсты возвышали двѣсвѣнную красоту ея и невинность.

Теодоръ мучился. Сердце его стѣснилось, когда Принцъ въ милосливыхъ выраженіяхъ извивалъ госпожѣ Фонъ Ландекъ свое удивленіе, почему она съ дочерью ни однажды еще не являлась во дворецъ Герцогскомъ. „Дочь моя — ошвчала Елиза — воспитана въ деревнѣ, и скоро должна будетъ обратиться въ свое уединенное жилище. Она не знаетъ большого свѣта, и ни когда не будетъ знать его? . . .“

Въ оркестрѣ приготовились играть снова. Трепещущій Теодоръ пошелъ къ своей скрипкѣ; Адолфъ также возвратился на свое мѣсто, весьма довольный новымъ знакомствомъ. Онъ почти не сводилъ глазъ своихъ съ прекрасной группы, которую оставилъ, пропивъ желаніа; сіе занятіе было причиною, что онъ совсѣмъ не слушалъ Испаліанки, которая пѣла бравуръ-арію, и рукоплескалъ издавши въ шольно въ слѣдъ за другими.

Концертъ окончился. Елиза была бы очень довольна поржесивомъ своей дочери, еслибъ тайная досада не разрушила ея радости; она упрекала сама себя въ неосторожной своей суевѣстности, и не хотѣла просипить себѣ, что рѣшилась выславить дочь свою передъ публику, или лучше, показать ее Принцу, всего издѣшнѣа ласки

не общались ей ничего хорошего. На другой день Теодоръ явился на дежурство въ Принцу. „Знаете ли вы, мой любезной Мильденъ, что у васъ есть прекрасная родственница?“ сказалъ Принцъ, увидѣвши Теодора: „Я спрашиваю, извѣстно ли вамъ еще? Такой какъ вы философъ безъ сомнѣнiя могъ давно уже сдѣлать се опирывнiе.“ Щеки Теодора запылали. „Хорошо, хорошо! вы враснѣете, шочно какъ вчера милая ваша родственница. Что я долженъ думать объ этомъ?“ — Ваша Свѣтлость изволише мнѣ оказывать много чести, почитая меня философомъ. — Теодоръ былъ въ чрезвычайномъ замѣшательствѣ, и сказалъ совсѣмъ не то, что говорилъ бы ему хотѣлось. — „Чудное дѣло!“ воскликнулъ Принцъ, громко захолопавши: „не уже ли и Римской Капони походилъ на нашего? Но дивитесь нечему. Такое прекрасное существо могло бы родиться развѣ только въ воображенiи сочинителя романовъ. Я столько одобряю вкусъ вашъ, что даже хоту быть вашимъ соимѣстникомъ.“ Теодоръ отоялъ какъ на пыляхъ; онъ опять сказалъ бы что либудь неприличное, еслибъ не пришли доложить объ одномъ Генералѣ, съ которымъ Принцъ хотѣлъ видѣться.

Разговоръ сей сдѣлалъ весьма неприятное впечатанiе въ Теодора. Онъ зналъ

Принца, зналъ и то, что сказанное имъ въ шутку могло исполниться на самомъ дѣлѣ. Онъ всячески старался преодолѣть печаль свою, однакожъ неимѣлъ возможности скрыть ее ни отъ мапери своей, ни отъ Августи. Софїя догадывалась, что было причиною его задумчивости, а Августа надѣялась узнать объ ней отъ Емили. Однакожъ она ничего не свѣдала; Теодоръ подумалъ, что страхъ его былъ напрасенъ, ибо Принцъ ни слова уже не говорилъ съ нимъ о прекрасной его родственницѣ.

Теодоръ не обманулся, и страхъ его былъ не напрасенъ. Въ сердцѣ Принца, съ перваго взгляда на Августу, воспылалъ огонь вождельїя, и шорое однакожъ старался онъ гашить отъ Теодора. Онъ прочиталъ въ глазахъ сего молодого человека страстную любовь его къ Августѣ, и тогда же подумалъ, что если и красавица равнымъ образомъ любитъ его, то трудно одержать надъ нею побѣду, а надобно будетъ употребить шаншику, совсѣмъ отличную отъ той, какая прежде награждала успѣхами его поиски. Впрочемъ онъ ожидалъ всего отъ времени и обещояпельствъ, и старался облегчать заботы свои въ объятїяхъ прелестной Ишадїянки Донны Сильвїи.

Короткая связь между Принцемъ и пѣвицею не могла бытьъ долго сокрытою, и Теодоръ успокоился совершенно; онъ даже смѣлся иногда надъ самимъ собою, и дивился, какъ пришло ему въ голову принять шутку за истинное намѣреніе. Теодоръ и Августа со дня на день болѣе привыкали другъ ко другу, и наконецъ признались въ той спрасинѣ, въ которую сердца ихъ давно уже пылали. Ни страхъ, ни опасеніе не помешивали имъ при изліяніи взаимныхъ чувствованій. Они знали, что союзъ важной дружбы соединяетъ манеры ихъ, и что сіи добрыя манеры счастлиѣе дѣше спавили выше всего на свѣтѣ. Вѣчеру того же дня Теодоръ и Августа упали къ ногамъ своихъ родителей, сидѣвшихъ на софѣ по обыкновенію вмѣстѣ. „Благословите дѣше в шихъ! мы любимъ другъ друга!“ сказалъ Теодоръ, между тѣмъ какъ Августа безмолвно лобызала руки своей матери, омочая ихъ радостными слезами.

Елиза и Софія несомнительно ожидали сего признанія; однакожь сердца ихъ были чрезвычайно имъ пронупы. „Богъ да благословитъ васъ, любезныя дѣши!“ сказали онѣ обѣ въ одно время, проспирая къ нимъ свои обѣщанія: „мы уже давно желаемъ вашего соединенія.“ Свадьба назначена быть въ концѣ осени, а до того времени

надлежало дѣло сіе хранить въ тайнѣ для некоторыхъ важныхъ причинъ семейственныхъ.

Теодоръ началъ было спорить противу столь долгой отсрочки, доказывая неприятность своего положенія и тѣмъ, что Августа скоро должна будетъ вмѣстѣ съ матерью уѣхать въ деревню. „Ты самъ спанешь меня благодаришь, сынъ мой, что разлучаю тебя съ Августою,“ сказала Елиза: „сія разлука доставитъ тебѣ новое наслажденіе, которое послужитъ сладкою пищею не только для любви вашей, но и для самой даже добродѣтели. Вы будете переписываться два раза въ недѣлю, будете сообщать другъ другу мысли свои и сердечныя ощущенія. Души ваши, свободныя отъ оковъ чувственныхъ, будутъ взаимно созерцать себя въ лучезарномъ свѣтѣ, и союзъ вашъ еще болѣе укрѣпится. Дружба, безъ которой любви есть не иное что какъ пламень мгновенно угасающій, дружба приготоваитъ для васъ утѣхи прочныя, а она бываетъ только слѣдствіемъ долговременнаго, постояннаго и свободнаго общенія мыслей и сердечныхъ ощущеній; она пребудетъ даже при ближайшемъ наблюденіи взаимныхъ недостатковъ. Вы будете ожидать свиданія какъ небесной радости;

каждой разъ Теодоръ, посѣщая Августу, будешь находить въ ней новыя достоинства; каждой разъ онъ будешь казаться любезнѣе передъ глазами Августы. Сверхъ же того дочь моя еще молода, и я не успѣла еще преподасть ей всѣхъ наставленій, необходимо-нужныхъ для тѣхъ обязанностей, которыя она возложитъ на себя, вступивши въ супружество. Должности сіи важны и много-различны; Августа моя предстанетъ олдшарю не иначе, какъ получивши уже о нихъ надлежащее свѣдѣніе.“

Все семейство еще наслаждалось сладчайшимъ ощущеніемъ своего благополучія, какъ вдругъ привосятъ приглашеніе на придворной балъ, которому назначено быть черезъ три дни. Радость матерей и дѣшей нарушена была самымъ неприятнымъ для нихъ образомъ. Елиза и Софія въ молчаніи смотрѣли одна на другую; а дѣти, особливо же Теодоръ, неперѣбливо желали знать ихъ намѣреніе. Госпожа Фонъ Мильденъ наконецъ сказала Елизѣ: „Намъ никакъ невозможно отказать, а особливо послѣ того что Принцъ говорилъ вамъ въ концертѣ. Онъ самъ обыкновенно бываетъ главнымъ распорядителемъ при подобныхъ празднествахъ, которыми старой Герцогъ почти совсѣмъ незанимается.“

Теодоръ молчалъ. Онъ обвинилъ бы свое мнѣнїе, еслибъ только смѣлъ предложить свои причины. Коротко зная Принца, онъ очень боялся, чтобъ Елиза и Софїя не отказались отъ приглашенїя; ибо Адолфъ почелъ бы его виновникомъ сей неучливости. Одна Емилиа надѣялась веселиться на балѣ. Она любила шансы, и еще не знала такого человека, для котораго презирающъ всѣ забавы на свѣтѣ. Августа недумала отказываться себѣ въ удовольствїи посмотришь на придворное великолѣпїе; но она хотѣла бы сама быть не дѣйствующимъ лицомъ, а только зрительницею, и при томъ не цѣлымъ вечеромъ но однимъ только часомъ пожертвовать сей новой забавѣ. Впрочемъ она утѣшалась этою мыслию, что Теодоръ будетъ съ нею, и охотно рѣшилась погубить нѣсколько времени на приглашенїя къ балу передъ уборнымъ своимъ сполиткомъ. Она хотѣла нравиться своему Теодору; можетъ быть также было у нее на умѣ и то, чтобы заблаговременно оправдаться передъ свѣтомъ въ своемъ выборѣ. Такую суешность можно прослѣпить шестнадцатилѣтней невѣстѣ.

Наконецъ Софїя и Елиза съ дочерьми своими явились на балѣ. Принцъ Адолфъ принялъ ихъ съ отличнымъ уваженїемъ; самъ подошелъ къ нимъ, показалъ имъ

мѣста и вызвался Елизѣ представить ее съ дочерью Герцогу, своему дядѣ, которой послѣ продолжительной болѣзни въ первой разѣ въ этотъ день вознамѣрился явиться публикѣ. Герцогъ вспомнилъ, что въ молодости своей служилъ въ одномъ полку съ покойнымъ Ландехсомъ, принялъ вдову его и дочь весьма благосклонно и предлагалъ имъ свои милости, когда онѣ будутъ имѣть въ нихъ нужду.

Принцъ Адолфъ открылъ балъ съ Принцессою, дочерью Герцога. Исполнивши долгъ приличности вразсужденіи знавшійшихъ господъ придворныхъ, онъ позвалъ танцовать съ собою дочь Елизы. Августа подала ему дрожащую руку, и краснѣла при каждомъ его словѣ. Послѣ танца Адолфъ сѣлъ подлѣ Августы, и опять началъ говорить съ нею; спрашивалъ о мѣстѣ ея жительства, объ ея упражненіяхъ, о томъ какъ она проводитъ свое время, и осыпалъ ее похвалами. Августа была въ великомъ замѣшательствѣ.

Бѣдной Теодоръ принужденъ былъ споспѣшествовать вдали по долгу почтенія къ высокому своему начальнику. Онъ обрадовался, столько же какъ и Августа, когда Принцъ позвалъ танцовать съ собою Емилию. Юная горожанка танцевала гораздо лучше нежели

деревенская ея припадельница; не смотря на то, Принцъ неподходилъ къ ней уже болѣе, и занимался одною Августою. Она становилась смѣлѣе, и Принцъ имѣлъ случай замѣтить въ ней природной умъ и приобретенныя свѣдѣнiя. Разумѣется, что Адолфъ разговаривая съ Августою, часто обращалъ рѣчь свою и къ ея матери, и при всякомъ случаѣ хвалилъ ее; какъ воспитательницу и наставницу споль совершенной дочери.

(Продолженiе въпредѣ.)

СТИХОТВОРЕНIЯ.

Къ Россiйскому Дворянству.

Сыны Отчества избранни!
 Се вашей славы часъ приспѣлъ;
 Непримирымый, кровожадный
 Галлъ нынѣ въ нашъ вступилъ предѣлъ:
 Течетъ — и въ ярости стремленья
 Считаетъ жертвы, расхищенья,
 Грозитъ со скрежетомъ зубовъ
 Омытъ въ крови Россiйской длани.
 Къ щитамъ друзья! о братья въ брани!
 За олшари, за пражъ отцовъ:

Уже **МОНАРХЪ** великодушный
 Ударилъ въ щитъ; несется гулъ: . . .
 Воспрянь о Россъ, Царю послушный!
 Воспомни *Пулътускъ* и *Когуль*,

И Гейльсбергъ, Гутштадъ и Ейлаву,
Свою и предковъ вспомни слову!...
И се — опвсюду внемлю гласъ:
„Вошъ злашо, дѣши вошъ мы сами;
„Гоповы лечь вѣ бою грядами!
„Пожарскій, Мининъ живы вѣ насъ.“

Познай, о врагъ вспоенный кровью,
На зыби основавѣ мечты! —
Сонмъ, братской связаный любовью,
Во браняхъ сѣ нами встрѣпишь ты.
Изгибы щепны днесъ змины;
Соблазна чужды исполины.
Повсюду встрѣпишь мѣдану грудь
Къ шебѣ кипящу ярой меспью.
Ты злапомъ побѣждалъ иль леспью. . . .
Теперь о чарахъ сихъ забудь.

Вспомни Карла вѣ громкой славѣ;
Весь Нордъ руки его дрожалъ:
Но гордость завела къ Полцавѣ,
И гордый сѣ колесницы палъ.
Спремись — спремиеъ къ подобной части;
Не лавры ждушъ шебя — напасни.
Къ знаменамъ Россы — ко щипамъ!
Къ Царю, друзья! — сѣ нимъ вѣ рашномъ полѣ:
Что славу любимъ жизни болѣ,
Явимъ грядушимъ мы вѣкамъ!

Ө. Ивановъ.

Любовь къ Отечеству.

О Д А.

Душа всѣхъ Царствъ и ихъ ограда,
Надежнѣйшій оплотъ Царей;
Безсмертіе кому награда,
Трофеи чьи. — рядъ олтарей!..
О доблестъ истинныя славы! —
О непорочны, тверды нравы! —
О благороднѣйшая кровь:
Къ Отечеству любовь!

*

Любовь къ Отечеству! — жаръ чувства,
Восторгъ великія души!
Ты подъ егидою-ль искусства,
Сама свой образъ опиши,
Иль въ лѣпотѣ предстань природной —
Всегда и всѣмъ равно красна,
Равно хвалбою всенародной
Въ вѣкахъ освящена.

*

Освящена самимъ закономъ,
Самою вѣрою святой;
И съ сердцемъ чистымъ ставъ предъ трономъ,
На зависть наступа пятой —
Ходашайствуетъ у Владыки
Не за себя, за всѣхъ сиротъ. —
Цари! единымъ вы велики:
Числомъ своихъ добротъ...

*

Числомъ добротъ спяжая славу,
Пребудете въ попомствѣ вѣкъ;
Тотъ съ радостью вкушалъ оправу,
Свершалъ кпо благо челоуѣкъ;

Тому названіе героя
 Приличіе изъ всѣхъ нестей,
 На стражѣ общаго покоя
 Кто бодрствуетъ душой...

Кто бодрствуетъ при общихъ бѣдствахъ,
 Рачитъ въ безопасности другихъ,
 Неиспощимъ въ трудахъ, во средствахъ
 Спокойнъ согражданъ своихъ;
 Коль Царь — закона онъ во власти,
 Коль воинъ онъ — то страхъ врагамъ,
 Коль судія — отщещетъ страсти —
 Причтенъ къ полу-богамъ.

Причтенъ къ сонму ихъ и равенъ
 Съ соименитыми въ дѣлахъ...
 Отечества служба, мужъ славенъ —
 Отечество живетъ въ сынахъ;
 Взаимностию крѣпясь одною,
 Взаимно славимы у всѣхъ:
 Закономъ, миромъ ли, войною —
 Всегда во всемъ успѣхъ.

Успѣхъ во всемъ, коль свято чтимы
 Права гражданъ, народовъ честь;
 Коль власти испиной водимы,
 Коль прону предстоишь не леть,
 На вѣрныхъ груди для защиты,
 Не гнувшихъ выи подъ яремъ...
 Цари народомъ знамениты,
 Народъ блаженъ Царемъ!

Блаженъ народъ и съ нимъ Владыки —
 Соплещетъ имъ въ восшоргѣ миръ!..
 Хвала Царямъ — народны клики,
 Отечествау — бряцанье лиръ!..

Отечество своихъ ироевъ
Почтитъ безсмертїи вѣицеиъ —
Они сущъ въ мирѣ, среди боевъ
Потомству образцеиъ.

Потомству дѣлѣ ихъ важность зрима,
Временѣ скрижали прочтены:
Вожди Аѣиинѣ, граждане Рима,
Россїи вѣрные сыны!
Вѣ вѣкахъ примѣры ваши громки?
На тронѣ, средѣ суда, вѣ войнѣ
Да поревнуютъ вамъ потомки
Вѣ отеческой страиѣ...

Вѣ страиѣ, издревле преобильной
Числоиъ прославленныхъ мужей;
Народѣ могущественной, сильной
Да служитъ для вседѣнной ясей
Примѣромъ истинныя славы!..
Да сохранятся древни нравы —
Да неоспынетъ Русска кровь:
Кѣ Отечеству любовь!

А. Писаревъ.

Изъ 1й западной арміи.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Наблюденія Русскаго въ Америкѣ.

(Письмо къ А. О. Лабзину.)

Филадельфія, 2 Марта 1812 года.

Пользуясь лестнымъ позволеніемъ Вашего Превосходительства сообщать вамъ все любопытное, касающееся до земли сей, я имѣю честь на сей разъ препроводить къ вамъ примѣчанія мои, или лучше сказать, опривокъ изъ журнала моего, о *рыбной ловлѣ*, производимой на острѣ Новой земли „*Newfoundland banc*“ Если вы найдете его довольно любопытнымъ для срощичей моихъ; то прошу покорнѣйше Ваше Превосходительство, поправя его, напечатать въ Всепниѣ Европы, или въ другомъ какомъ журналѣ. Я не писатель, а живописецъ; кистью былъ бы краснорѣчивѣе, чѣмъ перомъ: пошому и найдете вы въ семъ опривкѣ одни чувства мои и замѣчанія историческія безъ украшеній. Немедленно я буду имѣть честь доставить вамъ подробное свѣдѣніе о сшепени изящ-

ныхъ художествъ въ землѣ сей и описаніе Филадельфской академіи художествъ. Я подарилъ ей два рисунка работы моей, сдѣланные мною съ возможнымъ тщаніемъ, (одинъ изъ нихъ представляетъ *Козака*, а другой *Чернеца*) и получилъ отъ Президента и Директоровъ оной официальное благодарственное письмо.

Прилагаю при семъ Вашему Превосходительству портретъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА I, выгравированный для одного здѣшняго журнала лучшимъ Американскимъ граверомъ съ портрета, мною здѣсь написаннаго. Дабы познакомить землю сію болѣе съ Россією и дать понятіе о степени народнаго просвѣщенія у насъ, я предложилъ доставлять въ одинъ изъ лучшихъ Американскихъ журналовъ ежемѣсячно по картинкѣ съ описаніемъ; и буду давать туда по видѣ Петербурга, по какойнибудь національный костюмъ нашъ. Слухъ, что я буду сообщать таковыя новости въ журналъ сей такое возбудилъ любопытство, и намѣреніе мое снова понравилось здѣшной публикѣ, что нынѣшній мѣсяць болѣе 100 подписчиковъ прибавилось на оный.

Перевѣздъ нашъ изъ Россіи въ Америку былъ самый благополучившій, какого еще

до сей поры не бывало. И въ самомъ дѣлѣ; перелетѣть сѣ неизмѣримое пространство, раздѣляющее Россію отъ новаго свѣта, въ 40 дней, имѣть безпрестанно почти попушный вѣтрѣ и прекрасную погоду, по испинѣ надобно имѣть особенное, необыкновенное счастье. Вояжъ нашъ разсказывается въ Америкѣ за чудо; еще ни одинѣ корабль не приходилъ изъ Россіи, менѣе какъ въ 55 и 60 дней. Конечно мы донесены сюда подъ егидомъ нашихъ Россійскихъ Пенашовъ.

Въ Ельсинерѣ мы останавливались на 40 часовъ — и чуть было не попались Французскимъ корсарамъ, кои весьма прилжно насъ караулили; но мы ихъ обманули, распустия слухъ, что снимемся съ якоря по утру, а вмѣсто того пустились вечеромъ, и при ночной темнотѣ и попушномъ сильномъ вѣтрѣ удачно ихъ избѣжали. Впрочемъ на случай мы пригото-видись дажь имъ сильный отпоръ; зарядили обѣ наши пушки и всѣ ружья, а сами вооружились саблями и пистолетами, и въ такомъ положеніи провели всю ночь; на утро же мы были уже внѣ опасности, ибо пролетѣли невѣроятное пространство.

Почти въ 50 миляхъ отъ Американскаго берега слышанъ бысть начинающій шумъ, похожій на стenanіе или ревъ вдалекѣ; и

нѣмъ ближе приходишь къ берегу шѣмъ онѣ слышнѣе и страшнѣе. Вѣроятно, сіе происходитъ отъ морскихъ валовъ, разбивающихся о каменные утѣсы; но мнѣ казалось, что природа хотѣла въ послѣдній разъ усмирить дерзновеннаго, презрѣвшаго всѣ препоны, и осмѣливавшаго жобдить преграды, положенныя ею между старымъ и новымъ свѣтомъ.

Въ тридцати миляхъ отъ матерой земли Америки мы встрѣчены были лодчанами. Какъ вѣтеръ начиналъ стихать и дѣлаться противнымъ, отъ чего корабль могъ бы нѣсколько дней простоять недоспигши гавани; то мы, горя неперенѣемъ скорбе сойти на берегъ, наняли лодчанской ботъ довести насъ до Филадельфїи. Боты сіи весьма легко ходятъ, и при противномъ вѣтрѣ удобно на нихъ лавировать въ самыхъ узкихъ мѣстахъ. Хотя они плоскодонны, но лодчаны пускаются на нихъ безъ страха въ открытое море, даже за 60 миль, встрѣчаютъ корабли, которые приводятъ они до Филадельфїи мимо всѣхъ рѣкъ, наполняющихъ устье Делавара, которое потому весьма опасно, особливо для большихъ кораблей. Рѣкою сею должно плыть до Филадельфїи около 90 верстъ. Берега съ правой стороны песчаны, низменны и нажуща дивими; на противной же

споронѣ представляются глазамѣ обработанныя поля и зеленныя рощицы.

Наконецъ 30 Октября, по н. сп. мы спутили на берегѣ. Не могу описать вамѣ радости, чувствованной мною въ сію минушу; надобно переплыть столько морей и перенеслись въ другой свѣтъ, чшобѣ испытать сіе чувство.

Филадельфія городѣ обширный и многлюдный. Но здѣсь нѣтъ нѣхѣ великолѣпныхъ, огромныхъ зданій, кои пѣвняютъ и удивляютъ иностранца въ Петербургѣ. Рѣка Делавара, хотя споль же широка какѣ наша Нева; но кромѣ выгоды судоходства не доставляетѣ жителямѣ Филадельфіи никакого удовольствія; ибо не только не имѣетѣ граничныхъ набережныхъ, но даже жить на берегу ея почитается не здоровымѣ. Вообще архитектура такава, какѣ въ Англійскихъ городахъ, то есть кирпичныя нештукатуренныя дома одинакаго виду, подѣ одну крышку и съ крыльцами на улицу. — Улицы довольно широки и прямы; по обѣимѣ сторонамѣ гладкіе, чистые проуары для пѣшеходцевъ, кои въ нѣкоторыхъ улицахъ обсажены тополями, или каштановыми деревьями, чшо дѣлая густую тѣнь въ лѣтніе жары, представляетѣ при томѣ и видѣ приятный.

Маленькой паланшѣ мой въ живописи, при желаніи моемъ, сколько можно болѣе воспользовашься моимъ пребываніемъ въ сей землѣ, отворилъ мнѣ входъ во всѣ дома и скоро познакомилъ со всѣмъ, что есть любопытнаго въ семъ городѣ. По истинѣ можно сказать, что нѣтъ земли, гдѣ бы механическія искусства доведены были до большаго совершенства. Недоснапокъ рукъ и дороговизна ручныхъ работъ заставили прибѣгнуть къ наукамъ, и здѣсь все почти дѣлается машинами: машина пилитъ камни, кушетъ гвозди, дѣлаетъ кирпичи. Особливо мельницы возведены на удивительную степень совершенства. Я намѣренъ прилѣжно заняться изученіемъ сей части, имѣя съ малолѣтства къ тому склонность, и можешь быть со временемъ буду тѣмъ полезенъ любезному моему Отечеству. Теперь все вниманіе мое обращено на *stem boat*, употребляемый для непрерывной коммуникаціи между Филадельфіею и Нью-Йоркомъ. Прекрасная выдумка Американскаго гражданина Фультона! *Stem boat* есть барка, движущаяся парами, не имѣющая нужды ни въ парусахъ, ни въ попутнамъ вѣтрѣ и презирающая всякую непогоду. Я думаю, сіе могло бы весьма быть полезно для вѣрнаго сообщенія между Кронштапомъ и Петербургомъ.

Мы застали природу въ Америкѣ въ совершенной наготѣ ея. Не смотря на то, я часто брожу по берегамъ Скулькиля и удивляюсь по дикимъ, по пѣвническимъ ландшафтамъ: но воображеніе мое безарестанно летаетъ къ *Ниагарскому водопаду*, къ сему чуду природы, взглянуть на него стоить того, чтобъ единственно за тѣмъ прибѣжать въ новый свѣтъ. Въ будущую осень надѣюсь шуда сѣздить, не смотря на дороговизну, опасности и трудности путешествія. Если мнѣ удастся сдѣлать хорошую изъ сего картину, если удастся приблизиться къ натурѣ — то вы увидите ее въ Петербургѣ.

При семъ случаѣ имѣю счастье повертнуть къ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА видъ *Mont Veſnon*, мною написанный. Мнѣ сто сѣе не споль любопытно по своему положенію; хотя впрочемъ оно есть одно изъ прекраснѣйшихъ, сколько по обладателю своему — знаменишому Вашингтону. — Всякій Американецъ почитаетъ долгомъ самымъ приятнѣйшимъ побывать здѣсь, чтобъ поклониться праху своего избавителя: долгъ сей для него споль же священъ, какъ для Магометанина сходить въ Мекку, а для набожнаго Христіанина пѣшеествовать во Иерусалимѣ.

Можетъ быть сего дня вы въ Петербургѣ кушаетесь въ шубы, боитесь отморозить носъ; а мы въ Филадельфїи гуляемъ въ льбнемъ платьѣ. Однако зимою климатъ здѣсь непостояненъ: одинъ день даже жарко, а другой 13 градусовъ морозу, и въ домахъ очень спрадаютъ въ холодную погоду; ибо всѣ здѣшніе дома построены безъ печей, такъ легко, такъ непрочны, какъ бы для самаго жаркаго климата. Вообразите: не смопрятъ на ковры, на безпрестанный огонь въ каминъ, и находилъ у себя иногда на столѣ чернила замерзшими въ чернилицѣ. Мнѣ хотѣлось въ комнатахъ своей сдѣлать печку на Русской манерѣ; но вышло, что никакъ нельзя, ибо она тяжестью своею раздавила бы весь домъ! Не только здѣсь, даже въ Бостонѣ, который гораздо сѣвернѣе, нѣтъ печей. Американцы весьма чувствуютъ ихъ необходимость, но не имѣютъ рѣшимости начать; ибо они небольшіе охотники до введенія новостей въ общежитіе. Первый, кто бы построилъ печь, былъ бы благодѣтелемъ ихъ и нашелъ бы множество подражателей. *Ce n'est que le premier pas qui coute!*

Американскіе дамы удивляются, какъ въ Россїи отъ 30 град. морозу мы не замерзнемъ, и тѣмъ болѣе, когда я имъ сказывалъ, что среди зимы въ домахъ на-

шихъ мы дышемъ осеннимъ воздухомъ, самымъ чистымъ, блатораспвореннымъ, и что у иныхъ помѣщиковъ, любящихъ порядокъ, наблюдается въ комнатахъ всегда одинакій воздухъ по термометру. Введеніе печей, кромѣ очевидной пользы для здоровья, въ здѣшней землѣ было бы сопряжено и съ большою экономіею; ибо каминны пожираютъ много дровъ, которыя здѣсь весьма дороги.

Съ 20-го Января по 28 стояла у насъ зима во всей формѣ: градусовъ 6 постояннаго морозу и довольно снѣгу. Безпрестанная кашанья въ саняхъ, гулянья за городомъ и припомъ павія же свѣпьяя ночи, какъ у насъ въ Россіи въ зимнюю пору, заспавляли меня иногда забывашь, что я не въ милой Отчизнѣ.

Американскія женщины вообще прекрасны, весьма стройны и румяны. Но за то какъ онѣ далеко отстоятъ отъ нашихъ милыхъ Петербургскихъ и Московскихъ дамъ въ прищности обхожденія, въ шалашахъ и въ семъ обворожительномъ кокетствѣ, столь необходимымъ въ наукѣ нравиться людямъ! Особливо кванерши имѣютъ такую-то дикость, суровость во взорахъ, столь несогласную съ голубыми ихъ глазами и съ прелестными личиками, ко-

ими природа щедро ихъ одарила. Вы конечно знаете, что *квакеры* враги всѣхъ веселостей, всѣхъ удовольствій; а какъ они составляютъ здѣсь первенствующихъ и древнѣйшихъ жителей: по Филадельфїи и почитается самымъ скучнымъ городомъ въ Америкѣ, особливо строгость ихъ нравовъ чувствительна по Воскресеньямъ. Какое безмолвіе и тишина царствуютъ въ сей день повсюду! Вездѣ встрѣчаешься съ пасмурными лицами. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ здѣсь было большое волненіе; — думали, что запрешать театръ и всѣ публичныя собранія, и уже Нижній Парламентъ одобрилъ законъ сей, но Сенатъ отвергнулъ. Квакеры для сего запрещенія воспользовались несчастіемъ, случившимся въ Ричмондѣ прошедшаго Декабря мѣсяца, гдѣ болѣе 200 человекъ сгорѣло въ театрѣ. Многие оплакиваютъ и теперь даже здѣсь своихъ родственниковъ, или приятелей. На нѣсколько дней во всѣхъ областяхъ Соединенныхъ Штатовъ наложенъ былъ всеобщій трауръ. — Въ Филадельфїи теперь при театра, изъ коихъ одинъ Олимпической.

Я имѣлъ случай познакомиться здѣсь съ двумя особами достойными примѣчанія: съ *Генераломъ Моро* и *Княземъ Голицынскимъ*. Первый живетъ бливъ Нью-Йорка въ прекрасной деревнѣ, имъ самимъ по-

строенной и заселенной на дикомъ мѣстѣ. Жизнь ведетъ онъ уединенную и спокойную; мало говоритъ о полипимѣ и всѣми уважается. Напрошивъ того г-жа. *Моро*, женщина свѣтская, привыкшая жить въ шумѣ Парижа среди воинскихъ лавровъ мужа своего и приносимой Парижанами дани ея прелестямъ и дарованіямъ, спрадаетъ отъ равнодушія и нечувствительности Американцевъ. *Моро* съ виду не общаетъ ничего чрезвычайнаго, великаго; наружность его даже слишкомъ обыкновенна, онъ же и одѣвается неопытно.

Другой, Князь Голицынъ, сынъ бывшаго посланника нашего въ Голландіи, опназаясь отъ богатства и почестей, на кои знатность подавала ему право, сдѣлался Каполическимъ священникомъ и посланъ въ Америку миссіонеромъ. Набралъ себѣ колонію каполиковъ различныхъ націй, живетъ съ ними посреди лѣсовъ и вертеповъ, и учитъ ихъ слову Божію. Долгое время назывался онъ Смитомъ: но кажепся, что священническое званіе не мѣшаетъ ему съ приятностію слушать, когда назовешь его Княземъ. Онъ совсѣмъ не говоритъ порусски; но увѣряетъ, что при имени Русскаго сердце его бьется сильнѣе.

Я бы весьма былъ благодаренъ Вашему Превосходительству, еслибъ вы пошуди-

лись, очистивъ слогъ, неисправности и излишности письма сего, отдашь оное напечатать въ какомъ нибудь журналѣ. Многимъ моимъ приятелямъ, къ коимъ я не пишу, было бы приятно узнать о благополучномъ приездѣ и житьѣ-бытьѣ нашемъ въ Америкѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю пребыть и проч.

Павель Свининъ.

Р. S. Сдѣлайте милость засвидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе Графу Федору Васильевичу Распопчину, также и М. А. Л. Гдѣ они?

Отрывокъ изъ Журнала путешествія моего въ Америку, заключающій нѣкоторыя примѣчанія о *рыбной ловлѣ*, производимой на *отмели Новой земли*.

Отмель Новой земли, или обыкновенно называемая *Нюфундландская Баяна*, споль знаменитая по ловлѣ пресви, которая почитается богатѣйшею во всемъ свѣтѣ, есть одна изъ величайшихъ подводныхъ горъ, длиною 160 миль, а шириною около 80. Впрочемъ двѣ ея конечности такъ далеко простираются въ море, что нельзя въ точности опредѣлить величины ея. По срединѣ съ Европейской стороны находится

ся въ ней родъ залива, или рва. Она ле-
житъ подъ 51 градъ западной широты и
50 градъ долготы. Въ прямой линіи раз-
стояніемъ отъ С. Петербурга болѣе 5000
верствъ, а отъ матерой земли Америки въ
ближайшемъ мѣстѣ около 700. Самое мѣл-
кое мѣсто на ней глубиною 20 сажень, а
самое глубокое до 90 саж. Солнце весьма
рѣдко показывается здѣсь изъ за черныхъ
облаковъ; сырой и холодный воздухъ раж-
даетъ шуманы, которые почти всегда здѣсь
господствуютъ.

29 Сентября (по стар. ст.) 1811
года, по двадцати чепырехъ дневною сча-
сливомъ плаваніи мы прибыли изъ Крон-
штапта къ сей отмели. Глубины въ на-
шемъ мѣстѣ стоянія было 82 сажени. Но
вдругъ противный вѣтеръ унесъ насъ опять
въ океанъ, и мы уже едва въ три дни до-
брались опять до нея, лавируя въ непре-
сшанныхъ шумахъ, при ужасной волне-
нн моря.

1 Октября въ 7 часовъ утра брошен-
ный лотъ показалъ, что мы находимся на
32 саженьхъ глубины. Это самая удобная
мѣра для рыбной ловаи, и мы потчасъ ле-
гли въ дрейфъ. Утро, противъ обыкнове-
нія, было прекрасное, солнце не помрача-
лось ни однимъ облачкомъ, легкій вѣтеръ

рокъ едва колебалъ море, и чуть чуть развѣвалъ паруса наши. Мы дышали самымъ чистымъ, легкимъ воздухомъ. У насъ въ Петербургѣ развѣ въ Юнѣ бываешь такое устро. Закинули 10 удъ; каждый изъ насъ управлялъ двумя, и не болѣе какъ черезъ 5 минутъ вытащили 6 большихъ рыбъ. Не лзя описать того удовольствія, того счастія, коимъ наслаждаешься при удачной ловлѣ. Въ шеченіи шрехъ часовъ мы наловили болѣе 200 рыбъ; иныя изъ нихъ всили около 45 фуншовъ, и только 6 или 7 были всомъ въ 10 ф. Едва успѣвали закидывать уды, какъ и доставали добычу, иногда по двѣ рыбы вдругъ.

Чешуя на прескѣ цвѣта свѣтлоголубаго съ зелеными пятнышками, и брюхо опмѣнной бѣлизны; глаза большіе, синіе, челюсть пребольшая, особливо чрезвычайно велики губы. Количество оной, вылавливаемое ежегодно на сей опмеди, удивляетъ всѣхъ промышленниковъ; можешь быть здѣсь столица рыбы сей, или свойство грунта весьма для нея питательно и ее заманиваетъ сюда; а можешь быть и всѣ морскія бездны наполнены сею рыбою, ибо она обыкновенно лежитъ на днѣ морскомъ, или плаваетъ по оному. Рыбаки, приѣзжающіе сюда, никогда не имѣютъ неудачи, и всегда возвращаются съ вѣрною добычею.

Выбравъ удобное мѣсто, они спановялись на якорь, и не сходящѣ съ мѣста, пока не наполнятъ судовъ своихъ рыбою; въ ночное время засвѣчаютъ по нѣскольку фонарей и безпрестанно ударяющѣ въ колокола, въ предосторожность мимо идущимъ кораблямъ, кои за туманами, почти непрестанно здѣсь бывающими, легко могли бы набрѣсть на нихъ.

Между тѣмъ, какъ мы занимались ловлею, — птицы, великіе цари морскіе, съ шумомъ ходили вокругъ корабля нашего и забавляли насъ радужными фонами, кои они съ свистомъ высоко вверхъ пускали изъ рта. Казалось, они какъ бы шли на насъ войною, дабы опомститься за опущеніе ихъ царства, и подходили такъ близко къ кораблю, что мы могли видѣть спрашныя ихъ челюсти: два изъ нихъ были чрезвычайной величины. Спаи морскихъ птицъ носились надъ ними по воздуху, и изъ нихъ иныя были такъ дерзвы, что съ налету бросались на хребты китовъ и клевали ихъ: но сіе едва ли и беспокоило чудъ морскихъ. Также множество птицъ вилось и надъ кораблемъ нашимъ и съ крикомъ вырывали одна у другой куски, кощорые мы имъ бросали. Наконецъ всѣ онѣ устремились на одинъ предметъ, всѣ потянулись за рыбою, кощорая сорвавшись у

насъ съ уды, плавала почти поверхъ воды. Тупъ началась у нихъ междуусобная брань: иногда въ безпорядкѣ онѣ садились на воду и съ волнами то опускались, што поднимались на ней. Яркая бѣлизна ихъ, смѣшиваясь съ синешюю моря, составляла разительную прошивуположность; иногда ныряли онѣ за рыбою въ воду и попомъ взвивались на воздухъ. Около шридцати дней не видя ничего кромѣ безпредѣльности и единообразія волнъ морскихъ, взоры наши жадны были ко всякому новому явленію, ко всякой перемѣнѣ: и пошому мы въ сей борьбѣ ихъ находили великое удовольствіе, не могли имѣть другаго на морѣ.

Новая земля, а съ нею и отмель сія, открыты Французскимъ мореходцемъ Ивановъ Каботомъ въ 1497 году. Весьма скоро послѣ того важность рыбной ловли обратила на нее вниманіе Англійскаго правительства, и Королева Елизавета въ 1582 года послала Кавалера Гампшира съ пятью кораблями, завести тамъ постоянныя селенія для рыбаковъ и шѣмъ поощрить ихъ къ сему промыслу. Въ 1615 году уже болѣе 250 Англійскихъ кораблей прибжало сюда за рыбою, что составляетъ до 10,000 тюновъ бочекъ. Ловля прески продолжается здѣсь круглый годъ. Зѣбшняя преска превосходитъ вкусомъ всѣ прочія, доста-

ваемыя въ сѣверныхъ Европейскихъ моряхъ. Жаль, что по вѣжности своей, она не можетъ никуда десцаваться, бытъ сѣвжею, а ощущающа уже соленюти сущенюю.

Англія, Франція и Испанія старались наперерывѣ одна передъ другою завладѣть сою поргволею, и каждая изъ нихъ попеременно болѣе или менѣе оную владѣла; но никогда не были онѣ довольны своимъ участкомъ, и всегда скрыпнымъ а иногда и явнымъ образомъ старалась каждая одержать верхъ въ семъ соперничествѣ.

Нынѣ сѣя отрасль поргволи принадлежишь единственно Англичанамъ и Американцамъ. Извѣстно по отчетамъ Парламента, что сѣя ловля приноситъ Англіи въ обыкновенный годъ около 400 тысячъ фун. стерлинговъ, а могла бы приносить и болѣе. Вообще нынѣ она не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ была прежде, когда Франція и другія государства равно въ ней участвовали. Едва ли до 1000 кораблей нынѣ занимающа симъ промысломъ, изъ коихъ боо принадлежатъ Американцамъ, привзжающимъ сюда съ береговъ Скоптіи и изъ Боспона; остальные же Англичанамъ. Но Англійскіе корабли вдвое больше Американскихъ и пошому Американцы не берутъ преимущества надъ Англича-

нами. Можно полагать, что в сей торговле не больше 12000 человек упражняются. По снабденіи южной Европы рыбою, она обыкновенно спекулирует на продажу в Африку.

В шест часу по полудни подулъ намъ благополучный вѣтеръ, и мы плыли около 9 узловъ в часъ, больше 15 верстъ, нечувствуя пого; корабль нашъ, казалось, не двигался — вопль удовольствіе и выгоды мореходства! Изобрѣтеніе корабля есть поистинѣ самое важнѣйшее, самое полезнѣйшее порожденіе ума человѣческаго; а совершенство, до коего доведено нынѣ мореходство, изумляетъ самое дерзкое воображеніе! Брось мореходца среди неизвѣстнаго ему моря; онъ взглянетъ на небо, увидитъ солнце или звѣзду, и севстанъ ему скажетъ, гдѣ онъ.

Здѣсь человѣкъ торжествуетъ надъ законами природы; онъ покоряетъ, онъ, такъ сказать, оковываетъ самые вѣтры.

Къ вечеру мы вошли въ шеченіе Мексиканскаго залива, впрочемъ отъ береговъ Мексики доходитъ досюда, несмѣшиваясь съ моремъ, такъ что даже сохраняетъ ту теплоту воды, которую получаетъ оно, омывая огнедыщущія горы южной Америки. Спрямь изъ пролива въ океанъ, между береговъ Флориды и острова Кубы, оно, въ видѣ долу мѣсяца безпреспадно расширяясь,

проспирался въ океанъ далѣе прехъ тысячь верствъ съ одинакою мочи силою, и потомъ уже смѣшивается съ моремъ. При началѣ своемъ оно шакъ быстро, что безъ сильнаго вѣтра относитъ корабли назадъ.

Нынѣшній вечеръ и ночь были преле-
снѣе самаго утра. Тишина ни чѣмъ нена-
рушалась, кромѣ шихаго шума волнъ, про-
изводимаго ходомъ корабля. Съ одной спо-
роны мѣсяць выглядывалъ изъ за темныхъ
лучъ, съ другой комета ослабляла блес-
комъ своимъ: — можно ли безъ восторга
взирашь на сихъ вѣспницъ Непоспѣжима-
го? Обпекая вселенную, безъ сомнѣнїя
онъ исполняющъ въ каждомъ мѣрѣ какое
либо опредѣленїе Творца! Если можно при-
ятно забыться кораблеплавателю, если
можно ввухашъ истинное удовольствїе на
морѣ, забыть всѣ опасности, всѣ бѣдствїя
морской жизни, забыть, что одна доска от-
дѣляетъ отъ неизбежной смерти, — то
конечно только въ такое счастливое мгно-
венїе! А тамъ еще новое, великолѣпнѣйшее
зрѣлище: спруи и пѣна, производимыя
бѣгомъ корабля, роющимъ волны мор-
скїя; — онъ стелюся пламенемъ: спраш-
но видѣшь брызги сїи, огненнымъ дождемъ
падающїя на палубу! особливо слѣдъ руля
представляюща извивающимся огненнымъ

амбемъ, преслѣдующимъ корабль. Прекрасно! восхищительно!

Я бы несмѣлъ послать опрыска сего для намечанія, еслибъ не зналъ, что онъ пройдетъ чрезъ руки ваши, и потому конечно выйдетъ въ свѣтъ въ другомъ, лучшемъ нарядѣ (*).

Свиньинъ,

Краткое описаніе жизни Гоанна Миллера, знаменитаго историка.

Есть люди, о которыхъ не скучно говорить ни очень долго, ни очень часно, ни очень поздно. Такіе люди уже общимъ гласомъ призывающа къ безсмертію. Сколько вѣковъ разсуждается о Гомерѣ, Дамосеевѣ, Тацитахъ? и при всемъ томъ одно имя ихъ всегда возбуждаетъ любопытство! Причиною сему же одно только обыкновенное почтеніе, воздаваемое выпренному таланту. Человѣческой разумъ открываетъ достоинство свое и могущество, являя въ пошлѣ нѣкую волшебную силу творческую, въ ораторѣ искусное

(*) Напротивъ того опрысокъ сей почти не требовалъ никакой перемены съ моей стороны. — Л.

и непреодолимое владычество, въ историкѣхъ беспристрастное сужденіе. Вотъ почему насъ удивляютъ и прогаютъ сочиненія людей великихъ, уже окончившихъ свое поприще: слава ихъ перерождается въ нашу собственную; во время жизни своей они кажутся намъ соперниками; по смерти же, они суть братья наши, оставившіе намъ богатое и почетное наследство. Гораций сказалъ;

Urit enim fulgore suo qui praegravat artes
Infra se positas; extinctus amabitur idem.

„Человѣкъ превосходствомъ дарованій своихъ возбуждаетъ зависть въ современникахъ; по смерти его любить начинаютъ.“

Hor. Ep. 1. L. 2. v. 15.

Весьма невелико число такихъ писателей; которые желаютъ и не боясь поздняго приговора попомшва: кому при жизни воздаются почести, тотъ долженъ спрассишься зашмвнїя славы своей въ послѣдствїи времени; кто былъ неизвѣстенъ своимъ современникамъ, тотъ окончивая жизнь свою часто не знаетъ, что по смерти содблается знаменитымъ въ потомствѣ. Свободнымъ отъ сей боязни можетъ быть одинъ только историкъ, который соединяя имя свое съ прїяпнѣйшими воспоминанїями обѣ опечесавъ, на славу согражданъ своихъ основалъ

собственную славу. Известно всѣмъ, какъ Геродотъ произвелъ изступленіе, читая собраннмъ Гренамъ описаніе дѣяній прародительскихъ; сѣ изступленіе пережилось въ Греціи блескъ наукъ и независимости: Діонисій Галикарнасскій почитаетъ даже выборъ сего предмета, сдѣланный Геродотомъ, за подвигъ ума необыкновеннаго, а твореніе его называетъ опеченнымъ памятникомъ, поелику же достойнымъ безсмертія, какъ и самыя происшествія имъ описанныя (*). Іоаннъ Миллеръ не менѣе счастливъ былъ въ своемъ выборѣ и конечно удостоился таковой же славы. Швейцарія, признавая его достойнымъ живописцемъ прѣдшеческихъ доблестей, ручается намъ за прочность славы Миллера; и когда вся Германія поставляетъ его на ряду съ Саллустіемъ и Фукидидомъ, когда самыя творенія его подтверждаются справедливостію сего мнѣнія; то мы не сомнѣнно можемъ почитать его однимъ изъ тѣхъ знаменитыхъ писателей, которыхъ великое искусство достойно прилѣжнаго наблюденія, коихъ жизнь и характеръ по всѣмъ правамъ должны быть для насъ занимательны даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, коихъ заслуги и недостатки, поступки и мнѣнія имѣютъ особенную важ-

(*) Діон. Гал. Пис. къ Кн. Помп. Гл. 6.

ность, и о которыхъ никогда говоришь не наскучишь.

Сей знаменитый историкъ родился въ Шафгаузенѣ 1752 года Января 3 дня. Отецъ его приходской священникъ назначалъ его къ духовному званію; но въ немъ еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оказалась чрезвычайная охота къ изученію исторіи, предзнаменовавшая направленіе таланта его и предуготовлявшая его успѣхи. Будучи еще девяти лѣтъ, онъ любилъ уже рассказывать главные происшествія своего отечественнаго города; по двенадцатому году онъ привыкалъ разборчиво и съ точностію сравнивать разныя хронологическія системы. Чтеніе Лапinskiхъ классиковъ сдѣлалось для него споль сильною страстію, что Ректоръ не позволялъ ему предаваться оной. Будучи принужденъ учить наизустъ предложенныя Баумейстеромъ *Философскія опредѣленія Вольфовы*, которыхъ никто ему необъяснялъ, онъ получилъ навсегда отвращеніе отъ Метафизики, и по сей - то причинѣ писалъ въ 1774 году къ другу своему Бонспешпену: „Ваша Метафизика мучитъ меня. Со временъ Плинія, никто уже не подходилъ близко къ Везувію; со временъ Емпедокла никто не бросался въ Этну: но когда Лейбницъ совершенно погрязъ въ метафизическихъ пучи-

„нахъ, когда самъ Боннетъ заблудился въ
 „своихъ лабиринтахъ; но почему не возмож-
 „но убѣдить васъ остаться въ здѣшнемъ
 „подлинномъ мѣрѣ, и прежде всего научить-
 „ся говорить, писать и дѣйствовать по
 „правиламъ Цицерона и Макиавеля?“

Цицеронъ и Макиавель не могутъ на-
 учить дѣйствовать, и только сему одному
 Миллеръ у нихъ не учился, ибо епо не
 есть дѣло возможное. Родясь въ вольномъ
 городѣ, познакомившись съ младенчества съ
 великими примбрами дѣятельной любви къ
 отечеству, онъ безпрестанно содержалъ ихъ
 въ умѣ своемъ, старался понимать и цѣ-
 нить ихъ, но не имѣлъ въ характерѣ сво-
 емъ того, что даетъ способность подражать
 онымъ. Отечество и воспитаніе заблаго-
 временно предохранили его отъ предразсуд-
 ковъ, которыхъ онъ не избѣжалъ бы, еслибъ
 не столь благоприятныя обстоятельства
 имѣли вліяніе на его дѣйство. Прибывши
 1768 года въ Геттингенской Университетъ
 для окончанія наукъ, нашелъ онъ тамъ
 достойныхъ учителей, укрѣпившихъ и раз-
 вернувшихъ всѣ его здравыя и благородныя
 мнѣнія. Шлецеръ, показывая ему искус-
 ство соединять съ исторіею споруемую кри-
 тичку, научилъ его недовольствоваться одни-
 ми свидѣтельствами писателей недосто-
 вѣрныхъ и доводами неясными. И. П. Мил-

леръ присовѣщавши ему тогда посвя-
 шить жизнь свою и дарованія на описаніе
 начала и хода Гельветическаго Союза, обра-
 тилъ изысканія его и размышленія на пре-
 краснѣйшій памятникъ свободы, воздвигну-
 тый во времена новѣйшія. Такимъ образомъ
 успремившись всѣми силами къ тому что
 соспавляетъ славу и благоденствіе народовъ;
 призванъ будучи отъ самыхъ раннихъ тру-
 довъ своихъ къ обзорнѣю, какъ народная
 независимость можетъ приобретаться и
 быть сохраняема; вразумленный наставле-
 ніями отличнѣйшихъ гражданъ ученой Нѣ-
 мецкой республики; одушевленный симъ
 могущественнымъ чувствомъ любви къ оте-
 честву, любви рождающейся при младенче-
 скомъ нашемъ лепетаньи, при первыхъ на-
 шихъ познаніяхъ, — духъ его совершенно
 преселился въ ту сферу, которая одна при-
 лична исторіи, въ сферу свободныхъ мы-
 слей, благородныхъ чувствованій, про-
 стыхъ обыкновеній; во младенчествѣ сво-
 емъ онъ питался млекоу симъ и возра-
 спалъ въ сихъ правилахъ; онъ получилъ
 себѣ также въ наслѣдство сію прекрасную
 систему возвышенныхъ мнѣній, приобре-
 таемыхъ съ трудностію и самыми велики-
 ми умами, если никто не передастъ имъ
 оныхъ, — мнѣній, которыхъ Домиціанъ не
 могъ ошнать у Тацита.

Однакожь онъ не въ себѣ самомъ почерпнулъ оныя, и характеръ его не могъ всегда удерживаться на высотѣ сихъ правилъ: потому-то въ молодости его и въ первыхъ его сочиненїяхъ онъ изливались съ обыкновенною небрежностію, прилично пылкимъ лѣтамъ, а особливо увѣренности чловѣка несомнѣвающагося въ своихъ силахъ, потому что онъ еще ни съ кѣмъ не боролся, — чловѣка мыслящаго смѣло, отъ того что по неопытности своей онъ еще не знаетъ страха, и что мнѣнія его не встрѣчались еще съ другими мнѣніями, такими воими должно управляшь, или коимъ должно повиноваться.

Молодой Миллеръ, скоро наскучивши Богословію, протисился съ нею навсегда въ одномъ разсужденїи, подъ заглавіемъ: *Christo rege nihil esse ecclesiae metuendum*, ш. е. Доволь царствуемъ Хрїснсъ, то церковъ ничего не должна страшиться (*). Возвратившись 1772 года въ Шафгаузенъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, онъ получилъ Профессорскую кафедру Греческаго языка, и тамъ окончилъ начатое въ Гетцингенъ подъ руководствомъ Шлецера *Описаніе войны Кимбровъ* (**). Скоро потомъ *Швейцарская*

(*) Goetting. 1771. in 4.

(**) *Bellum Cimbricum*, Turici, 1772. in 8.

исторія сдѣлалась предметомъ всѣхъ его мыслей: нѣсколько лѣтъ собиралъ онъ матеріалы для оной; Галлеръ, Боденеръ, Брейшингеръ и всѣ ученые соотечественники его способствовали его изслѣдованіямъ. Тѣсная связь, начавшаяся у него съ Бонспешеномъ въ 1773 году, поселила въ немъ новую ревность. Оба исполнены будучи любви къ отечеству и наукамъ, они сообщали взаимно другъ другу труды свои и мнѣнія; тогда - то началась у нихъ переписка, которой половина издана подъ названіемъ: *Письма молодого ученаго къ своему другу* (*). Въ нихъ открываются всѣ Миллеровы мысли объ исторіи, цѣль ея, средства, и принаровленіе какое онъ хотѣлъ изъ оной сдѣлать; онъ судитъ о древнихъ историкахъ; отличаетъ ихъ; даетъ имъ надлежащую цѣну съ глубокомысліемъ, точностію и справедливостію, достойными того, кѣмъ будучи ихъ ученикомъ, рѣшился быть ихъ соперникомъ; особенно же должно замѣтить расположеніе и порядокъ, наблюдаемые Миллеромъ въ изслѣдованіи объ отечественной исторіи. Въ сихъ письмахъ видны потѣ благородной восторгъ, - то постоянство, - то предубѣжденіе въ пользу своего занятія, кой свидѣльствуютъ объ истинномъ дарова-

(*) *Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund.* Tubingen. 1802 in 8.

нїи: „Вижу великія приготоуленїя въкошо-
 ,,рыхъ нашихъ писателей, такъ говоритъ
 Миллеръ своему другу, — „и смотрю на нихъ,
 ,,нимало имъ не завидую; ибо я не про-
 ,,спираю далеко; подобно имъ, своихъ на-
 ,,мбрений. Я ограничиваюсь только Швей-
 ,,царскою Испорїею; хочу жить, наблюдать
 ,,и дѣйствовать для сего единственнаго
 ,,упражненїи всей моей жизни. . . . Поста-
 ,,раюсь сдѣлать слогъ мой важнымъ и
 ,,просїмымъ: важность нравится республи-
 ,,канцамъ и спарикамъ; она и въ самыхъ
 ,,юношахъ возбуждаетъ почтительность.
 ,,Впрочемъ, не имѣи возможности заслужить
 ,,уваженїя лѣтами моими, я постараюсь
 ,,приобрести оное своимъ характеромъ, и
 ,,оно сочиненїя моего будетъ зависить ка-
 ,,кимъ я долженъ казаться передъ совре-
 ,,менниками и потомствомъ. Спрашусь,
 ,,любезный другъ, при одной мысли, что
 ,,двадцати пяти лѣтъ вступаю на по-
 ,,прище, на которомъ великіе мужи древ-
 ,,няго Рима, нынѣшней Италїи, Франціи
 ,,и Англїи получили безсмертныя лавры.
 ,,Вижу удивленные ихъ тѣни: онѣ вопро-
 ,,шаютъ меня, достоинъ ли я стаять на
 ,,ряду съ ними. Стою передъ потомствомъ,
 ,,передъ симъ неумолимымъ судилищемъ,
 ,,долженствующимъ нѣкогда сравнить меня
 ,,съ великими образцами, и опредѣлишь мнѣ
 ,,безсмертїе или — посрамленїе. Мнѣ ка-

„жется, будто тѣни прародителей нашихъ
 „являются и угрожаютъ рушить мое спо-
 „койствіе, если я недоспойно изображу ихъ.
 „Не безъ страха предстою знаменитому
 „сословію великихъ людей и нашего вѣка,
 „и проч.“

Имѣя столь высокое мнѣніе о своемъ
 предпріятіи, Миллеръ тщательнo и не-
 ослабно изыскивалъ средства къ достиже-
 нію своей цѣли; онъ вѣздилъ по всей Швей-
 царіи, для обозрѣнія самаго театра дѣй-
 ствій, кои описывать вознамѣрился; раз-
 суживалъ виды и свойства горъ, дабы
 попомъ изобразить ихъ съ надлежащею
 вѣрностію, придающею душу каждому сло-
 ву; рачительно собиралъ всѣ народныя пре-
 данія, разговаривалъ съ поселянами, оспа-
 навливался вездѣ, гдѣ только могъ найти
 древнія хроники и бумаги, лежащія въ
 пыли книгохранилищъ; углублялся въ раз-
 валины вѣдovъ среднихъ гораздо съ боль-
 шимъ жаромъ, нежели алчные завоеватели
 Перу въ тамошніе рудники, въ которыхъ
 сокрывались груды золота.

Миллеръ не ограничивался изслѣдова-
 ніями одной отечественной исторіи. Бышо-
 писанія цѣлой Европы были также пред-
 метомъ его занятій: онъ перечисывалъ
 хроники, публичные акты и генеалогиче-

свѣи таблицы Франціи, Германіи, Англїи, Италїи, и все сіе удерживалъ въ своей памяти.

Недовольствуясь обширными своими познанїями, онъ скоро почувствовалъ, что сидячая жизнь и чтенїе недоспаютчны для образованїя историка. Сего можно достигнуть, говорилъ Миллеръ самъ себѣ, по словамъ Макіавеля, не иначе какъ *per una lunga sperienza delle cose moderne ed una continua lezione degli antichi*. Для того въ 1774 году рѣшился онъ оставить Шафгаузенъ и посмотрѣть свѣта. Сограждане спольно имѣли къ нему уваженїя, что катедру его оставили на нѣсколько лѣтъ незанятою; ибо надѣялись, что Профессоръ возвратится. Миллеръ обозрѣлъ разные города; въ Женевѣ и Бернѣ преподавалъ онъ публичныя лекціи о Всеобщей исторїи. Всѣ удивлялись обширнымъ его свѣдѣнїямъ, благородству чувствованїй, сильному и простому слогу, хотя нѣсколько темному, но красному и живописному. Первый Томъ *Исторїи Гелветическаго союза*, вышедшій 1780 года, доказалъ превосходство его дарованїй и прославилъ его имя.

Нѣтъ ничего приятнѣе, какъ разсматривать духъ великаго человека, иыскывать въ сочиненїяхъ его опланиченные

черты дарованій и восходитьъ такимъ образомъ къ источнику его славы; но таковою шрудъ былъ бы здѣсь не у мѣста: довольно если скажу, что *Исторія Гелветическаго Союза* принята была съ удивленіемъ всѣми, и что сему Союзу былъ обязанъ своимъ благоденствіемъ, — и вси Германія нарекла сочинителя оной своимъ Овидидомъ.

Спуска нѣсколько времени, Миллеръ отправился въ Берлинъ, куда влекло его удивленіе къ Фридриху II и милости, коими сей Государь хотѣлъ обратишь дарованія историка на пользу своей политики. Всеобщее мнѣніе содѣлалось тогда почтеннымъ даже и для шѣхъ, кои вовсе не спрашивались онаго, и участіе Миллерова было весьма значительно; ибо Фридрихъ, увидѣвши необходимость противоположить силу Германской Имперіи честолюбію Императора Юсифа II, заставилъ Миллера сочинить славное воззваніе подъ именемъ *Изложенія союза Государей* (*). Онъ надѣялся, что сіе швореніе знаменитаго чловѣка содѣлаетъ передъ попомствомъ священными его планы. И въ самомъ дѣлѣ оно способствовало къ произведенію въ дѣйство желанія

(*) *Darstellung des Fürstenbundes. In 8. Leipzig 1787.*

его Государя — къ утверженію союза Имперскихъ Князей противъ Австрійскаго Дома.

Живучи въ Берлинѣ, Миллеръ вознамѣрился написать со временемъ исторію Фридриха II. Онъ неоставлялъ сего намѣренія даже при концѣ своей жизни. Можетъ быть безприсраспѣе не всегда руководствовало бы исполненіемъ онаго: Миллеръ слишкомъ уважалъ величіе и отъ излишняго удивленія забывалъ иногда справедливость. Еслибъ онъ кончилъ трудъ свой; то мы имѣли бы превосходное твореніе, но вмѣстѣ можетъ быть и случай жалѣть о дарованіи во зло употребленномъ.

Выѣхавши изъ Пруссіи, онъ провѣлъ пять лѣтъ въ Кассель, въ Женевѣ и Шафгаузенѣ; шутъ опять съ новымъ жаромъ принялся за *Швейцорскую исторію*, и второй Томъ, вышедшій 1786 года, принявъ былъ въ ученѣмъ свѣтѣ также благосклонно какъ и первый. Въ томъ же году Майнцской Курфирствъ, Фридрихъ Карлъ Іосифъ, пожаловалъ Миллера Надворнымъ Совѣшникомъ и Библіотекаремъ Университета. Въ 1787 возведенъ онъ на степень Кабинетнаго Секретаря и Курфиршескаго Тайнаго Совѣшника. Новыя сіи достоинства не ошвлекли его отъ ученыхъ завя-

шій: Третій Томъ его Исторіи вышелъ 1788. Скоро послѣ того одинъ Дворъ наложилъ на него молчаніе и оговаривалъ его хищными ласками. Австрія не забыла сочиненія о *союзѣ Государей*. Леопольдъ II предложилъ сочинителю мѣсто Надворнаго Совѣтника въ Придворной и Государственной Канцеляріи, и Миллеръ принимая сіе шило, изъ честолюбія или по слабости, показалъ, что онъ совсѣмъ не зналъ людей и неимѣлъ того твердаго характера, которымъ замѣняются увершливость и тонкое умное житье на свѣтѣ. Въ Вѣнѣ скоро испыталъ онъ всѣ неприятности: ему предлагали деньги, отъ которыхъ онъ великодушно отказался; его пожаловали Кавалеромъ Имперіи, и онъ принялъ сію почесть съ удовольствіемъ, но неимѣлъ ни вліянія, ни довѣрія; ему даже запретили продолжать *Швейцарскую Исторію*, и онъ не могъ выписать рукописи своей, оставшейся въ чужихъ краяхъ. Въ качествѣ хранителя Императорской Библіотеки, онъ подчиненъ былъ строгой цензурѣ; всякое ученое предпріятіе соединено было съ затрудненіями; онъ неимѣлъ даже позволенія издавать въ свѣтъ сочиненій Монтескья. Долгое время терпѣвши рабство, которое могъ бы предвидѣть и отъ котораго долженъ бы освободиться, наконецъ рѣшился онъ оставить Вѣну и ѣхать въ Берлинъ,

гдѣ Фридрихъ Вильгельмъ III пожаловалъ его Исторіографомъ Бранденбургскаго дома и Тайнымъ Совѣтникомъ.

Упражненія, путешествія, различныя общесіва, въ которыхъ онъ жилъ, обогатили его свѣдѣніями; но за то открыли свѣту несообразности и недоспадки его характера. Въ молодости своей онъ предполагалъ или поставилъ для себя цѣлю науки и домашнее счастіе, *placidam cum libertate quietem*, или посредствомъ наукъ возвыситься; вышло напоследокъ; чпо онъ неумѣлъ сдѣлать ни того, ни другаго; лишился вольности и спокойствія, и только заслужилъ имя великаго писателя.

Новыя происшествія въ Германіи открыли ему новое поприще. Король Виртембергскій приглашалъ его въ Тибингенъ, куда онъ хотѣлъ было уже ѣхать, какъ вдругъ Императоръ Французскій призвалъ его въ Парижъ и наименовалъ Государственнымъ Секретаремъ Вестфальскаго Королевства. Обязанности сей высокой должности совершенно отвлекали Миллера отъ ученыхъ занятій. Онъ выпросилъ себѣ увольненіе и остался Государственнымъ Совѣтникомъ и Директоромъ народнаго просвѣщенія. И въ семъ званіи могъ бы онъ еще оказать важныя услуги Вестфаліи.

Уже видны были благодѣтельные его намѣренія; важная заботливость его о Геттингенскомъ Университетѣ и о всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ каждому извѣстна. Желчная рожа, провождаемая ужасными конвульсіями, похишила у наукъ сего знаменитаго мужа 1809 года 29 Мая въ 4 часа по утру. При самой смерти въ немъ видны были движенія души чувствительной и доброй: долги, родственники, друзья, старый служитель, опечесство, наполняютъ все пространство его завѣщанія, которое по всей справедливости заслуживаетъ быть извѣстнымъ.

„Во имя Бога всемогущаго! нижеподписавшійся, чувствуя приближающееся разрушеніе своего тѣла, опечаленный уничиженіемъ великихъ и славныхъ предприятий, коимъ посвящалъ онъ всю жизнь свою, и крайне огорченный бѣдственнымъ своимъ состояніемъ, которое отъ несчастій приключившихся въ Вѣнѣ и отъ чрезвычайныхъ издержекъ съ Ноября мѣсяца 1807 года совершенно испощилось, обремененный долгами, почищаетъ нужнымъ для успокоенія души своей начертать послѣднюю свою волю вразсужденіи сего горестнаго предмета. Жизнь его протекала въ трудахъ, и работа составляла все его удовольствіе. Онъ проходилъ безкорыстно свои должности, дѣлалъ добро

„многимъ : да не опвергнущъ за то люди
 „послѣдней его просьбы ! — По смерти
 „моей, надѣюсь, довольно найдушъ налич-
 „ныхъ денегъ на погребеніе мое, на содер-
 „жаніе въ домъ моемъ вѣрнаго моего Ми-
 „хаила Фукса, до тѣхъ поръ пока мои
 „пожитки будутъ проданы, или перенесены
 „въ другое мѣсто, и для выдачи мѣсячнаго
 „жалованья всѣмъ моимъ служителямъ. По-
 „елику долги превышающъ мое имѣніе, то
 „я и не назначаю по себѣ наследниковъ. Но
 „какъ попеченіе о дѣлахъ умирающаго пре-
 „буешъ душеприказника, то я избралъ для
 „сего брата моего Іоанна Георга Миллера,
 „Профессора и Члена Городоваго Совѣта въ
 „Шафгаузенѣ, а исполнителемъ завѣщанія
 „Михаила Фукса, знающаго всѣ дѣла мои.
 „Еслибъ я могъ прожить въ шеперешнемъ
 „сословіи 4 года, или 7 лѣтъ посвятить
 „ученымъ занятіямъ; то имѣлъ бы ушѣ-
 „щеніе заплащать всѣ долги свои; но все
 „мое имущество состоитъ изъ пяти ты-
 „сячъ шомовъ, также изъ сочиненій моихъ
 „и писемъ. Между книгами есть много за-
 „нимательныхъ, нѣсколько рѣдкихъ, и во-
 „обще всѣ хорошія. Кто купитъ ихъ всѣ
 „вдругъ, полагая по флорину за каждый
 „шомъ, шомъ конечно заплащитъ цѣну
 „очень не дорогую. Въ бумагахъ моихъ
 „найдушъ уроки о *Всеобщей Исторіи*,
 „въ 1784 году писанные; изъ нихъ боль-

„шую часть можно изпечатать въ видѣ
„опытка; братъ мой сдѣлаетъ надлежа-
„щій выборъ. Прочія мои бумаги составля-
„ютъ извлеченія, не для всѣхъ понятныя;
„онѣ должны были служить матеріалами
„къ сочиненію моей Всеобщей Исторіи.
„Впрочемъ можно сдѣлать изъ нихъ собра-
„нїе отрывковъ частей въ 10 или 12; осо-
„бья разсужденія назначенныя по большей
„части для Академій, напечатанныя мѣл-
„кїя сочиненія, мои выписки, избранныя
„письма, бумаги по дѣламъ домашнимъ, жур-
„налы досвойные примѣчанія или по части
„психологіи, или по словесности, или по
„политикѣ, извѣстія и любопытныя за-
„писки собранныя мною — всѣ рукописи мои
„должно отослать къ брату, который при-
„ведетъ ихъ въ порядокъ, оставитъ безъ
„полезныя или оскорбительныя для кого
„нибудь, а прочія издастъ въ свѣтъ, и вы-
„ручку по продажѣ оныхъ удовлетворитъ
„заимодавцовъ по раскладкѣ. Книги могутъ
„быть проданы оптомъ или по отдельнѣ,
„какъ лучше: весьма не охотно и по не-
„обходимости пишу о семъ, — Сколь жела-
„тельно мнѣ было бы при послѣдней моей
„горести воззвать къ тѣмъ, для коихъ и жилъ
„на свѣтѣ и коихъ любилъ всего болѣе,
„къ вамъ, о мои сограждане! Я желалъ бы
„назначить васъ моими наследниками, поло-
„живъ на великодушїе вашихъ правителей

„и сыновъ, которые не отказались бы испол-
 „нить послѣднiго желанiя испорiца вашего
 „и друга. Но какъ могу я требовать отъ
 „истощеннаго моего отечества того, что нѣ-
 „когда сдѣлала богатая Англія? Знаменистый
 „градъ Бернъ, добрые и мудрые граждане
 „Цюрихскіе, и вы любезные соотечествен-
 „ники, обитающіе на горахъ, долинахъ и
 „на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я поучался любви
 „къ отечеству, столько мною прославлен-
 „ной! вашъ образъ идетъ со мною въ мо-
 „гилу: тамъ возвращу я прародителямъ ва-
 „шимъ, что память ихъ живетъ въ серд-
 „цахъ сыновъ ихъ. — Мои пожилки очень
 „не важны. Желательно мнѣ, чтобы братья
 „мой и сестра опдали старому Фуксу ча-
 „сы, которые онъ заводилъ 20 лѣтъ, и
 „сверхъ того всѣ мои вещи, о которыхъ
 „онъ имѣлъ попеченіе. Всѣмъ моимъ род-
 „ственникамъ, друзьямъ и всѣмъ сколько
 „нибудь любящимъ меня, въ отечествѣ ли
 „они или въ чужихъ земляхъ, препору-
 „чаю сего добраго служителя, коего не мо-
 „гу довольно награждать за честность его,
 „вѣрность и привязанность, ибо онъ во всю
 „жизнь свою былъ мнѣ полезнымъ. Если
 „что либо нужно будетъ переѣхать враз-
 „сужденіи сего, то я сдѣлаю особое при-
 „бавленіе.

„Братецъ и сестрица, будьте благо-
 „получны! А ты, отечество мое, ты, ко-

„имъ душа моя гордилась и радовалась; Богъ
„опцевъ нашихъ да даруетъ тебѣ миръ и
„свободу! Я хотѣлъ изобразить исторію
„человѣческаго рода отъ начала до нашихъ
„временъ: на сіе посвятилъ я всю жизнь
„мою. Упѣшьте душу мою надеждою, что
„послѣднія желанія мои будутъ исполнены.
„Кассель 7 Юля 1808 года: *Іоаннъ Мил-*
„*леръ*, Государственный Совѣтникъ
„Королевства Вестфальскаго.“

Изъ Иностр. Журн. Г.

III. С М Ъ С Ъ.

*Историческія лица нынѣшней
Франціи.*

Маршалъ Брюнъ купилъ на десять милліоновъ національных имбій, и сполько же положилъ въ различныхъ банкахъ наличными деньгами. Алмазныя вещи, находящіяся у него и у жены его, цѣнитъ онъ самъ въ три милліона ливровъ. Когда онъ даетъ у себя обѣды, то показываетъ брилліанты свои гостямъ съ великимъ удоволь-

спвіемъ; увбряя, что все это подарено ему во время походовъ его въ Швейцарію и Голландію за покровительство, доставленное чрезъ него жителямъ. Онъ такъ хвастаетъ своимъ богатствомъ, и такъ гордится своимъ чиномъ, что не только презираетъ прежнихъ своихъ знакомыхъ и друзей, но даже отказывается отъ братьевъ и сестеръ своихъ, и говоритъ имъ въ глаза: „У Маршала Брюна нбтъ братьевъ сапожниковъ и сестеръ торговковъ; у него нбтъ ни родителей; ни родственниковъ. Онъ богатъ для себя, и знатностью своею обязанъ одному себѣ. Дбши его также мало будутъ смотрѣть на своихъ предковъ, какъ и отецъ.“ Одного починалона, своего ближайшаго родственника, доказывающаго ему родство свое болѣе другихъ, препроводилъ Брюнъ въ Министру Полиціи, другу своему Фуше; который отправилъ его въ Кайену дблатъ новыя открытїи.

Графъ К. . . : находился въ Ост-Индіи въ то самое время, какъ начлась революція. Дбла, которыми онъ тамъ занимался, были самыя безвредныя. Онъ срисовывалъ лица, потому что былъ одинъ изъ самыхъ равностныхъ послѣдователей Лафатера; и называлъ себя со всею скромностію первымъ физіономистомъ въ свѣтѣ. Онъ не принималъ ни одного служи-

шеля и не вступалъ въ дѣла ни съ какимъ купцомъ или ремесленникомъ, не разсмотрѣвъ ихъ физіономіи. Во время своего путешествія сносилъ онъ съ величайшею щерпбливостію всякое дурное угощеніе и худыя услуги, если только хозяинъ имѣлъ хорошую мину; напрошивъ того ни за что не хотѣлъ остановиться въ шакомъ домѣ, гдѣ у хозяина черпы лица или распоже-нїе линій были, какъ думалъ онъ, неправильны, или несогласны съ его мнѣніемъ офизіономической точности. Черты лица, ихъ выразительность, длина носа, ширина или узкосшь губб, форма рѣсницъ и ушей, цвѣтъ и толщина волосб, ростб, однимъ словомъ, *вся* голова должна была со всею точностію быть осмотрѣна и освидѣтельствована у всякаго, кому надлежало сдѣлать хотя малѣйшее препорученіе. Какіябъ впо ни имѣлъ одобренія, какія бы ни представлялъ свидѣтельсва, и отъ кого бы они даны ни были, все считалось у него за ничто, если не сходствовало съ физіономическими замѣчаніями и расчетами. Напрошивъ того человекъ съ хорошею физіономіею не имѣлъ нужды ни въ какихъ рекомендаціяхъ и тотчасъ удостоивался его довѣренности. Не знаю, почишалъ ли онъ себя умнѣе своихъ родителей и предковъ; но шо извѣстно, что онъ не столько былъ богачъ какъ они. Шарла-

таны пользовавшіеся его легковѣрїемъ, обманщики ласкавшіе его безумію, слуги обирадывавшіе и любовницы обманывавшія его, ясно доказывали, что физіономическіе расчеты, сколь они ни тонки, крайне были невѣрны. При концѣ его жизни имѣніе, полученное имъ отъ своихъ родителей, уменьшилось цѣлою половиною.

Пріятели Графа К. . . . часто забавлялись на счетъ его слабости. Когда онъ собирался ѣхать на Востокъ, то представилъ ему одинъ изъ нихъ служителя, за честность котораго самъ ручался. Графъ, осмотрѣвши съ наипрожайшею точностію голову сего чловека, написалъ къ своему припелю: „Любезный другъ! я принимаю это драгоценное сокровище и благодарю тебя. По сдѣланнымъ мною расчетамъ, въ которыхъ я никогда не ошибаюсь, надеюсь я въ Мовиль (такъ назывался слуга) съ вѣрностію собачи неуспрашимости льва. Непорочность видна на губу, скромность въ глазахъ, а умѣренность на щекахъ его; ротъ и носъ его показываютъ совершенную честность.“ Вскорѣ послѣ отъѣзда Графа въ Пондишери Мовиль умеръ; открылось, что онъ былъ дѣвка въ шакомъ состояніи, которое ясно доказывало, что онъ менѣе всего былъ непороченъ. Сверхъ того нашли въ его сундукѣ нѣсколько ге-

сподскихъ вещей, копорыя онъ себѣ честнымъ образомъ присвоилъ. Графъ никакъ немогъ согласиться въ неправомъ сужденіи своемъ о семъ человекѣ, и сказалъ: „ошибка, на состояла единствѣнно въ томъ, что меня обманули въ разсужденіи пола.“

Г-жа К . . . славится столько же прекрасною своею золошою и серебряною посудою, какъ и тонкимъ вкусомъ въ распоряженіи спола и угощенія. Однажды по окончаніи обѣда пропали у ней /одиннадцать серебряныхъ и чепыре золошыхъ тарелокъ, и сверхъ того множество золошыхъ же и серебряныхъ ложекъ, вилокъ и проч. Г-жа К . . . объявила о сей пропажѣ Министру Полиціи Фуше, копорый тотчасъ приказалъ окружить домъ шпионами и запретилъ выпускать служителей безъ спражайшаго осмотра.

Его превосходительство Г. Государственный Совѣтникъ и Кавалеръ большаго креста Почетнаго легіона Трельяръ первый приказалъ подать свою карешу. Тотчасъ люди его были остановлены и уведовлены о причинѣ. Они съ охотою дали себя осмотрѣть; но у нихъ ничего не нашли. Между тѣмъ полицейскіе служители замѣтили, что большая шляпа, копорую господинъ ихъ держалъ, подъ рукою его

очень надулась. Они приняли смѣлость заглянуть въ нее; и нашли тамъ золотую шарелку и двѣ ложки, принадлежавшія Г-жѣ К. . . . Его превосходительство тотчасъ приказалъ людей своихъ взять подѣ караулъ за то, что они краденныя вещи положили въ его шляпу; однакожъ Фуше совѣтовалъ приятелю своему простить слугъ за ея ошибку!! „Чѣмъ меньше, сказалъ онъ, будешь говорить объ этомъ, тѣмъ лучше.“

Какъ скоро Графиня К. . . . увѣдомилась объ ея приключеніи, то просила Фуше опмѣнить свое приказаніе въ разсужденіи осмотра служителей, или сдѣлавъ какъ нибудь иначе. *Можетъ быть, говорила она, и еще найдутся люди, которые спрятали краденныя вещи въ карманы ея господъ своихъ*, а это очень неприятно для добраго моего имени, такъ какъ и для гостей моихъ. Такимъ образомъ переспала она заботиться объ остальной потерѣ; но чтобы въ другой разъ не подвергнуться подобному неудовольствію, купила на другой день два фарфоровые сервиза для обыкновеннаго употребленія при павихъ смѣшанныхъ собраніяхъ.

Трельяръ до революціи считался за честнаго человѣка и искуснаго адвоката; но послѣ познакомился съ злодѣями всѣхъ

партій, имѣлъ участіе въ ихъ преступленіяхъ и раздѣлялъ съ ними всё хищенія. Въ національномъ Конвентѣ подавалъ онѣ голосъ на умерщвленіе Короля и провожалъ несчастную Марію Аншпанепу на эшафотъ. Во время путешествія его по департаментамъ, вездѣ пославлены были гильѳошины, и кровь лилась ручьями. Несмотря на то, Робертспьеръ обвинялъ его въ умѣренности. Въ 1797 году велъ онѣ переговоры въ Рисселѣ, а въ 1798 въ Радштадтѣ, въ качествѣ уполномоченнаго съ Княжескими Посланниками. Въ 1799 году, какъ Директоръ, переписывался онѣ съ Императорами и Королями, которыхъ называлъ великими и достойными друзьями своими! Теперь (въ 1806 г.) служитъ онѣ Государственнымъ Совѣтникомъ по законодательному отдѣленію и получаетъ около милліона ливровъ съ деревень и наемныхъ домовъ въ Парижѣ.

(Изъ Истор. Пис. о Франц.)

Московскія записки.

Богомъ вѣнчанный и превознесенный АЛЕКСАНДРЪ I, законный и природный ГОСУДАРЬ пространнаго Россіи, воззвалъ къ первопрестольному граду Москвѣ, къ древней Столицѣ благочестивыхъ СВОИХЪ Предковъ, о спасеніи Вѣры, Престола и Царства, — воззвалъ единственно по опеческому сердоболію и попеченію о всѣхъ вѣрныхъ СВОИХЪ подданныхъ. Врагъ зломыслящій и дерзновенный угрожаетъ разореніемъ любезному Опечесству нашему. Время опасности есть время славы и опытовъ любви безпредѣльной. Нѣкогда Россія, изможденная и шераемая, мужественно свергала постыдное иго; нынѣ ли, могуществомъ и славою цвѣтущая, укоснитъ отразить врага стропливаго? Нѣкогда сиротствующее Опечесство, единою любовію вѣрныхъ сыновъ своихъ подкрѣпляемое, стерло внутри и внѣ силы нечестивыхъ; нынѣ ли, смотрѣніемъ Сердобольнѣйшаго Отца, Помазанника Божія управляемое, неподвигнется карать рушителя правъ священнѣйшихъ, неистоваго прирѣсника народовъ? Кровь и слезы несчастныхъ вопіютъ, пребудутъ правосудію. Цѣлыя государства истощены для насыщенія властолюбія ненасытнаго: богатѣйшіе торговые дома ихъ обнищали; юноши и даже спарцы ихъ насильственно вшводятся въ страны далекія для пораженія шѣхъ, коимъ драгоцѣнна вѣра предковъ, честь и свобода; законы, самые законы опечесственные, подъ сѣнію коихъ благодѣйствовали мирные граждане, вышѣснены новымъ уложеніемъ, чуждымъ, невразумительнымъ, несомѣстнымъ съ прежними правилами; духъ промышленности ослабѣлъ повсюду.

при несносномъ угнѣбненіи, при безпокойствахъ военныхъ, при всегдашней опасности: — таково положеніе многихъ странъ Европы, пораженныхъ коварствомъ и наглостию кроваваго врага, нынѣ устремляющагося разорять Россію! Но благоденствуетъ ли сама Франція, сіе гнѣздилище разврата, воздвигшее столь многихъ чудовищъ? Она спонаетъ подъ тяжкимъ игомъ рабства, едва ли не безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ человѣчества; она изнемогаетъ отъ бѣдности, скудно питая гладныя семейства презрѣнною пищею (*), ибо поселяне, отвлеченные отъ спадъ и полей своихъ, безжалостнымъ властолюбіемъ осуждены наблюдать за движеніями нетерпѣливыхъ Калабрійцевъ, подавлять духъ свободы въ Германіи, погибать въ Италіи и въ предѣлахъ Россіи. Безстыдно ругаясь надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, сей врагъ неистовый налагаетъ оковы, и въ то же самое время обольщаетъ слабоумныхъ именемъ свободы. Но уже народы вразумились; опыты научили уже достойно цѣнить сію адомъ порожденную и однимъ только врагомъ нашимъ превозносимую мнимую свободу, которая состоитъ въ беззаконной рѣшимости подирать уставы Божескіе и человѣческіе. Мы съ ужасомъ отвращаемся отъ сей свободы, которая можетъ быть благоприятною для злонамѣренныхъ, но которая ненавистна трудолюбивому гражданину, мирному общителю сель, всякому общу и всякому члену семейства, и вообще каждому кто желаетъ быть полезенъ себѣ и своему ближнему.

(*) Румфордовымъ супомъ, коего по 2 милліона порцій на счетъ казны ежедневно раздается въ департаментсахъ.

Время угрожающей опасности, есть время славы и опытовъ любви безпредѣльной. Священный гласъ законнаго и природнаго ГОСУДАРЯ нашего, сердобольнѣйшаго ОЦА Отечества, призываетъ вѣрныхъ сыновъ Россіи ополчиться всѣми силами на врага жестокаго. Кто пощадитъ жизнь свою или имущество для спасенія того, что всего на свѣтѣ для насъ драгоцѣннѣе — для спасенія чести нашей? Мы были бы недостойны благодѣтельнаго царствованія АЛЕКСАНДРА II, еслибъ не вняли Геройскому Его воззванію. Робкіе, забывшіе о чести, предпочитающіе постыдную жизнь славной смерти за опечесство, съ готовностію подклоняющъ выю свою подъ чуждое иго ненасытнаго властолюбія; мы не будемъ подражать имъ: — Богъ, возведившій Россію, предназначилъ намъ другую участь. Рѣшимся умереть славно, и такимъ образомъ грозящую намъ гибель обратимъ на главу врага нашего! Не въ спранахъ чуждыхъ должны мы искать примѣровъ любви къ опечесству; тамъ нѣтъ ихъ; тамъ извѣженность и развращенность внушаетъ постыдное и ложное правило, что покорностію передъ сильнымъ врагомъ можно купить себѣ спокойствіе, — какъ будто спокойствіе совмѣстно съ поношеніемъ и съ зависимостію отъ злобнаго непріятели, кошорой не знаетъ мѣры ни пребованіямъ своимъ, ни властолюбивымъ замысламъ! Нѣтъ, мы покажемъ свѣту подвиги безпримѣрные! Уже вѣрные сыны Отечества, помня клятву свою не щадить послѣдней капли крови своей для Престола, пылаютъ ревностію пожертвовать всѣмъ для избавленія любезной Россіи и для наказанія врага дерзновеннаго. Благородное Дворян-

ства и знаменитое купечество первопрестольнаго града подають усердіемъ своимъ незабвенные примѣры приверженности къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Прежде нежели спроки сіи будутъ прочишаны въ дальнихъ Губерніяхъ, Россія увидитъ вновь составленныя для ея обороны смертоносныя ополченія и безчисленныя пожертвованія для содержанія сего новаго войска.

Высочайшее прибытіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ здѣшнюю Столицу 11 числа сего мѣсяца ознаменовано извѣяніемъ неописанной радости народа. Предваренные извѣщеніемъ, жители Москвы съ вечера до самой ночи въ безчисленномъ множествѣ толпились въ Кремль, на улицахъ и даже по дорогѣ на нѣсколько верствъ за заставою, пылая нетерпѣніемъ узрѣть обожаемаго своего МОНАРХА. ГОСУДАРЬ изволилъ прибыть въ 1 часу по полуночи и остановиться во Дворцѣ Кремлевскомъ. По утру собравшіеся жители при Высочайшемъ шествіи въ Успенскій Соборъ имѣли счастье встрѣтить ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО радостными восклицаніями. Передъ дверьми храма Преосвященный Августинъ, Московской Митрополиі Викарій, произнесъ привѣстившую рѣчь слѣдующаго содержанія:

„АВГУСТѢЙШІЙ ИМПЕРАТОРЬ!

„ГОСУДАРЬ ВСѢМИЛОСТИВѢЙШІЙ!

„Еще курятся свѣчами на Олтаряхъ
„сихъ; — еще пламяють огни благодар-
„ственныхъ моленій за тѣхъ достославныхъ по-

„бѣды, которыми Всевышній увѣнчалъ ору-
 „жіе ТВОЕ. — И се наконецъ гордый Отто-
 „манъ преклонилъ предъ ТОВОЮ побѣжден-
 „ную главу: на Югѣ покрытомъ пучами бра-
 „ней возсіялъ свѣтъ благословеннаго мира. —
 „Столица сія, подъявъ чело свое покрытое
 „сѣдинами, восхищается, взирая на распро-
 „страненіе предѣловъ Россіи: и шумляется, вне-
 „мая громамъ славы ТВОЕЙ. — Россія готова
 „воспѣть хвалебную пѣснь Господу силъ, —
 „и ТЕБѢ Христу Господню.

„Но се на Западѣ возшумѣли бури: и ТЫ
 „яко исполинъ исходишь на путь безсмерт-
 „ныхъ подвиговъ и славы. *Отъ края небесе*
 „исходъ ТВОЙ, и срътенге ТВОЕ до края
 „небесе. Тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ
 „ополченій СВОИХЪ ТЫ мещешь перуны на
 „дерзкаго врага; здѣсь воспаменяешь души
 „наши любовію къ ТЕБѢ и Отечеству. Тамъ
 „двигаешь громаы на поражение злобы; здѣсь
 „возбуждаешь и движешь сердца наши на за-
 „щищеніе возлюбленной ТЕБѢ Россіи. Тамъ
 „казнишь, здѣсь покоишь; шамъ мертвишь,
 „здѣсь оживляешь.

„ГОСУДАРЬ! оружіемъ ТЫ побѣдилъ пы-
 „сящи, а благоспѣію тмы. — Наша благодар-
 „ность, наша любовь къ ТЕБѢ не имѣютъ
 „предѣловъ: но ТВОЯ Отеческая къ намъ лю-
 „бовь превосходитъ всѣ чувства нашего къ
 „ТЕБѢ усердія и признательности. — Ты и
 „надъ нами побѣдишель: ТЫ шоржествуешь
 „и надъ своими.

„ЦАРЮ! Господь съ ТОВОЮ; Онъ гла-
 „сомъ ТВОИМЪ повелитъ бури, и *станетъ*
 „въ тишинѣ, и умолкнутъ волны воды пе-

„шопныя. — Съ нами Богъ; разчульте язы-
цы, и покарайтесь, яко съ нами Богъ!“

Послѣ шого принесено было благодарствен-
ное молебствіе о счастливо оконченной войнѣ
сѣ Оттоманскою Поршою, и по сему случаю про-
изведена пальба изъ пушекъ. МОНАРХЪ Благо-
честивѣйшій, воздавъ должное поклоненіе Свя-
тыиъ, возвратился во Дворецъ, паки сопро-
вождаемый радостными восклицаніями.

IV. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе заграничныхъ проис- шествій.

Изъ Парижа, отъ 19 Іюня, в. ст.
Бывшій Гишпанскій Король Карлъ IV, жившій
нѣсколько лѣтъ въ Марсели, отправился съ
фамиліею своею 25 числа минувшаго мѣсяца
въ Римъ. Для пребыванія его назначенъ Дво-
рецъ въ Вилла-Боргезе. Сего мѣсяца 17 чи-
сла Ихъ Величества должныствовали уже при-
быть въ Римъ. (Съв. П.)

Римъ, отъ 23 Мая, н. ст. Въ Рим-
скихъ Вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее по-
ведѣніе, данное во Дворцѣ въ Сентъ-Клу,
Маа 4 дня 1812. — Стат. 1. Тѣ жители
Римскаго и Тразименскаго депаршаментовъ,

которые еще и понынь отрицаются учинить присягу, каковою въ слѣдствіе Государствен- ной констипуціи долженъ обязаться каждый Французскій подданный, подвергнувъ себя ли- шенію правъ гражданства и покровительства законовъ. — 2. Министру Полиціи предписы- вается брать таковыхъ упорныхъ людей подѣ спражу; а мѣстные правленія наложатъ се- къвестръ на всѣ движимыя и недвижимыя иму- щества, имѣ принадлежащія, или коими они впредь владѣть будутъ подѣ какимъ бы то ни было названіемъ. — 3. Каждый таковой под- данный немедленно позванъ будетъ въ Воен- ную Коммиссію, которая должна спросить его, хочетъ ли онъ учинить присягу предпи- саннымъ законами образомъ. — 4. Въ слу- чаѣжъ его упорства Коммиссія лишаетъ его всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, высылаетъ изъ Государства, а имущество его описываетъ въ казну. — 5. Во извѣяленіежъ нашего свѣсхожденія, даемъ мы тѣмъ жише- лямъ Римскаго и Тразименскаго департамен- товъ, кои еще не учинили предписанной при- сяги, мѣсячный срокъ, до истеченія коего могутъ они дать присягу на подданство; и ежели кто изъ нихъ въ продолженіи помяну- таго срока не исполнитъ предписаній настоя- щаго повелѣнія, съ таковымъ поступлено бу- детъ въ сходствіе 1 й, 2 й, 3 й и 4 й статеи онаго. (С. П. В.)

✱

Изъ Берлина, отъ 25 Іюня, ч. ст. Быв- шій въ Стокгольмѣ Австрійскій Посланникъ, Графъ Нейпергъ, пожалованъ Кавалеромъ Швед- скаго Ордена меча; но какъ сказываютъ, но- шеніе знаковъ сего ордена отъ Австрійскаго Двора ему не позволено.

Оттуда же, отъ 27 Іюня, н. ст. Вмѣсто уничтоженнаго въ 1810 году Баллействва и Гермейстерства Малшійскаго ордена въ Бранденбургѣ, Король нашъ учредилъ нынѣ новый орденъ, подъ названіемъ *Королевско-Прусскаго Ордена Іоаннитскихъ кавалеровъ*, и объявилъ себя Пропіектеромъ онаго. Гроссмейстеромъ сего ордена пожаловалъ Его Величество дѣда своего, Принца Фердинанда. Орденскіе знаки состоятъ въ золотомъ восьмиугольномъ крестѣ съ бѣлою эмалью, но безъ короны, по угламъ коего находятся Прусскіе орлы въ черной левшѣ, на которой крестъ носится на шеѣ, и въ небольшомъ бѣломъ крестѣ, нашиваемомъ на кафшанѣ на лѣвой сторонѣ груди. Различіе между Гроссмейстерскими и обыкновенными кавалерскими знаками сего ордена состоитъ шокмо въ величинѣ крестовъ. Кавалерамъ, въ число коихъ включены всѣ прежде бывшіе въ Бранденбургѣ Малшійскіе кавалеры, присвоенъ особенный мундиръ.

Изъ Лондона, отъ 25 Мая, н. ст. Недавно двѣ Англійскія корветши пристали къ городу Малагѣ. Екипажъ оныхъ, выйдя на берегъ, овладѣлъ двумя крѣпостями, заколошилъ въ оныхъ пушки и истребилъ находившіеся тамъ магазейны. Пошомъ возвращаясь паки на суда, напалъ на шесть Французскихъ корсеровъ со многими другими судами, кои нагружены были полученною въ городъ добычею, взялъ ихъ, и не смотря на производимый неприятелемъ съ берега сильный огонь, увелъ съ собою. Призы сіи были уже въ Гибралтарѣ.

— Возвращавшаяся изъ западной Индіи Французская эскадра истреблена совершенно 22 числа сего мѣсяца Англійскимъ кораблемъ Нортумберландомъ у самаго почти входа въ Оріанъ. Подробности сего важнаго произшествія сообщены будущъ въ непродолжительномъ времени.

— Слухъ носится, что главные основанія къ учрежденію новаго Министерства уже утверждены, что настоящіе Члены Совѣта исключатся изъ онаго, и что оное составятъ будущъ: Маркизъ Веллеслей, Г. Каннингъ, Лорды Грей, Гренвиль, Лансдоунъ, Голландъ и другія преданныя системѣ ихъ особы.

Изъ Копенгагена, отъ 16 Іюня, н. ст.
По учиненному вновь обвѣщенію, запрещается ввозъ въ Данію: 1) всѣхъ товаровъ изъ земель непріятельскихъ, исключая естественныя произведенія; 2) произведеній другихъ частей свѣта, исключая хлѣбъ; 3) крѣпкихъ напитковъ и фруктовъ; 4) всякаго рода мануфактурныхъ и другихъ издѣлій, исключая шелкъ, обработанное желѣзо, бумагу, зеркальныя стекла, краски и проч. (Съв. П.)

Еребро, отъ 16 Мая, н. ст. Въ одномъ меморіалѣ Комитета Государственныхъ Чиновъ, по случаю Королевскаго предложенія объ учиненіи переменъ въ образѣ набора войскъ, назначаемыхъ для усиленія арміи, между прочимъ сказано слѣдующее: „Комитетъ увѣренъ, что никакая жертва не можетъ быть великою и пятгостною, какъ скоро настоятъ нужда защищать отечество, что каждый Шведъ

признаетъ сіе правило законнымъ; и пишетъ себя несомнѣнною надеждою, что Наслѣдныи Принцъ нашъ, ежели война содѣлается необходимою; поведетъ Шведскія войска къ побѣдѣ и къ миру; что уполномоченные отъ народа единодушно приемлютъ предложеніе о наборѣ войскъ. Шведскій народъ пощится доказать, что онъ по своему единодушію и наслѣдственному мужеству, по преданности своей къ Королю нашему и довѣренности къ Герою, котораго самъ добровольно избралъ себѣ въ Полководца для защищенія своихъ правъ и независимости, лучше согласится умереть, нежели возложитъ на себя какое либо иноплемненное иго. Наконецъ Комитетъ полагаетъ; что ежели каждому обязанному вступить въ военную службу предоспавлена будетъ свобода на мѣсто себя ставитъ другаго челоѵка способнаго къ оной; то симъ средствомъ потребное число ратниковъ гораздо удобнѣе и скорѣе собрано бытъ можетъ.

Для возбужденія жъ большей охоты вступить въ число ратниковъ на усиленіе арміи, избранные отъ поселянъ депутаты предложили, чтобы каждому челоѵку, который призванъ будетъ для обученія его ратному искусству, выдаваемо было по 10 банковыхъ талеровъ за всѣ 5 лѣтъ службы, или по 2 талера за каждый годъ, и по 33 талера таковои же монеты, когда нужда потребуетъ отъправитъ войска въ походъ противъ непріятели. (С. П. В.)

Оттуда жъ, 26 Мая, и. ст. Экономическій Комитетъ Государственнаго Сейма составилъ слѣдующій проектъ постановленія о

продажѣ и употребленіи вина и другихъ крепкихъ напитковъ:

1. Продажа вина и прочихъ крепкихъ напитковъ какъ въ праздничные и торжественные дни, такъ на ярмаркахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, куда собирается народъ, должна быть запрещена вовсе.

2. Всѣ питейные дома и шинки уничтожить, а продавать вино и водки только на постоялыхъ дворахъ для проезжихъ, а по городамъ въ прачирахъ.

3. Если въ вышеозначенныхъ мѣстахъ найденъ будетъ ктонибудь пьяной, то хозяинъ подвергается денежной пени.

4. Если ктонибудь изъ служащихъ или чиновниковъ, какого бы онъ состоянія ни былъ, окажется пьянымъ, таковой лишается полугодоваго своего жалованья и доходовъ, со званіемъ и должностію его сопряженныхъ, а сверхъ того подвергнется пени, постановленной за пьянство.

5. За пьянство денежною * пенею наказывать должно только два'раза; когдажъ виновной не имѣеть денегъ, то отдавать его въ работу.

6. Еслижъ кто въ третій разъ окажется въ неперевомъ состояніи, таковаго отсылать въ публичную работу; а служащій или какой либо чиновникъ долженъ быть судимъ по военнымъ статутамъ и церковныхъ правиламъ, и при томъ лишается своего мѣста.

Французскій корпусъ, находившійся при Мемелѣ и Тильзитѣ, поспѣшно отступилъ, для того что предводительствующій онымъ Генералъ получилъ извѣстie о сдѣланной чужестранными войсками высадкѣ при Пиллауѣ и Данцигѣ.

— Въ Англійскихъ вѣдомостяхъ, какъ говорятъ, напечатано; что Испанцы овладѣли Таррагоною, и что Лордъ Веллингтонъ вступилъ въ Саламанку.

(D. Zisch.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 15. АВГУСТЪ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

П о ѡ и щ е н і е.

(Окончаніе.)

Теодоръ нѣсколько разъ поднималъ танцовать Августу, единственно чшобъ избавить ее отъ безопвязнаго Принца; шущъ удавалось ему слова два пихонько сказать о любви своей, и короткой разговоръ ихъ каждой разъ оканчивался извъявленіемъ неперпбливаго желанія какъ можно скорѣе освободиться отъ скучнаго бала. Молодой человекъ прилѣжно наблюдалъ всѣ движенія Адолфа, и въ сверкающихъ глазахъ его немогъ не замѣшить воспламенившейся справки. Онъ переспалъ мучиться не прежде какъ сѣвши въ карету съ Августою.

Принцъ не замѣтилъ въ немъ безпожшства, слишкомъ занятъ будучи пре-

красною своею знакомкою. Онъ не выпу-
скалъ ее ни на минушу изъ своихъ мыс-
лей, и на другой день при свиданіи съ Фе-
одоромъ пошчасъ началъ освѣдомляться о
здоровьи его милой родспвенницы. „Она
„была наилучшимъ украшеніемъ бала,“ ска-
„залъ Принцъ, объявляя восторгомъ: „ни-
„когда еще не видалъ я столько прелестей
„въ одной особѣ.“ Онъ однакожъ вспомнилъ,
что такая опкровенность вовсе не у мѣ-
ста; и прибавилъ съ принужденнымъ ра-
внодушіемъ: „Да, всякой конечно согла-
„сился, что она есть почной порицанъ
„своей машери, и что изъ всѣхъ бывшихъ
„на балѣ имъ только двумъ надобно оп-
„дашь преимущество.“

Феодоръ чрезвычайно беспокоился, и не
безъ причины. Добрая слава Августы под-
вержена была величайшей опасности. Онъ
вспомнилъ, что уже и на балѣ старья и
молодая госпожи съ видомъ значительнымъ
посматривали на Августу, когда Принцъ
оказывалъ ей особенныя ласки. Чего не
выдумаютъ клевета и подозрительность,
говорилъ самъ себѣ Феодоръ, если Принцъ
захочетъ посвѣпить ее для поддержанія но-
ваго знакомства? Онъ не могъ долго ша-
пнуть отъ машери своей, что происходило
въ его сердцѣ; въ первой разѣ въ жизни
своей началъ говорить съ нею о безпоря-

дочныхъ поступкахъ Адолфа, и потомъ открылся ей въ мучительныхъ своихъ подозрѣнiяхъ. — „Еще для меня не новое, сынъ мой,“ ошвѣчала Софiя: „подозрѣнiя свои весьма справедливы. Скоро послѣ бала я имѣла случай говорить объ этомъ съ маперью пвоей невѣсты, и она тогда же рѣшилась немедленно уѣхать изъ столицы. На будущей недѣлѣ она отправляется въ Влюментпаль вмѣстѣ съ Августою. Мы спанемъ посѣщая ихъ въ каждой мѣсяцъ по одному разу. Надѣюсь, что Принцъ дозволишь тебѣ отлучаться на короткое время. Августа не должна знать о причинѣ сего отъѣзда.“ Бѣдной Теодоръ принужденъ былъ на все согласиться. Не буду описывать прогашельнаго прощанья: многие испорикки любви тысячу уже разъ дышались изображать подобныя варщины, и кажется всегда безъ успѣха.

Началась нѣжная переписка. Съ каждою почпою Августа обыкновенно получала нѣсколько строкъ отъ своего Теодора, и съ каждою же почпою отправляла къ нему ошвѣтныя свои письма, наполненныя изліиѣемъ сердца невиннаго, выраженiями простишы безвскусшвенной, а не выкраденными изъ вздорныхъ романовъ, которыхъ Августа никогда не читала.

Казалось, что Принцъ Адолфъ совсѣмъ переспалъ объ ней думашь; привязавшись къ Италіянской своей Сиренѣ. Только однажды, спустя день послѣ отбѣзда Августы, спросилъ онъ у Теодора: „Правда ли, будто ваши родственницы оправились отсюда?“ — Вчера, ваша Свѣшлость. — „Жаль! онъ были бы украшеніемъ столицы.“ — Болѣе Теодоръ не слышалъ отъ него ни одного слова объ Августѣ.

Прошелъ мѣсяць. Луга покрылись зеленью, и Августа считала минушы, дожидаясь неперѣливо любезнаго своего Теодора. Въ послѣднемъ письмѣ надлежало быть предварительному извѣщенію о его прибытіи; но посланной въ почтовую экспедицію ближняго мѣстечка возвратился назадъ съ пустыми руками. Августа поливши цвѣты свои, печально сидѣла въ липовой бесѣдкѣ; смѣшенное сердце ея билось; душа ея занята была однимъ предметомъ; и въ то самое время, когда имя Теодора вылетѣло изъ устъ ея, Августа очутилась въ его объятіяхъ. Онъ оставилъ мать свою и Емилию, и прокрался къ бесѣдкѣ малою дорожкой. Юныя друзья еще неопамятовались, какъ подошли къ нимъ объ мащери. „Вы правду сказали, мащери! воскликнулъ Теодоръ: и разлука

имѣешь свои выгоды; безъ нее не испыталъ бы я того счастья, копорымъ въ сію минуту наслаждаюсь.“

Два радостные дня посвящены были любви и дружбѣ. На послѣдокъ госпожа Фонъ Мильденъ и дѣти ея возвратились въ городъ. Теодоръ поспѣшь долженъ былъ явиться къ Принцу для принесенія благодарности за милосливое дозволеніе побывать въ деревнѣ; сверхъ того ему поручено было отъ самаго Принца сказать нѣсколько учтивыхъ словъ Елизѣ и ея дочери, слѣдовательно приличность требовала и отъ ихъ имени изъяснить его Свѣшлости всенижайшую благодарность. — „Вы конечно провели время очень весело?“ — Точно такъ, ваша Свѣшлость! — отвѣчалъ Теодоръ тихимъ голосомъ, будучи въ крайнемъ замѣщательствѣ. Принцъ сдѣлалъ видъ, будто ничего незамѣтилъ, и началъ говорить о другомъ дѣлѣ.

Май оканчивался. Елиза и дочь ея съ спокойною радостію ожидали того времени, въ копорое надлежало совершиться ихъ главному желанію. Между шѣмъ онѣ гостовились принять на другой день любезныхъ гостей своихъ, и для того Августа сама, вмѣстѣ съ горничною брала въ саду крупную землянику. Вдругъ совсѣмъ неожидан-

но является передъ ними Принцъ Адолфъ въ охотничьемъ платьѣ, послѣдуемый Симберномъ, вѣрнымъ своимъ камердинеромъ. „Бога ради позови сюда скорѣе маменьку,“ шихо сказала Августа, а сама боязливо и покраснѣвши пошла на встрѣчу Адолфу. — „Со вчерашняго дня я живу подлѣ васъ, прекрасная дѣвица! Извините, что пользуюсь счастьемъ по долгу сосѣдства сдѣлать вамъ и вашей маменькѣ дружеское посѣщеніе.“ Августа въ замѣщательствѣ не знала что говорить. „Я испугалъ васъ нечаянностію,“ продолжалъ Принцъ, крѣпко пожимая руку Августы: „ободрилась, милое дитя! вы передъ собою видите не Принца Адолфа, но добраго своего сосѣда, который вырвавшись изъ оковъ дворской жизни, желаетъ хотя нѣсколько времени подышать чистымъ воздухомъ и насладиться свободою.“ — Ваша Свѣшлость. . . — „Я помѣщалъ вамъ работашь, прекрасная дѣвица; вы брали землянику.“ — Смѣю ли Вашей Свѣшлости. . . — и Августа поднесла Принцу корзинку съ ягодами. — „Прекрасная земляника; но она ничего передъ румянцемъ щекъ вашихъ. Я беру ещѣ ягодку въ залогъ вашей ко мнѣ дружбы.“

Тутъ прибѣжала Елиза. Она приняла Адолфа съ непринужденною учтивостію; не могла однакожъ скрыть своего удивле-

ня. „Вы удивляешься, сударыня,“ — сказалъ Принцъ, „видя меня въ сельскомъ своемъ жилищѣ. Врачи неопшпупно требовали, чѣтобъ я полѣчился на свѣжемъ воздухѣ, и Герцогъ дозволилъ мнѣ провести нѣсколь-ко времени въ Форспенбургскомъ замкѣ. Надѣюсь, что дозволено мнѣ будетъ пони-пашь васъ въ числѣ пѣхъ сосѣдокъ, копрѣ-ря желаюшъ, чѣтобы я не соскучилъ въ сельскомъ своемъ жилищѣ?“ — Домъ вдовы, живущей уединенно, не можетъ быть мѣ-спомъ удовольствій для Ващей Свѣпло-спи. — „О, напрошивъ; прошу васъ не чинишься“ — сказалъ Принцъ, подавая ей свою руку — „позвольте мнѣ осмопрѣшь прекрасной вашъ садикъ.“ — Они пошли. Адолфъ вездѣ находилъ случай хвалишь изящной вкусъ хозяйки и благоразумную ея распорядительность. Сказано было шакже нѣсколько учтивыхъ привѣщшвій и на счетъ Августы, когда Принцъ узналъ, что она имѣла особенной присмопрѣ надъ цвѣ-тами. Благоприсшойность пребывала пред-ложишь Принцу, не угодно ли ему войши въ домъ и освѣжиться прохладительнымъ напишкомъ. Само собою разумѣется, что предложеніе было принято весьма благо-склонно. Принца ввели въ опрядную ком-нашу; Августа накрыла столъ и носпа-вила нѣсколько шарфловъ съ ягодами. Адолфъ не хотѣлъ ни до чего допронуться,

пока не сѣла подлѣ него за столомъ новая Геба — такъ называлъ онъ дочь Елизы.

Между тѣмъ какъ Свѣплѣйшій гость занимался съ госпожами, вѣрный служитель его свелъ знакомство съ горничною. Онъ высыралъ передъ нею множество привѣтствій, наговорилъ ей всякой всячины, и даже увѣрилъ ее, что еще въ бытность ея въ столицѣ онъ отдавалъ должную справедливость ея прелестямъ, и что съ тѣхъ поръ рѣшился непременно искасть ея знакомства. Симбертъ какъ будто ненарочно завелъ рѣчь о Принцѣ и испощилъ всѣ похвалы, превознося его щедрость.

Епошъ Симбертъ, служившій у Принца камердинеромъ, былъ природной Французъ, прошедшій сквозь огонь и воду. Въ молодости своей онъ учился въ Спразбургскомъ Университетѣ, и выгнанъ опшуда за дурное поведеніе. Долго шатался онъ по Парижскимъ улицамъ безъ должности, служилъ въ кофейныхъ домахъ и трактирахъ, наконецъ чрезъ посредство нѣкотораго приятеля своего, торговащаго помадою, познакомился съ однимъ Русскимъ дворяниномъ, которой принималъ его къ себѣ въ камердинеры, и которому доставлялъ онъ въ Парижѣ знакомства съ тамошними торговками. Прибывши въ П. Бургъ,

Симбершъ узналъ, что многіе земляки его, люди одинакаго съ нимъ ремесла, безъ жалѣйшаго затрудненія опредѣляются въ богатыхъ домахъ къ учительской должности, копорая уже открываетъ имъ дорогу къ управленію господскимъ имѣніемъ и самими даже хозяевами дома и къ обогащенію себя въ короткое время. Тутъ разсчитался онъ съ своимъ господиномъ, побѣжалъ въ Москву, объявилъ себя Профессоромъ одной Французской Академіи и Членомъ многихъ ученыхъ обществъ, успѣлъ развратить нѣсколько молодыхъ людей, наконецъ за распушную жизнь и зловредныя правила былъ высланъ за границу. Долго шатавшись по Германіи, онъ записался въ солдаты и именно въ полкъ Принца Адолфа, копорой замѣтивши въ немъ особенную ловкость, взялъ его къ себѣ въ камердинеры, и Симбершъ въ короткое время сдѣлался ближайшимъ его повѣреннымъ.

По совѣщу Симберша, Роза, горничная Августы, поднесла Принцу букетъ цвѣтшвъ, когда онъ выходилъ изъ дома, и получила отъ него двойной червонецъ. Елиза сдѣлала ей строгій выговоръ, и выслушавъ оправданіе Розы, накрѣпко запретила ей слѣдовать чужимъ совѣщамъ безъ господскаго приказанія.

Сіе посвщеніе возобновило прежній въраха въ Елизѣ, и Госпожа Фонъ-Мильденъ, которая на другой день приѣхала въ Блюменпаль съ дѣтьми своими, почитала его весьма справедливымъ. Теодоръ вздыхалъ; одна только невинная Августа не догадывалась объ опасности, угрожающей обоимъ семействамъ. Елиза и Софія долго разсуждали между собою о семъ дѣлѣ; онѣ видѣли, что опіюнишь Принцевыхъ посвщеній никакъ не можно, и что благо-разуміе пребудеть неоспавлять Августыни на одну минушу въ его присушствіи. Положено было, если бы Принцъ спалъ искашь частыхъ свиданій, или обнаружилъ свое намбреніе, огласишь помолвку юной чешы и немедленно приступишь къ свадьбѣ,

Черезъ нѣсколько дней Принцъ опять явился въ Блюменпаль. Онъ заспалъ Августу за форшепїано. „Я играла варїаціи Моцаршovy, копорыя ты въ послѣдній разъ привезъ мнѣ изъ города“ шакъ писала Августа къ своему Теодору. „Маменька сидѣла подлѣ меня. Принцъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я продолжала, и послѣ каждой варїаціи восклицалъ *прекрасно!* *божественно!* хотя я играла весьма неудачно. Онъ просидѣлъ у насъ болѣе часа, говорилъ долго со мною и спросилъ, какъ я провожу свое время. Когда рѣчь зашла

„о книгахъ, онъ захохоталъ знать, чищаю
 „ли я романы. Тутъ маменька вырвало меня
 „оповѣчала, что мнѣ чищать ихъ не до-
 „сужно, и что я совсѣмъ даже неимѣю до
 „нихъ охоты. Мнѣ показалось, будто
 „Принцъ былъ не доволенъ симъ оповѣщеньемъ.
 „Спусти минуту, онъ сказалъ маменькѣ: у
 „васъ недавно были гости изъ столицы? —
 „Госпожа Фонъ Мильденъ съ дѣтьми свои-
 „ми, ваша Свѣтлость! оповѣчала мамень-
 „ка. — Опличная женщина! примолвилъ
 „Принцъ: сынъ ея подаетъ о себѣ весьма
 „хорошую надежду. Я опечески буду спа-
 „ряться о его счастіи. — Твоя Августа
 „госпожа была у насъ передъ нимъ на колѣ-
 „на; онъ вѣрно догадался о нашей тай-
 „нѣ, ибо посмотрѣлъ на меня весьма при-
 „стально. Послѣ того онъ говорилъ уже
 „очень мало, молчалъ и задумывался.“

Елиза видѣла гораздо болѣе, нежели
 просподушная дочь ея. Она замѣтила ки-
 пящее вождельнѣе въ глазахъ сластолюбца,
 которой при всемъ хитромъ притворствѣ
 не могъ сокрыть отъ нее внутреннихъ
 своихъ движеній. Не смотря на то, и въ
 ная мать не хотѣла объявлять дочери, ка-
 кого рода опасность угрожаетъ ей сласто-
 ствѣю, ибо надѣялась осторожностію сво-
 ею предохранивши оную.

Симбершу и въ епошѣ разѣ удалось поговорить съ Розою. Онѣ нашелъ ее въ саду и завелъ рѣчь съ нею какъ старой знакомой. Роза пожаловалась ему, что получила отъ госпожи своей за цвѣтны выговорѣ, а Симбершѣ ушѣшалъ ее шѣмъ, что для такого милосиваго Принца негрѣшно вышерѣшь сошню выговоровѣ.

„Подобнаго ему нѣшѣ на свѣшѣ. Будьте увѣрены, милая моя, что онѣ щедро вознаградишѣ васѣ. Давно ли вы у госпожи Фонѣ Ландекѣ?

— Почти съ малолѣтства. Послѣ смерти мащери моей, госпожа Фонѣ Ландекѣ взяла меня на свое попеченіе. Когда барышня выдешѣ за мужѣ, то я надѣюсь...

„Разѣ она выходишѣ за мужѣ?

— Ничего вѣрно незнаю; однакожѣ кажешся будшо бы

„Не за прапорщика ли Фонѣ Мильдена?

— А вы почему знаешѣ?

„Какѣ не знашѣ? Жена почшоваго сморшителя сказывала мнѣ, что онѣ уже два раза былѣ здѣсь въ Блюменшальѣ, и что скоро приступишѣ къ дѣлу. Жаль мнѣ вашей барышни; она досшойна лучшаго счастья; съ ея умомѣ, съ ея красошою мож-

но очаровашь не только простаго дворяни-
ма, но даже владѣтельнаго Князя.

— Ахъ, какая ещѣ добрая барышня!
истинно ей бышь бы владѣтельною Кня-
гинею!

„Кто знаетъ, что можешь случить-
ся? Иногда бываетъ то, чего и совсѣмъ
неожидаетъ.“

Симбертъ дорогою рассказалъ Принцу
разговоръ свой съ горничною. „Вижу, оп-
вѣчалъ Адолфъ, что ещѣ прaporщикъ
введешь меня въ большія хлопоты; онъ
почти любимъ ею. Но я сдѣлаю свое, во
что бы то ни спало! Красавица оковала
мой умъ и сердце.“ — Да развѣ мудрено
куда нибудь спровадишь проклятаго Миль-
дена? — „Ещѣ правда; но я нехочу дѣ-
лать огласки. Герцогъ не любитъ подоб-
ныхъ исторій; сверхъ того и у Августы
я ничего не выиграю. Еслибъ удалось мнѣ
поговорить съ нею наединѣ; но мать не-
спускаетъ ее съ глазъ своихъ. Можешь
бышь скоро буду имѣть къ тому случай.
Чтожъ я скажу ей? Средства, съ успѣ-
хомъ употребляемыя мною при другихъ
случаяхъ, здѣсь ни къ чему негодятся.
Въ епомъ я очень увѣренъ.“ — Несогла-
сится ли мать на предложеніе пайнаго
брака? Если бы ваша Свѣшлость... — „Я

уже думалъ объ епомъ. Конечно едно дурачество; но право Августа достойна того, чтобы я его сдѣлалъ.“ — Лучше еслибъ средство сіе оставалось въ запасѣ; къ нему прибѣгнушь бы можно въ крайности. — „Выдумай другое, любезной Симбертъ, и надѣйся на мою благодарность.“

Принцъ опять посѣтилъ Елизу. Онъ прибѣжалъ на самое короткое время, и единственно, какъ говорилъ бывъ, по порученію Баронессы Фойъ Ротнау просить Елизу и дочь ея на семейственный сельскій праздникъ; которому положено быть на другой день въ замкѣ Баронессы: „За вами придетъ сынъ ея Ротмистръ,“ продолжалъ Принцъ, „если вы, сударыня, откажешесь предоставить мнѣ столь лестное преимущество.“ — Нечаянность сія привела Елизу въ чрезвычайное изумленіе. У нея съ Баронессою не было личной связи; однакожъ онѣ жили въ согласіи, какъ добрыя сосѣдки и приятелиницы. Елиза пошлась догадаться, кто былъ главнымъ виновникомъ сего праздника, но при всемъ томъ не имѣла достаточной причины отклонить предложеніе. Она просила только, чтобы Принцъ въ самомъ дѣлѣ не взялъ на себя труда прибѣхать за нею, и тѣмъ неподалъ бы причины обвинять ее въ непростительномъ щеславіи.

Принцъ не усиливался. Онъ началъ говорить о дѣлахъ поспороннихъ, совсѣмъ не обращая вниманія на Августу, и опклавиваясь Елизѣ, сказалъ, что ѣдетъ къ Баронессѣ Фонъ Рошау донести ей объ успѣхѣхъ своего посольства.

На балѣ гостей было немного. Принцъ употребилъ все стараніе свое сдѣлать сей праздникъ какъ возможно блистательнѣе. Онъ самъ открылъ балъ съ дочерьми хозяйки; и вовсе не поропился лѣтѣть къ Августѣ; далъ время ей даже исполнить долгъ вѣжливости вѣрсужденіи Роммистра, коюрой проводилъ ее и Елизу изъ Блюменшала. Послѣ того позвалъ онъ Августу къ Англійскому танцу, по окончаніи коего хотѣлъ было посадить ее на ближнемъ стулѣ; но Августа съ должною почтительностію сказала, что ей нужно быть при мащери. Принцъ всячески старался поговорить съ нею на единѣ, и все безъ успѣха.

Адолфъ танцовалъ вальсъ съ Августою. Въ то самое время она залы освѣтились яркимъ пламенемъ: ещо былъ фейерверкъ, зажженной въ 10 часовъ ровно по приказанію Принца. Всѣ побѣжали къ окнамъ; Принцъ съ Августою успремались шуда же. Во время замѣшательства Елиза вы-

пустила изъ глазъ своихъ Августу, и Принцъ въ сію благопріятную минушу успѣлъ ей сказать: „Наконецъ, прекрасная дѣвица, я могу вамъ открыться въ томъ, о чемъ уже давно неперѣливо желалъ я объявить вамъ, что я люблю васъ и люблю несказанно, что съ сердцемъ моимъ предлагаю вамъ все, могущее удостоить васъ въ моей привязанности, и что. . .“ Августа дрожала; ей казалось, что земля разверзается подъ ея ногами. Вырвавши руку свою изъ его руки, она сказала тихимъ, шепещущимъ голосомъ: „Ваша Свѣтлость! извольте опреступиться къ маменькѣ; она будетъ отвѣчать вамъ вмѣсто меня.“ И пошчасъ опустуила опѣ окна, буди по для того чтобы дать другимъ мѣсто. Елиза сама уже искала ее. „Что съ побою сдѣлалось, другъ мой? ты блѣдна и дрожишь!“ — Ничего, маменька; я вспотѣла, и боюсь, чтобы подлѣ окна не простудилась. — Добрая дочь не хотѣла въ гостяхъ опечалить машь свою.

Принцъ былъ очень веселъ. Онъ еще раза два или три вызывалъ Августу танцовать съ собою, и нѣсколько разъ садился подлѣ ея маперы. Въ это время онъ говорилъ ей объ удовольствіяхъ сельской жизни, о семейственныхъ радостяхъ, о принужденныхъ забавахъ дворскихъ, объ оп-

вращеніи своемъ отъ пышности, наконецъ о всегдашнемъ желаніи сложить съ себя пятгоспное бремя высокаго сана и жить спокойно въ сельскомъ уединеніи. Елиза прошивурѣчила; она дала ему разумѣшь, что въ его лѣсахъ рано еще думать объ уединенной жизни, которая очень скоро бы ему наскучила.

На другой день поутру Августа рассказала мамери о неприятномъ приключеніи съ нею на балѣ. „Вошъ что было причиною моего спрахъ, прибавила она; я не хошѣла нарушить вашего спокойствія.“ Елиза поблѣднѣла, увидѣвши, что опасность гораздо ближе, нежели она думала. „Чтожъ я должна сказать ему, когда онъ опкроешъ мнѣ свое намѣреніе?“ — И вы спрашиваете меня объ епомѣ, любезная маменька? Не ужели думаете, что я проиѣ предпочту моему Теодору?

Еще мапъ и дочь неокончили своего разговора, какъ вдругъ вбѣгаетъ опромешью Роза и подаетъ Елизѣ письмо; которое привезъ камердинеръ и вручилъ горничной вмѣстѣ съ шестью червонцами отъ имени Принца въ награду за выговоръ, полученной ею отъ госпожи своей. Въ письмѣ написано было слѣдующее :

NO 15.

Л

„Изъ вашихъ успѣвъ, милоспивая гсударыня, надѣюсь, я получилъ отвѣтъ прекрасной дочери вашей на предложеніе, пошорое она вчера отъ меня услышала. Минувшею зимою возгорѣлась въ сердцѣ моемъ спрашь сильнѣйшая, кошорой не могли погасить ни разлука, ни шумныя забавы сполицы, пошому чшо любовь сію произвели не внѣшнія прелески но душевныя совершенства обожаемой вашей дочери. Въ первой еще разѣ, милоспивая гсударыня, покоряюсь всемогуществу невинности и предвжущаю блаженство любви и добродѣтели. Судьбѣ угодно, чшобы Августа оковала мое сердце и зашворила къ нему входъ чувспеннымъ вождедвнѣямъ. Помогите мнѣ совершить благое и полезное начинаніе. Ваше достоинство пусть буденѣ порукою за чистоту моихъ намѣреній. Предлагаю руку мою прекрасной дочери вашей, неопасаясь нарушить шѣмъ несныхъ законовъ полишнии. Дядя мой, Герцогъ, имѣетъ шрехъ сыновѣ; слѣдовательно я совершенно свободенъ отъ обязанности женишься прошивъ своей воли. Не смотря на шо донакожѣ починаю за полезное скрывать бракъ свой до возвращенія наслѣднаго Принца. Онъ любитъ меня, и я надѣюсь, что охотно будетъ за меня ходатайствовать передъ своимъ родителемъ. Ваше одно слово, милоспивая госу-

дарыня; рѣшишь судьбу мою. Вручишь ли сего письма завтра ввечеру будешь присланъ къ вамъ за отвѣтомъ. Да исполнися моя сладчайшая надежда, и обожашель Августы да удоспомнѣе названія вашего сына.

Адолфъ.“

Письмо сіе писано было подъ руководствомъ Симберша; Адолфова тайнаго сообщника. „Вамъ шутъ совсѣмъ нечего бояться“ говорилъ Принцу сей вѣрный его камердинеръ: „вы на ней женишесь тайно, а потомъ, когда пожелаете разсвѣдѣе съ нею, можно будешь бракъ вашъ довести до свѣденія его Свѣтлости: Герцогъ прочитаетъ вамъ добрую проповѣдь; свѣдѣе можете; что и посердитесь на васъ недѣли двѣ; но дѣло непременно шѣмъ кончится, что бракъ сей будешь уничтоженъ, какъ прописуемый и оскорбительный для его Высочайшей фамилии. Чтобы въ порядкѣ доиграшь комедію, вы у ногъ Принцессы своей должны жаловаться на жестокость рва; оплакивать и проклипать свое несчастіе; а неуспѣшная Аріадна черезъ два или три мѣсяца принуждена будешь утѣшиться въ объятіяхъ какого нибудь небогатаго поручика, которому вы пожалуете вмѣсто приданнаго капитанской чинъ и полныя двѣ горсти червонныхъ.“ — Но, любезной Симберш! возразилъ Принцъ: развѣ ты думаешь;

что мать незнаетъ о моихъ прежнихъ шалостяхъ, и что она положила на мое господство? — „И потому пособишь не трудно: Елиза набожна; въ случаѣ нужды можно предсавишь изъ себя кающагося грѣшника. Поперчимъ до завтра. Получивши отвѣтъ, узнаемъ что дѣлать должно.“

На другой день пошчасъ послѣ обѣда Принцъ велѣлъ осѣлать коня и пустился по дорогѣ къ Блюменталу вмѣстѣ съ своимъ повѣреннымъ. Самъ онъ остался въ роцѣ подлѣ деревни, а Симбертъ побѣжалъ за отвѣтомъ, котораго ждалъ Принцъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, какъ игрокъ дославившій на каршу все свое имѣніе. Распечатавши письмо, онъ прочиталъ слѣдующее:

„Ваша Свѣтлость изволише мнѣ и дочери моей дѣлать такую честь, которую мы не можемъ воспользоваться. Я осмѣлилась бы донести вамъ, что причины, для которыхъ уклоняетесь вы отъ обязанностей высокаго своего сана, не даютъ намъ никакого права забыть о нашихъ обязанностяхъ; что я и дочь моя знаемъ должность свою вразсужденіи нашего Государя; что вы сами, Свѣтлѣйшій Принцъ, рано или поздно презрѣли бы насъ, еслибъ мы отважились обмануть Всемилосливѣйшаго

нашего Государя', и священнѣйшіе законы попрашь ногами. Такъ опвѣспововала бы я вашей Свѣсплоспи, еслибъ Августа была свободна, и причины мои конечно были бы уважены вами. Но я въ нихъ не имѣю нужды. Мнѣ оспаеется шолько сказать, что уже при мѣсяца дочь моя помолвлена за прапорщика Фонъ Мильдена, избраннаго ей сердцемъ. Послѣ сего извясненія ваша Свѣсплоспъ должны опречься опъ желанія, прошивнаго и чеспи и должностпи“ и проч.

Несносная досада! воскликнулъ Принцъ, сжавши письмо обѣими руками. — „Неунывайше, ваша Свѣсплоспъ! надобно прибѣгнушь къ геройскому средспву. Правда, было бы гораздо лучше, еслибъ вы послушались совѣта госпожи Фонъ Ландеръ, и. . .“ — Симберспъ! ежели пы не шутишь, то мы навсегда распаемся съ побою. Начатое дѣло надобно докончить. Я влюбленъ до безумія, и никакія препяспва меня не оспановящъ. Въ случаѣ нужды я гошовъ на все рѣшишься. . . — „О, если такъ, то однимъ мѣшкимъ ударомъ кинжала въ грудь ващего соперника всего скорѣе можно испребишь въ немъ охоту къ женидѣбъ.“ — Ето совѣтъ разбойническій, опъ копораго не должно ожидать никакой пользы. Мапъ и дочь возненавидѣли бы меня какъ подлаго убійцу. — „Развѣ ваша

Свѣтлость намѣрены начать переговоры и
требовать сдачи? — И это бесполезно.
Онъ, а особливо мать, не согласится ни
на какія предложенія? — „Слѣдственно,
сказалъ Симбертъ улыбаясь, по правиламъ
нашей шактики, надобно похитить цып-
леночка изъ подъ крыла матери. Тогда
госпожа Фонъ Ландекъ по неволѣ согласи-
ся на тайной бракъ; Фонъ Мильденъ по
неволѣ же опешупится опъ невѣсты, и
прекрасная плѣнница останется въ рукахъ
вашихъ.“

Принцъ задумался, попомъ сказалъ
какъ будто бы опъ сна пробудившись: ты
говоришь дѣло; надобно обдумать это хоро-
шенько.

Спустя нѣсколько дней, Елиза съ до-
черью побѣжала къ госпожѣ Фонъ Ропшу,
по долгу вѣжливости заплашшь ей за по-
сѣщеніе. Тотчасъ явился шамъ и Принцъ
Адольфъ, которой прибѣжалъ, какъ самъ
сказывалъ, нарочно освѣдомиться о здо-
ровьи хозяйки дома. Надобно знать, что
Роза, ослабленная пышными обѣщаніями
Симберта, предувѣдомила его о семъ по-
сѣщеніи. Адольфъ припворился, будто не
видимъ замѣшательства Елизы и Авгу-
сты. Онъ обошелся съ ними ласково, но
уже не показывалъ особеннаго вниманія,

знавъ что Елиза легко обманулась. „Письмо произвело желаемое дѣйствіе, сказала она дочери своей, вѣдучи домой обратно: Принцъ внявъ голосу здраваго разсудка, и мы хорошо сдѣлали, что не уведомили Теодора и его мащери о нашемъ приключеніи.“

Съ нѣкопорога времени Роза посѣщала почти ежедневно двоюродную свою тетку, которая жила въ той же деревнѣ. Простодушная старушка, думая только, что камердинеръ ищетъ руки Розиною, позволяла имъ видѣться въ своемъ домѣ. Симбертъ въ самомъ дѣлѣ общался женился на горничной, съ тѣмъ однакожъ, ежели Принцъ успѣетъ въ благомъ своемъ намбреніи; и Роза, которая почивала за невозможное дѣло, чтобы Августа опказалась быть Принцессою, заранѣе уже веселилась, воображая себя супругою высококняжескаго камердинера и любимицею свѣтлѣйшихъ господъ своихъ. Лукавый Французъ писалъ въ ней мечшы сіи подарками и увѣреніями.

Нѣсколько дней спустя по доставленіи Принцу Елизина опвѣща, Симбертъ явился въ обыкновенномъ мѣспѣ свиданія съ такимъ печальнымъ видомъ, что Роза чрезвычайно испугалась и неопшшупно спрашивала его о причинѣ шолікой горести. — „Ахъ, милая моя! немилосердая судьба за-

видуешъ нашему счастію. Августа, или лучше сказать Елиза, рѣшишельно опказала Принцу.“ Роза поблѣднѣла, опустилась на стулъ и опивѣчала-пьяжелымъ вздохомъ. „Можешъ быть, продолжалъ камердинеръ, Полковница опасается навлечь на себя гнѣвъ его Высочерцогской Свѣтлости; но ешому пособить было бы не шрудно; ибо я не думаю, чтобъ Августа была согласна съ намѣреніемъ своей маменьки. Положимъ, что она любитъ прапорщика; но вѣрояшно ли, чтобъ она предпочла его Принцу умному, ловкому и прекрасному? А если въ самомъ дѣлѣ онѣ обѣ ослѣплены; то величайшую услугу оказалъ бы имъ шопъ, кто принудилъ бы ихъ сдѣлаться счастливыми. Онѣ сами послѣ образумились бы и навѣки остались признапельными своимъ доброшамъ.“ — Вы говорите шущую правду; но гдѣ ихъ найши? — „Вы, безцѣнная Роза, можете оказашъ имъ сіе благодареніе.“ — Вы шущите, любезной другъ мой! какъ! я? бѣдная дѣвушка? горничная? — „Вы шочно, хотя услуга ваша никакого шруда вамъ шпоишь не будетъ. Положимъ на часъ, что Принцъ, желая шредошврашить недолговременный гнѣвъ Герцога, вознамѣрился бы шихонько увезши Августу и приняшь брачное благословеніе отъ полковаго своего священника; шю кто другой кромѣ васъ, несравненная Роза, въ

соспомянїи оказашь ему самую важнѣйшую услугу?“ — Право, я васъ не понимаю. — „Такъ я извѣснюсь вразумительнѣе: вамъ надобно впустить насъ въ спальню Августы, разумеется, ночью, когда всѣ улягуся. Большое ли въ етомъ затрудненїе?“ — Сохрани Боже! ну ежели барышня закричитъ, разбудитъ свою маменьку! я пропала на вѣки! Нѣтъ, господинъ Симбертъ! я никакъ не могу рѣшиться. — „О, что до крику, по будь спокойна, моя милая. Мы зажмемъ ей ротъ, или приспавимъ кинжалъ къ груди.“ — Кинжалъ къ груди! Боже милосердный! нѣтъ, господинъ Симбертъ, я не вмѣщаюсь въ такое ужасное дѣло. Приспавивъ кинжалъ къ груди доброй моей барышни! она въ шужь минушу лишился памяти. — „Тѣмъ лучше, потому что испорїя кончится тихо, безъ всякаго шума.“ — Я не могу опомниться. Ахъ, какъ вы безжалостны. — „Безжалостенъ! двадцать барышень, будучи на мѣстѣ вашей Августы, съ радостїю дали бы увезти себя Принцу. Княжеская корона споеитъ маленькаго обмороча. Но я заговорился. Дѣвица Роза, если не ошибаюсь, болѣе любитъ барышню, нежели свое собственное счастїе. Прощайте, сударыня. На сихъ дняхъ мы уѣдемъ въ столицу. Надѣюсь, что послѣ завтра вы позволите мнѣ съ вами проститься, можете

быть навѣки.“ Роза молчала и плакала. Симбершъ казался чрезвычайно расстроганымъ, съ горячностью поцѣловалъ руку горничной, закрылъ плащомъ лице свое, какъ будто упирая слезы, и поспѣшно удалился.

Бѣдная Роза возвратилась домой съ горестію въ сердцѣ. Она не знала, на что рѣшишься. Вдругъ являешься Принцъ, и не давши времени придти въ себя изумленнымъ Елизѣ и Августѣ, говоритъ имъ: „Немогу уѣхать отсюда, не простившись съ любезными сосѣдками. Я намѣренъ отправиться завтра, или послѣ завтра.“ Елиза вымолвила нѣсколько словъ, которыя заключали въ себѣ обыкновенную учтивость. Августа придвинула стулъ къ Принцу. „Мы не можемъ медлить, сказалъ Адолфъ: надобно проститься еще съ другими моими пріятельницами; извините, что васъ всѣмъ имъ предпочитаю.“ Онъ поцѣловалъ руку у Елизы и ея дочери, которыя проводили его до коляски. Онъ былъ весьма обрадованъ симъ прощаньемъ. Роза слышала весь разговоръ въ другой комнатѣ; сказанныя Принцомъ слова вразсужденіи скорого отбѣзда въ столицу пронзили сердце ея пламенною стрѣлою. Ей казалось, что видитъ передъ собою Симберша печальнаго, умоляющаго, просиращающаго къ ней свои объятія.

Она рѣшилась просидѣть съ дорогимъ своимъ Сибирякомъ. Долго сидѣла подъ окномъ въ домѣ шепки, ожидая его прибытія; вздыхала, плакала, непрерывно смогрѣла на дорогу. Наконецъ прихалъ камердинеръ. „Я въ большихъ хлопотахъ, любезная Роза, сказалъ онъ, и болѣе четверти часа не могу здѣсь оставаться. Приготовляемся къ отъѣзду. Увидѣшься скоро, или просидишь на вѣки — по и другое отъ тебя теперь зависитъ. Ты молчишь! Кажется довольно было времени для выбора, или сдѣлаешься счастливою супругою человека имѣющаго полную довѣренность Принца, или оставалась горничною служанкою въ домѣ вдовы офицерской.“ — Вы знаете, что я желаю вамъ добра, сказала Роза, упирая пекущія слезы. — „Такъ я думалъ, пока не дошло до опыта. Если Принцъ не получитъ Августы, по и намъ невозможно соединиться. Принцово обѣщаніе дасть мнѣ чинъ и мѣсто уничтожилось само собою, и я буду проклинаять ту мигуну, въ спорую отдавъ сердце свое неблагодарной. Рано или поздно ты сама расквешься, что опвергнула руку мою и свое собственное счастье. Вотъ бумага, которою Принцъ назначаетъ намъ по двѣсти гульденовъ ежегодной пенсіи, если женишься на Августѣ. Или послѣ завтра бумага сѣя останется недѣйствительною, или намъ выдадутъ

деньги впередъ за годъ — по и другое зависитъ отъ своего произвола. Любя свою барышню, право не грѣхъ сдѣлать ее Принцессою. Но время дорого. Скажи прямо, на что ты хочешь рѣшишься? — На все что тебѣ угодно — отвѣчала Роза и бросилась въ объятія искусителя.

Симбертъ разсказалъ ей все, что и какъ надлежалъ дѣлать въ семъ предпріятіи, и при послѣднемъ поцѣлуѣ надѣлъ на палецъ ея дорогой перстень въ залогъ будущей вѣрности. Сей пализманъ произвелъ желаемое дѣйствіе. Роза почипала уже себя настоящею невѣстою, и поспѣла домой на крыльяхъ приятнѣйшей надежды.

Ночью восприняла въ душѣ ея совѣсть, сія суровая свидѣтельница всѣхъ нашихъ поступковъ и намѣреній. Упреки ея мало по малу омрачали приятныя картины воображенія; наконецъ Роза видѣла уже передъ собою одну чудовища. Что ты сдѣлала? на что рѣшилась ты, безумная? гонимъ слова, которыми безперестанно отдавались въ ея слухъ. Она закрывала глаза свои, и видѣла страшные гризраки; прячала голову подъ подушку, и слышала ужасной голосъ; старалась извинить себя, и не находила оправданій. Кровь заспывала въ ея жилахъ, и лице ея покрылось холод-

нымъ попомъ. Во всю ночь она мучилась и немогла сомкнуть глазъ ни на одну минушу.

По утру, когда ей надобно было пройти черезъ комнапу Августы, любезная сѣя дѣвица сидѣла за письменнымъ своимъ сполникомъ, и непуская глазъ съ бумаги, на которой писала, дружелюбно пожелала добраго утра Розѣ. Кропкой голосъ барышни поразилъ сердце служанки. Какъ пресѣдуемая пресшупница, побѣжала она прямо въ комнапу Елизы. „Что съ побою сдѣлалось, милая Роза? Ты блѣдна, другъ мой! не можешь ли ты?“ Ласки и нѣжная попечительность доброй госпожи расперзали душу кающейся Розы. Бросившись къ ногамъ Елизы, она вскричала: „Ахъ, милоспивая государыня! прости мене недоспойную; я во всемъ признаюсь.“ Она объявила шайну, и рыданія неоднократно прерывали слова ея. — „Успокойся и ободриься, милая моя!“ сказала Елиза: „успокойся, и благодари Бога, что Онъ отвратилъ тебя отъ злаго поступка. Ты можешь загладишь вину свою.“ — Загладишь, великодушная благодѣтельница? скажишь, какимъ образомъ? — „Ты говоришь, что они придутъ въ полночь. Впусти ихъ.“ Роза пристально смотрѣла на госпожу, не вѣря ушамъ своимъ. „Я приказываю тебѣ впустить ихъ, и привести въ мою ком-

нашу. Надобно, чшобы Августна ничего обш
ешомъ незнала.“

Елиза могла бы убхашь въ столицу и
у самага Герцога просить защиты: но она
нехотбла сдблать огласки, и надблалась,
чшо невинная хитрость навсегда освобо-
дить ее отъ Принца, а можеть быть еще
пробудитъ усиленную добродбшель въ его
сердцѣ.

Поча Августна поливала свои цвѣшпы и
занималась пшцами, Елиза успбла дать
все нужное наспавленіе своей повбренной.
День провела она въ обыцновенныхъ упраж-
неніяхъ, а за ужиномъ спокойно и весело
говорила съ Августною о Теодорѣ и обш
ихъ брачномъ соединеніи. Только прощаясь
съ дочерью, насилу могла она скрыть вну-
треннее движеніе и удержашь слезы, ко-
торыя въ глазахъ ея собирались.

Роза проводила ее въ спальню. Г-жа
Фонъ Ландекъ приказала ей имбшь въ го-
повности широкой салопъ съ капшономъ,
а сама одблась пошелбѣ въ ночное свое
плашье. Чшобы скрыть сшо предоспорож-
ность, Розъ велбно не допускашь Симбер-
на съ огнемъ къ постели. Ночь была тем-
ная и холодная. Дождавшись двенадцати
часовъ на креслахъ, Елиза отпустила гор-

ничную къ назначенному мѣсту, заперла со всѣхъ сторонъ комнату Августы и приготовилась къ рѣшишельной минутѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ подвѣхала закрытая коляска. Роза приняла Симберта у дверей по сдѣланному условію, и тихонько повела его и двухъ слугъ Принцевыхъ къ спальнѣ Елизы. Симбертъ спавишъ фонарь у дверей, подходишъ къ постелѣ, открываетъ занавѣсъ. „За чѣмъ ты, Роза!“ говоритъ Елиза тихимъ голосомъ, будто бы испугавшись. — Не бойтесь, сударыня! отвѣчаетъ Симбертъ: вамъ не будетъ сдѣлано никакого оскорбленія — и схватилъ ее обѣими руками. — „Ахъ, Боже мой! разбойники!“ закричала госпожа Фонъ Ландекъ и прищворно упала въ обморокъ. Роза пошоропилась завязать ей ротъ шелковымъ платкомъ и наинула на нее самопъ съ капишономъ. — „Бѣдная барышня! она въ обморокъ.“ — Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! положимъ ее въ коляску, прежде нежели опамятуешся! — Слуги опцесли ее, и лошади помчались изо всей силы. „Гдѣ я? разбой! разбой!“ опамятовавшись закричала Елиза дорогою, сколько кричать ей было можно, и хотѣла сорвать платокъ съ головы своей. Симбертъ, сидѣвшій въ коляскѣ, удержалъ ея руки: „Ободришесь, сударыня; мы не разбойники.

Вы будете къ своему счастью.“ — „Куда? — „Въ объятія Свѣтлѣйшаго Принца, любезнѣйшаго вашего супруга.“ — Черезъ полчаса коляска оспановилась передъ крыльцомъ на дворѣ замка.

Елизу ввели въ освѣщенную комнату и посадили на диванѣ. Въ эту минуту неперыблывый Принцъ съ распроспершими объятіями бѣжипшъ къ своей добычѣ. Госпожа Фонъ Ландекъ вспаепшъ, снимаепшъ съ головы капионшъ и являепшъ въ видѣ наказующаго Ангела передъ изумленнымъ грѣшникомъ. Адолфъ не могъ произнести ни одного слова отъ ужаса, и споялъ какъ окаменѣлый. — „Не предо мною, но передъ собою самитъ, Принцъ, должны вы спрашиваться! сказала госпожа Фонъ Ландекъ твердымъ голосомъ: благодарите меня, что я предоохранила васъ отъ злодѣйскаго пошунка!“ Поблѣднѣвшее лице его запылало отъ стыда при семъ словѣ. — „Такъ Принцъ, епшъ злодѣиспво! Оно хопшя и не удалось вамъ, хопшя власть законовъ непростираепшя на вашу особу; однакожъ я могла бы подвергнушь васъ гнѣву Государя, вашего дяди, еслибъ возвала къ его правосудію. Не ему, но вамъ самимъ на васъ жалуюсь.“ — Клянусь Богомъ, что вы женщина великая! — „Лучше скажите, что я мать. Но мнѣ пора домой. Дочь моя не дол-

жна ничего знать о моемъ приключеніи. Прикажише, ваша Свѣплость, опвезти меня обратно.“ Принцъ позвонилъ, и пончасъ велѣлъ опяшь заложить коляску. „Если вы простили меня,“ сказалъ онъ Елизѣ, „по дозволише мнѣ проводишь себя.“ — Я простила васъ; но мнѣ теперь нужно уединеніе; думаю, что и вамъ также. — Принцъ взялъ ея руку и крѣпко прижалъ къ своему сердцу. „Никогда забуду я сей минушы,“ сказалъ онъ: „надѣюсь, что послѣдствія сего приключенія будутъ для васъ благоприятны.“ Разговоръ ихъ продолжался нѣсколько минушъ. Принцъ иногда смотрѣлъ на героиню, но не смѣлъ останоить на лицѣ ея своихъ взоровъ: величество добродѣтели налагало на него долгъ почтенія. Онъ проводилъ ее до самой коляски.

Роза встрѣпила ее со слезами на глазахъ и вмѣстѣ съ радостною улыбкою. Въ полтора часа опсущствія госпожи своей она мучилась безпокойствомъ, а теперь по удачномъ окончаніи дѣла чувствовала въ себѣ неописанное удовольствіе. „Никогда забуду,“ сказала ей Елиза, „что вѣрности пвоей одолжена я за успѣхъ въ моемъ предпріятіи. Я желаю, чтобы сіе приключеніе оставалось тайною между нами.“ — Неужно упоминать, что и Принцъ рав-

нымъ образомъ наложилъ молчаніе на своихъ помощниковъ. На другой же день онъ отпра-вился въ столицу и немедленно далъ Симбершу мѣсто главнаго лѣсничаго въ своемъ удѣльномъ владѣніи. „Непочитай однакожъ сію должность наградою“ — сказа-лъ ему Принцъ: „прежде я помогалъ тебѣ бышь бездѣльникомъ; теперь доставляю те-бѣ случай сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Если не воспользуешься имъ, то найдешь во мнѣ судью неумолимаго.“ Въ тотъ же день Принцъ вручилъ Теодору папешнѣ на чинѣ Шпабсѣ - Ропмиспра въ драгунскомъ полку своемъ, кварширующемъ въ двухъ миляхъ отъ Блюменшала. „Думаю,“ сказалъ онъ три помѣ Теодору, „что вы неопречешесь жить подлѣ своего семейства. Вы будете имѣть предостойную супругу и рѣдкую не-щю. Поклонитесь отъ меня имъ обѣимъ.“

(Съ Нѣмецкаго.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Змѣя и Угорь:

Басня:

„Не правдали; что я,“
Предъ Угремъ хвасталась Змѣя:
„Наружностью красива!
„Какая кожица! какія краски, цвѣтъ!
„Вся будто въ золотѣ! блещу! А ты; мой
свѣтъ: . . .“

— Напрасно такъ спесива!

Хвастуныи рѣчь шумъ Угорь перебилъ:
Конечно спору нѣтъ: наружностью сияешь;
Но, ахъ! внутри за то опасный ядъ скрываетъ. —

Къ змѣѣ бы изъ людей иныхъ я примѣнилъ;
Да лучше удержишься;
Ихъ яду я боюсь! —

А. Маздорфъ:

Ц, ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Цицероновомъ сочиненіи, называ- емомъ Ораторь.

Если нѣсть совершенной необходимо-
сти бысть самому ораторомъ, чшобы гово-
ришь о краснорѣчіи; по по крайней мѣрѣ
не лзя отвергнушь, что ораторъ въ семъ
отношеніи имѣеть великое преимущество
предъ всякимъ другимъ, когда при твор-
ческомъ талантѣ обладаетъ онъ еще пото
проницательностію ума, копорая наблю-
даешь ходъ искусства. Правила, препода-
ныя человекомъ, имѣющимъ теоретиче-
скія познанія вмѣстѣ съ практическими,
по крайней мѣрѣ заключають въ себѣ пу
выгду, что ими весьма удобно можно
воспользоваться; къ нимъ не лзя неизмѣн-
но доверенности. Но ежели еще сей ора-
торъ — самъ Цицеронъ; по не прилично
ли мыслишь, что опецъ Лапинскаго кра-
снорѣчія направляетъ насъ въ тайнствахъ
искусства, копорому онъ одолженъ своею
славою, и нешорому посвятилъ всю

жизнь свою? Тридцатилѣшнее упражненіе и успѣхи, въ народныхъ собраніяхъ и въ судилищахъ приобретенные; доспавили бы всякому оратору право на уваженіе.

Между различными сочиненіями Цицерона о краснорѣчїи, шакъ называемое *Orator* или *Vitii*, не есть самое важнѣйшее, и не лзя даже сказать, чшобъ оно наиболѣе заключало въ себѣ правилъ. Другое Разсужденіе, раздѣленное на чешыре разговора, подъ назнаніемъ *De Oratore*, шо есть *O Vitii*, гораздо проспраннѣе и гораздо болѣе содержишь въ себѣ полезныхъ наснавленій. Въ первомъ говорицца вообще о краснорѣчїи; въ послѣднемъ предлагающя правила особенныя шолько обѣ одномъ предметѣ. Но если въ *Ораторѣ* нѣшвъ разнообразїя; за шо уже можно найши въ немъ самыя новыя, истинно образцовыя мысли, кошорыя Цицеронъ заимспвоваль ошѣ Платона. Здѣсь представляешъ онъ разуму идеальный образецъ красоты и совершенства, образецъ, къ доспигенію коего истинное искусство всегда спремшся.

Въ семъ Разсужденїи Цицеронъ вознамѣрился начертать образецъ совершеннаго краснорѣчїя и изобразить его такимъ, кашимъ оно представлялось его разуму; однако не входшвъ въ подробности о сред-

спвахъ, служавшихъ къ достиженію онаго,
„Я не ищю,“ говоритъ онъ, „виписи между
людьми; не прилѣпляюсь ни къ нему, что
смершно и подвержено плѣнью: но ищю
идеальнаго краснорѣчія, по есть безсмерш-
наго образца, который постигается только
разумомъ, и которой надобно имѣть
всегда передъ собою, чтобы сдѣлаться
истинно краснорѣчивымъ.“

Цицеронъ замѣчаетъ при семъ случаѣ,
что всякое изящное произведеніе искус-
ства, въ какомъ бы то родѣ ни было, спо-
итъ ниже сей, первенствующей и образцо-
вой красоты, которая не подлежитъ чув-
ствамъ человѣческимъ, постигается только
глазами разума, и въ которой каждая
черта есть подражаніе, равно какъ въ кар-
тинѣ написанной съ натуры. Онъ прибав-
ляетъ: „Чтобы предлагать мысли точно
и въ надлежащемъ порядкѣ, надобно доходить
до первоначальнаго и образцоваго понятія о
томъ предметѣ, о которомъ говоритъ пред-
лагаемъ.“ Послѣ того Цицеронъ обя-
сняетъ сіе правило слѣдующимъ примѣромъ:
„Хотя произведенія Поликлеса и Фидія
считаются совершенными; однакожъ во-
ображеніе наше умѣетъ представить себѣ
что еще болѣе совершенное.“ — „Не на-
добно думать, продолжаетъ онъ, будто
Фидій имѣлъ предъ глазами своими веще-

спзанный образец, когда прудился надъ Олимпійскимъ Юпитеромъ или надъ Минервою. Нѣтъ, никакой предметъ чувственный не служилъ ему правиломъ; художникъ работалъ, сообразуясь съ понятіемъ, которое имѣлъ въ умѣ своемъ о совершенной красотѣ, съ понятіемъ, которое управляло рѣзцемъ его, и съ которымъ совѣтовался онъ при каждой чертѣ въ своей работѣ.“ Мы почищаемъ изящными цѣ произведения живописи и изящельнаго художества, которые сходны съ образцами, въ умѣ нашемъ напечатлѣнными. То же можно сказать и о рѣчи: мы ищемъ въ ней сходства съ цѣмъ совершеннымъ краснорѣчіемъ, о которомъ понятіе начертано въ нашемъ разумѣ. Здѣсь привожу я собственныя мысли Цицерона, хотя выражаю ихъ въ несколько отличными словами. Сіе первоначальное и образцовое понятіе не во всѣхъ людяхъ одинаково. Очень мало, естъ на свѣтѣ превосходныхъ умовъ, которые въ каждой вещи ясно и опредѣлительное видятъ истинное совершенство. Оно становится болѣе примѣннымъ для того, и по часто дѣлаетъ надъ нимъ свои наблюденія,

По случаю спора между Римскими риториками о совершенномъ краснорѣчій, Цицеронъ, склонясь на просьбу своего друга Юнія Брута, написалъ и выдалъ Разсуж-

деніе свое обѣ Ораторѣ. Главнымъ предметомъ спора былъ истинный характеръ Аттичскаго краснорѣчія, которое состояло въ слоге числомъ, краткомъ, благородномъ, красивомъ, высокомъ и сильномъ, смотря по свойству матеріи. Ибокопорые Римскіе ораторы съ сухимъ, пощимъ, далекимъ отъ сего Аттичскаго совершенства слогомъ, кощбли прослыли блуспишелями Аттицизма, и выдавали себя за подражателей Лизія, Фукидида, Ксенофонта и Исократа. Цицеронъ, опредѣливши, можешъ быти не съ надлежащею точностію, понятіе обѣ истинномъ Аттицизмѣ, найдя въ упомянутыхъ Греческихъ сочиненіяхъ только нѣкопорыя части Аттичскаго слога. Одинъ Димосеенъ казался ему наиболее достойнымъ подражанія. Никто изъ писателей не показалъ такого превосходства въ прехъ родахъ слога; никто не умѣлъ быти столько приятнымъ въ слоге простомъ, ни сколько разборчивымъ въ слоге среднемъ. Димосеенъ говорилъ передъ народомъ просвѣщеннѣйшимъ, передъ спругими знаменами въ краснорѣчьи; онъ боялся оскорбитъ слухъ столь опытной и нѣжной; при всемъ томъ его рѣчи одушевлены смѣлыми фигурами и живыми, разительными картинами. Вотъ образецъ Аттицизма, до котораго Цицеронъ совѣтуетъ ораторамъ возноситься.

Хотя Разсужденіе объ *Ораторъ*, собственно говоря, не есть сочиненіе учебное, и хотя авторъ почти непрерывно говоритъ съ восторгомъ о винійспвѣ, которое называетъ онъ *искусствомъ божественнымъ*; однакожъ сей восторгъ его всегда управляется спрегимъ благоразуміемъ, и Цицеронъ отъ начала до конца предлагаетъ мысли свои въ надлежащей связи и въ спрегомъ порядкѣ.

Изъ четырехъ частей Риторики, которая суть *изобрѣтеніе, расположеніе, выраженіе мыслей и произношеніе*, авторъ особенно разсмаприваетъ польно претью. Прочихъ же частей касается онъ слегка, по тому ли, что уже подробно было о семъ говорено въ Разговорахъ его объ Ораторъ, или что понятіе о совершенномъ образцѣ было главнымъ предметомъ Брушова любопытства. Предпочитая слогъ простой, крапкой, чистой, и не любя слишкомъ сильныхъ движеній, ни чрезмѣрной пычности, ни блестящихъ фигуръ, Цицеронъ отдѣляетъ ораторской слогъ отъ философскаго, историческаго, пѣщическаго и софистическаго, наконецъ говоритъ о сихъ разныхъ родахъ слога. Далѣ ведетъ онъ випю къ познанію того, что называется ораторскими приличіями, и подробно изясняетъ особеннымъ способомъ харак-

перъ, свойства и принадлежности слоговъ
проспаго, средняго и высокаго,

Любопытно замѣтить здѣсь, какое
мнѣніе имѣешь онъ о Философїи, и какую
важность приписываетъ изученію оной,
именно утверждая, что изъ всѣхъ наукъ
она есть самая нужнѣйшая для Орапора.
Вонъ истинное средство опровергнуть все-
гдашнія укоризны, невѣжествомъ или при-
шворствомъ изрыгаемая противъ Филосо-
фїи, то есть будто она убиваетъ при-
родныя способности, ослабляетъ красно-
рѣчіе, охлаждаетъ жаръ сердца. Если такъ,
то Цицеронъ, проведшій всю жизнь свою
въ изученїи Философїи, былъ орапоръ
холодный! онъ совѣщая молодымъ виші-
ямъ учиться Философїи, не знаетъ самъ,
что говоритъ! и его мнѣніе не есть спра-
ведливое, когда онъ утверждаетъ, что
безъ Философїи не можно быть истинно
краснорѣчивымъ, не потому будто бы въ
ней, одной заключалось краснорѣчіе, но что
она должна служить къ образованію орапо-
ра, подобно какъ гимнастическія упражненія
полезны для комедіанта. „Можетъ быть ска-
жешь, продолжаешь знаменимый мужъ,
что я неудачно сравниваю два предмета:
нѣтъ, мое сравненіе есть самое точное.
Безъ помощи Философїи невозможно гово-
рить пространно и подробно о множествѣ

вещей разнообразных.“ Цицеронъ приводитъ въ примѣръ Перикла, который образовался ученіемъ философа Анаксагора; упоминаетъ о Димосеенѣ, прилѣжно въ молодости своей посѣщавшемъ Платонову школу. „Философія, прибавляетъ онъ, одна Философія можетъ научить насъ, какъ надлежащимъ образомъ относить каждую вещь къ своему роду и виду; она развертываетъ наши понятія своими опредѣленіями, показываетъ различія сихъ понятій, отличаетъ истинное отъ ложнаго, правильно выводитъ послѣдствія изъ начала, примѣчаетъ прописности въ предложеніяхъ, выбираетъ изъ двухъ одно справедливѣйшее. А что сказать о Физикѣ, о сей наукѣ, которая открываетъ столь обширное поле оратору? что сказать о человѣческой жизни, о должности, о добродѣтели, о нравахъ? о чемъ можно говорить, и что можно понимать надлежащимъ образомъ, не успѣвши во всѣхъ сихъ философическихъ познаніяхъ?“

Сказано выше, что Цицеронъ предлагаетъ Димосеена за истинный образецъ Аппицизма. Вотъ какъ онъ еще извѣстнаго о семъ дѣлѣ:

„Мы видимъ, что были ораторы, которые имѣли дарованіе говорить и красно, и остроумно, и прилично. Даждь Боже, что-

бы намъ удалось найсти подобный образецъ краснорѣчія между Римлянами! Слѣзно было бы, еслибъ мы могли довольствоваться своимъ, не имѣя нужды заимствовать у другихъ. Но я, самъ я, въ сочиненіи своемъ *О знаменитыхъ Ораторахъ* приписавшій сполько достоинствъ Римлянамъ или по привязанности къ своимъ согражданамъ, или дабы ободрить нашихъ ораторовъ, помню, что Димосѣена поставилъ гораздо выше всѣхъ писателей, приурочивая его дарованіе къ тому роду краснорѣчія, которое понимаю въ умѣ своемъ, но котораго не обрѣлъ еще ни въ одномъ человѣкѣ. Небыло еще оратора ни сильнѣе, ни искуснѣе, ни правилнѣе. И шавъ мы должны посовѣтовать пѣмъ писателямъ, которыхъ нерадивыя сочиненія споль многими одобряются, и которые присвоиваютъ себѣ шишло Апшическихъ, чтобъ они писали сами какъ ораторы Апшическіе и всею болѣе удивлялись бы Димосѣену. . . . Пускай узнаютъ они, что есть Апшицизмъ; пускай измѣряютъ краснорѣчіе силами сего Оратора, а не своимъ безсиліемъ. Нынѣ каждый уважаетъ въ искусствѣ полько то, чему онъ подражаетъ въ сошпояніи!“

Такимъ образомъ Цицеронъ опредѣляетъ истинной Апшицизмъ, вопреки мнѣнію

ствѣ Римлянѣ, которые, будучи отъ природы лишены жара, или увлечены довѣренностью къ нѣкопорымъ системамическимъ риторамъ, полагали Апшицизмъ, ш. е. свою идею о совершенномъ краснорѣчїи, въ сочиненїяхъ написанныхъ неплодовитымъ слогомъ, рачительно обработанныхъ, но сухихъ и неудобныхъ приводить въ движеніе. Ничего иѣтъ безразсуднѣ сихъ мнимыхъ Апшиковъ Римскихъ, которые особенно уважающъ весьма немногихъ писателей, именно стѣхъ, коихъ родъ сочиненїя наиболѣе отдаленъ отъ краснорѣчїя судебного и употребительнаго въ народныхъ собранїяхъ. „Они думаютъ, продолжаетъ Цицеронъ, будто одинъ шотъ говоритъ какъ Апшической риторъ, кпо выражается просто и даже нѣсколько сухо, лишь бы только слогъ его былъ красивъ и ясенъ. Пусть называютъ они это Апшицизмомъ; они правы; но если думаютъ, что Апшицизмъ единственно состоитъ въ епомъ родѣ, то обманываются; ибо въ семъ случаѣ и самъ Периклъ, у котораго никто неоспориваетъ перваго достоинства между Аѳинскими роторами, не зналъ Апшицизма. Ежелибъ сей великій мужъ употреблялъ только простой слогъ; то стихотворецъ Аристофанъ никогда не сказалъ бы о немъ, что онъ блисталь, гремѣль, приводиль цѣлую Грецію въ движеніе.

Охотно приписываю Лизію, сему чистому и красивому въ слогѣ своемъ писателю, имя Апшическаго орапора; пусть же согласяся и со мною, что весь Апшицизмъ Лизія не состоипѣ въ одной полько простотѣ его слога, чуждой всякаго украшенія, но въ томъ что у него нѣтъ ничего излишняго, и все поставлено въ надлежащемъ мѣстѣ. Согласимся, что рѣчь украшенная, обильная, исполненная силы есть также Апшицизмъ; а иначе Ескинѣ или Димосенѣ должны бытъ исключены изъ числа Апшическихъ орапоровъ.“

„Есть люди, которые выдають себя за послѣдователей Фукидиду — вошѣ другая нелѣпость, еще несноснѣйшая шой, на которую теперь только я жаловался! Подражающіе Лизію, по крайней мѣрѣ подражають судебному орапору, правда неимѣющему ничего обильнаго, ничего возвышеннаго въ своемъ краснорѣчїи, но у котораго есть красивость и благородство, и который блистаетъ въ судебныхъ спорахъ. Фукидидѣ же повѣсшвуетъ о событіяхъ, о войнахъ и сраженіяхъ безъ сомнѣнїя съ великою точностію и силою; но чѣмъ у него воспользуешесь для рѣчи судебной, или произносимой въ народномъ собранїи? Самые слова, помѣщенные имъ въ своей исторїи, наполнены такими темными мѣсшамж;

что трудно понять их; а это главные недостатки в речах публичных. Однако все хвалили Фукидида! Согласен; но его хвалили как писателя, благоумыно, с почтительною и живописно повествовующаго о происшествіях; хвалили не как судебного оратора, который старается изобрести доводы, но как историка, рассказывающаго о сраженіях. Никто и никогда не почиталъ его въ числѣ ораторовъ. Никто изъ насъ не въ состояніи подражать силѣ его выраженій и оборотамъ; не смотря на то наши Римляне, сказавши нѣсколько опдѣльныхъ реченій (а это всякой можетъ сдѣлать и безъ помощи учителя); почитаютъ уже себя Фукидидами! Я знаю одного оратора, который истощалъ все свои силы, чтобы уподобиться Ксенофонту; правда, у Ксенофонта слогъ слаще меда; но сей слогъ вовсе неприличенъ шумнымъ преніямъ судебнымъ.“

„Совершенный ораторъ, говоритъ Цицеронъ, есть тотъ, кто не ограничиваясь однимъ родомъ красноречія, и презирая рабское подражаніе тому или другому автору; умѣетъ соединять на высочайшей степени совершенства все роды красноречія и употребляетъ каждое изъ нихъ въ своемъ мѣстѣ, т. е. тотъ кто умѣетъ говорить о маловажныхъ вещахъ сла-

гомъ простымъ , о посредственныхъ
 слогомъ умѣреннымъ , о великихъ сло-
 гомъ важнымъ. *Is erit eloquens, qui parva
 summis, media temperate, magna graviter
 poterit dicere.* Въ благоразумномъ соедине-
 нїи сихъ прехъ слоговъ состоипъ исшин-
 ное краснорѣчіе.“

Можно возразишь автору: гдѣ же
 видѣли оратора подобнаго тому, о кото-
 ромъ вы говорите? „Я согласенъ, опѣв-
 чаетъ Цицеронъ, что его никогда и нигдѣ
 не было; но я разсмаприваю то что же-
 лаю видѣть существующимъ, а не то
 что я уже видѣлъ.“ Тупъ предлагаешъ
 онъ свое умозрѣніе объ идеальномъ ораторѣ.

Потомъ обращаетъ онъ къ наукамъ,
 необходимо нужнымъ для оратора. Въ чи-
 слѣ оныхъ полагаешъ Грамматику, Логик-
 ку, Нравоученіе, Законовѣденіе, Испорію.
 Вошъ чѣмъ можно испугать ораторовъ на-
 шего времени! Но если разсудить о важ-
 ности ораторскаго сана въ Римской респу-
 бликѣ, объ удивительномъ разнообразїи
 предметовъ, каждую минушу подлежащихъ
 изслѣдованію вишїи; если подумаешь, что ор-
 аторъ часно долженъ былъ учить народъ и
 управлять онымъ: по легко увидимъ, сколь
 знаніе всѣхъ наукъ сихъ было необходимо.
 Вишрувій ошъ своего зодчаго пребуешъ

еще гораздо большей разнообразности въ свѣдѣнїяхъ. Разсужденїя Цицерона о семъ предметѣ ясно показываютъ необходимость многихъ предварительныхъ упражненїй. Наконецъ сочинитель напрягаетъ всѣ свои силы при разсмотрѣнїи той части орапорскаго краснорѣчїя, которая состоитъ въ выборѣ словъ, въ правильномъ ихъ расположенїи и въ доброгласїи.

Онъ извѣщаетъ, въ чемъ состоитъ собственность знаменованїя и красота рѣченїй; подробно говоритъ о происхожденїи, свойствахъ и началѣ употребленїя орапорской мѣры; показываетъ даже способы, какїя изъ нихъ должно употреблять въ началѣ, среднѣ и концѣ періода. Однимъ словомъ, какъ будто анапомически разбираетъ слова относительно къ гармонїи. Онъ упоминаетъ по сему случаю, что въ произношенїи надобно иногда отступать отъ правила для угожденїя слуху, что главное правило есть — нравиться, и что убѣжденїя чувства должно согласоватьъ съ приговорами разума. Въ другомъ мѣстѣ доказываетъ онъ, ссылаясь на чувство слуха, что изящная проза имѣетъ свою гармонїю и свой размѣръ подобно стихамъ. „Не благоразумно было бы, говоритъ Цицеронъ, утверждать, будто въ прозѣ нѣтъ никакой мѣры, единственно пошому что мы неумѣ-

емъ изъяснишь, для чего и когда она введена въ употребленіе. Самое стихотворство изобрѣшено не разумомъ, но силою чувства. Разумъ только размышлялъ о томъ, что произведено чувствомъ. Если спросишь, для чего употребляется гармонія въ слогъ; отвѣтъ не пруденъ: чтобы угождать уху. — Но когда должно употреблять оную? — Всегда. — Въ какой часпи періода должно быть измѣненіе въ голосъ? — Во всѣхъ часпяхъ. — Какая причина того удовольствія, которое доставляетъ намъ гармоническая проза? — Та же самая, которая приноситъ намъ удовольствіе при слышаніи гармоническихъ стиховъ. Искусство сдѣлало изъ того правила; но ухо, по природному чувству, безъ помощи сихъ правилъ, судитъ хорошо о гармоніи. “Вотъ въ немногихъ словахъ Цицероново мнѣніе о гармоніи въ рѣчи, и о важности, которую благоразумный ораторъ можетъ придашь сей часпи своего искусства: „Написашь рѣчь громкую и гармоническую, но неимѣющую смысла, есть глупость. Напишашь рѣчь дѣльную, исполненную хорошихъ мыслей, но безъ порядка, безъ гармоніи, значитъ безсиліе; однако ето никакой недоставокъ, котораго не лзя назвать неумѣстностію, и который вспрѣчается даже у людей очень разумныхъ. Пусть удовольствуешься, кто хочешь, малымъ удовольствіемъ;

что же касается до меня; по я назову истинно краснорѣчивымъ того; кто не одно только одобреніе заслуживаетъ; но возбуждаетъ еще удивленіе, производя въ восторгъ въ читателяхъ, принуждаетъ ихъ извѣлять восхищеніе, — только того; кто во всѣхъ частяхъ достигъ совершенства; и написалъ такое сочиненіе, съ достоинствомъ конюрато ничто въ свѣтъ сравниться не можетъ.“

Въ заключеніе всего Цицеронъ обращается къ другу своему Бруту; и совѣтуетъ ему принять сію предложенную систему, ежели она ему понравится; или же опасаться при своихъ мысляхъ; если онъ съ оною несходен. Онъ признается съ откровенностію, достойною величайшаго ума, что не смотря на всѣ свои усилія; можетъ быть вразсужденіи основательности своего мнѣнія долженъ уступить Бруту; но что ему позволено думать не одинаково съ своимъ другомъ, и что, спастись можетъ; въ послѣдствіи самъ будетъ онъ вергать то, что теперь доказывалъ. Наконецъ онъ говоритъ о себѣ же самомъ; что ненашевъ ничего въ него какъ въ отношеніи къ краснорѣчію, такъ и въ высшимъ наукамъ; и что не видя откровенной истины, на первой случай доволенъ правдоподобіемъ:

Таковъ сокращенный планъ сего превосходнаго сочиненія. Цицеронъ всегда оказывалъ къ оному очень примѣшное приспращеніе. Сіе разсужденіе объ *Ораторѣ*, въ копоромъ слогъ соопвѣпствуетъ важности предмета, понимаешь весьма прудно. Въ немъ есть разныя историческія намѣтки; мало-вразумительныя выраженія, пакія правила и примѣры, копорыя, по крайней мѣрѣ для насъ, не довольно ясно предложены; не упоминаю о множествѣ подробностей грамматическихъ и другихъ замѣчаній, копорыхъ не лзя принаровишь къ нашему языку, хопя въ Цицероновомъ сочиненіи находящяся онѣ совершенно въ своемъ мѣстѣ.

А. Ж.

III. С М Ъ С Ъ.

Историческія лица нынѣшней Франціи, и анекдоты.

Маршалъ Моршье есть одинъ изъ весьма немногихъ любимцевъ Наполеона, вышедшихъ въ знашь при соперникахъ его.

Пишегрю и Моро и неслужившихъ подлѣ его личнымъ начальствомъ.

Едуардъ Адольфъ Казимиръ Морпье, сынъ одного лавочника, родился 1768 года въ Камбре. Онъ прислуживалъ отцу своему въ лавкѣ до 1791 года, въ которое время произведенъ въ офицеры. Въ первый разъ выспунилъ онъ прошивъ непріятели 30 Апрѣля 1792 года при Квиренѣ, гдѣ застрѣлена подлѣ нимъ лошадь. При Гунденотѣ опличился онъ такъ славно, что сдѣланъ Генераль-Адъютантомъ. Въ 1796 и 1797 годахъ служилъ онъ безвыходно въ Германіи; въ 1798 и 1799 командовалъ дивизіею въ Швейцаріи. Въ 1800 вызвалъ его отпуда Наполеонъ для принятія начальства надъ войсками, находившимися въ столицѣ и окрестныхъ мѣстахъ.

Рѣчи, говоренныя имъ Наполеону отъ имени подчиненныхъ при собираніи голосовъ на вѣчное его Консульство и при возглашеніи его Императоромъ, наполнены были шакою подлою, презрѣннѣею достойною лестною, чѣмъ всякой другой человекъ охотнѣе бы пошелъ прошиву спа - пушечной башарей, нежели спалъ ихъ слушающъ. При всемъ томъ нелѣпый и унизительный сей поступокъ доставилъ ему жезлъ Мар-

шалльскій! Моршье зналъ очень хорошо, что ползанье въ переднихъ гораздо лучше награждено будешъ, нежели полевая служба. Въ 1795 году женился онъ на прахширщиковой дочери. Когда супруга его родила послѣдняго сына, крестины празднованы великолѣпно, и восприемниками были Императоръ съ Императрицею, а таинство совершалъ Кардиналъ Фешъ. Наполеонъ при семъ случаѣ подарилъ г-жѣ Моршье бриллїаншовое ожерелье, которое цѣняшъ во сто пятьдесятъ тысячъ ливровъ.

Моршье приобрѣлъ въ различныхъ своихъ походахъ, а особливо въ славной Ганноверской кампанїи, около семи милліоновъ дохода, получаемого съ помѣстьевъ и угодьевъ. Онъ другихъ Генераловъ почитается онъ за храброго офицера, но за посредственнаго начальника. — Моршье вызванъ изъ Ганновера для принятїя начальства надъ гвардейскою аршиллерїею въ то самое время, какъ Пишегрю, Жоржъ и Моро взяты подъ стражу, и когда первый Консулъ рѣшился принять шишулъ Императора.

✱

Щедрость Французскаго правительсва простирается иногда на людей, совершенно недостойныхъ. Обратительная дѣль

ихъ показываетъ не только недостаткомъ во вкусѣ и талантѣ, но даже нарушаетъ всю спыдливость и скромность. Одинъ неизвѣстной человѣкъ, по имени Даже, воспѣвшій короноваіе Наполеона первого въ двухъ сонняхъ преглупныхъ стиховъ, въ которыхъ не было ни мѣры, ни смысла, получилъ въ правленіи мѣснаго департамента мѣсно, приносящее въ годъ двенадцать тысячъ ливровъ доходу, не считая сна наполеондоровъ наличными деньгами. Другой площадной стихопворецъ, называемой Барре, прославившій всѣхъ прежнихъ начальниковъ партій, поднесъ Наполеону въ день его рожденія оду, состоящую изъ 14 строкъ, и получилъ въ Миланѣ мѣсно съ двадцатью тысячами годового дохода, и сверхъ того сно наполеондоровъ на проѣздъ. Денежныя суммы, ежегодно раздаваемые Французскимъ и иноспраннымъ авшорамъ, гораздо превышаютъ число денегъ, назначенное для опредѣленныхъ пенсіоновъ. Одинъ, кажется Арабской, авпоръ въ нѣкоторомъ сочиненіи своемъ, весьма извѣстнымъ на воспокъ, говоритъ слѣдующее: „Для такой особы, которой имя, къ несчастію рода человѣческаго, будешь всегда незабвенно въ исторіи, совсѣмъ непрощительна слабость награждать глупыхъ или неизвѣстныхъ писателей, общающихся крашкременное и пустое безсмертіе.“

Между многочисленною полпою писателей, получившихъ пенсіи, награды и поощренія отъ Французскаго Императора, ни одинъ не удостоился такой великодушной щедрости, какъ Италіанецъ Спаницешпи и Нѣмецъ Рипшершшейнъ. Первый представилъ ему родословную таблицу, въ которой доказывалъ, что фамилія Бонапартовъ, до преселенія своего изъ Тосканы въ Корсику, случившагося за чепыреста лѣтъ передъ симъ, была въ сродствѣ съ древнѣйшими Тосканскими домами, и слѣдственно съ домомъ Медисцовъ; а какъ сей знаменитый и сильный домъ далъ Бурбонамъ, сдѣлавшимся владѣтелями Франціи, двухъ Королей; то слѣдуетъ, что Бонапарты родственники фамиліи Бурбонъ. Такимъ образомъ Французской скипетръ находится въ одной и той же династїи, однакожь гораздо въ достойнѣйшей опраси. Спаницешпи получилъ за сію родословную тысячу ливровъ золотомъ и шесть тысячъ ежегодной пенсіи, сдѣлавъ правителемъ Канцелярїи при Министрѣ внутреннихъ дѣлъ Италіанскаго Королевства и теперь имѣетъ 18 тысячъ ливровъ дохода.

Рипшершшейнъ, Баварской Генеологистъ, вывелъ происхожденіе фамиліи Бонапартовъ изъ древнихъ временъ перваго

Кресповаго похода; и доказалъ, что другъ Ришарда, именуемаго Львиное сердце, назывался не Блондель, а Бонапарть, и что онъ сѣ послѣднее имя перемѣнилъ на первое для того только, чтобъ вступишь въ бракъ съ фамилією Планпагенешовъ. Послѣдняя отпраשלъ сихъ Планпагенешовъ пресѣклась наконецъ чрезъ соединеніе съ фамилією Спуаршовъ; слѣдственно Наполеонъ Бонапарть есть родственникъ не только большей части Европейскихъ Государей, но еще имѣеть ближайшее право на пронъ Великобританіи, нежели Георгъ III; потому что первый происходить отъ мужескаго колѣна Спуаршовъ, а послѣдній вступилъ въ родство съ своимъ по женскому. Ришперштейну дали золотую шабакерку съ поршретомъ его Величества и съ алмазами, цѣною въ 12 тысячъ ливровъ. Сверхъ того выдано ему деньгами 24 тысячи ливровъ и опредѣлено девять тысячъ ливровъ ежегодной пенсіи. Наконецъ сдѣланъ онъ членомъ Почетнаго легіона.

Изъ всѣхъ художниковъ одинъ только Шумахеръ, родомъ Нѣмецъ, обманулся въ своемъ ожиданіи, и спаравшись увѣковѣчитьъ намять Наполеона I, не получилъ никакого награжденія. Правда, что онъ былъ болѣе прилѣженъ, искусенъ и добродушенъ, нежели уменъ и догадливъ. Онъ

не разсчелъ, что для *безсмертнаго* героя не можешъ быть приятно, когда напомнимъ ему, что онъ *смертный* человекъ. Шумахеръ занимался болѣе прехвльмъ сдѣланіемъ модели прекраснѣйшаго надгробнаго монумента; онъ вырѣзалъ ее изъ мрамора и надписалъ: *Гробница Наполеона великаго*. Сей художникъ прибылъ въ Парижъ подъ покровительствомъ Графа Фонъ Бейста, Архиканцлерскаго Министра. Графъ просилъ Церемоніймейстера Сегюра доложить Императору, не угодно ли ему будещъ сдѣлать честь художнику, взглянушь на его работу. Сегюръ совѣщавъ опнесись къ Дюроку, который опослалъ просишеля къ Дюпону. Сей человекъ, осмошрѣвъ памятникъ, не могъ опказать ваятелю въ справедливой похвалѣ за его таланты и искусство; однакожъ не согласился доложить объ немъ Императору, находи предметъ сего произведенія неприличнымъ.

Послѣ прехв мѣсячнаго напраснаго ожиданія, наконецъ Шумарехъ допущенъ былъ на аудіенцію къ Министру Полиціи Фуше, и просилъ позволенія сдѣланный памятникъ показывать публикѣ ~~за~~ деньги, дабы чрезъ то придти въ состояніе возвратиться въ свое отечество. „Гдѣ ешопъ памятникъ?“ спросилъ Фуше. — Въ домѣ Архиканцлерскаго Министра. — „Гдѣ вы хошите вы-

спавишь его? — Въ Пале - Рояль. —
 „Хорошо, принесите его сюда.“ Шумахеръ
 въ попѣ же самый вечеръ взявъ былъ По-
 лицейскимъ комиссаромъ подъ спражу и
 вмѣстѣ съ своею моделью отправленъ на
 явльйй берегъ Рейна.

Кто будетъ судить о Франціи по од-
 ной только пышности Двора, по однимъ
 разговорамъ льстецовъ, по одной распочи-
 тельности властелина, по несмѣнному бо-
 гатству его фамиліи и любимцевъ: попъ
 конечно почтетъ сіе государство счастливѣ-
 йшимъ въ Европѣ: но кто походитъ по
 улицамъ Парижскимъ, кто посмотритъ
 богадѣльни, кто пересчитываетъ всѣхъ ни-
 щихъ, самоубійцъ, сиротъ, преступниковъ,
 заключенныхъ въ тюрьму, валачей и ихъ
 прислужниковъ; попъ найдетъся въ горе-
 спной необходимости перемѣнитъ свои
 мысли и согласится, что ни въ какой
 части свѣта не лзя найти столько бѣд-
 ности и несчастій, какъ во Франціи. Тамъ
 несчастные, разоренные, или наказываемые
 люди не принадлежатъ къ низшему классу
 общества какъ въ другихъ Европейскихъ
 государствахъ: напрошивъ того многіе изъ
 нихъ, и даже самая большая часть, при-
 ннадлежатъ къ знатному сословію, и
 происходятъ отъ благородныхъ, почтен-
 ныхъ и богатыхъ предковъ. Они доведены

революціею до бѣдности или безславія, а можешъ бышь до того и другаго вмѣстѣ.

Остановившись на одну минуточку, посмотрѣвъ на выложенные въ лавкахъ товары и на другія любопытныя вещи, вы поспѣхъ видите многихъ, порядочно одѣтыхъ людей мужскаго и женскаго пола, которые подходятъ и говорятъ вамъ на ухо: „Милостивый государь! подайте милостыню, Маркизу или Маркизѣ, Барону или Баронессѣ, такому то, или такой то, разорившимся опѣ революціи.“ При чемъ услышите имена споль славныя въ Испоріи, что не въ соспоянїи будеще довольно надивисься превращености человѣческаго счастья и величїя. Съ изумленїемъ спанете вы помогашь бездѣлкою внуку славнаго Героя, передъ которымъ препешали, цѣлыя государства, или внучкѣ знаменистаго Министра, имѣвшаго въ рукахъ своихъ судьбу народовъ. Еслибъ Императоръ вздумалъ скрышно прогуляться по улицамъ своей столицы, то можешъ бышь нашелъ бы противъ неограниченной суешности и властолюбїя своего, такъ какъ и проливъ несомнѣннаго упованїя на непрерывное счастье, самое лучшее предохранительное средство.

Многіе изъ уличныхъ пѣсельниковъ въ Парижѣ суть переселенные эмигранты. Одинъ

прежній Маркизъ служивъ кучеромъ у провіантскаго офицера, бывшаго приворопомникомъ у его дѣда. Спарыя торговѣи жалуются, что Графы, Бароны и Кавалеры присвоили себѣ ихъ ремесло, и совсѣмъ ихъ разорили. Я видѣлъ двухъ практирныхъ музыканшовъ, изъ копорыхъ одинъ былъ прежде армейскимъ Капипаномъ, а другой парламенпскимъ Совѣпникомъ. Можно каждый день видѣть двухъ замаскированныхъ дѣвушекъ, играющихъ на гитарѣ, или на арфѣ, изъ копорыхъ одна дочь прежде бывшаго Герцога, а другая прежде бывшаго Маркиза, служившаго Генераломъ при Людовикѣ XVI. При каждой находится спарая женщина, имѣющая въ рукахъ кружку. Одна изъ спарухъ, какъ я слышалъ, была нянькою у одной изъ сихъ обнищавшихъ госпожъ. Ковово имъ вспомнишь при пеперешнемъ соспоянїи о прошедшемъ!..

Въ день коронаванїя Наполеона не за долго до выѣзда его съ Папою и со всею блестящею свипою ходилъ по Вольперовой набережной взадъ и впередъ спарикъ. Онъ не говорилъ ни слова, но на шляпѣ у него прищпилена была записка слѣдующаго со держанїя: *я прежде имѣлъ шестьдесятъ тысячъ ливровъ годоваго дохода, а теперь въ восемьдесятъ лѣтъ принужденъ просить милоспнню.* Многія осо-

бы, и даже нѣкоторые изъ солдатъ, давали ему деньги; но скоро примѣтили его полицейскіе служители, и взяли подъ стражу. Съ тѣхъ поръ болѣе ничего объ немъ не слышно. Епископъ старикъ назывался Дела-Рошъ, и былъ кавалеръ Св. Лудовика. Помѣстья его въ 1793 году проданы, какъ національное имѣніе. Спусти нѣсколько времени сей несчастный отправлялъ должность носильщика. Напослѣдокъ, по истощеніи силъ, принужденъ былъ пишаться подаянїемъ. Сумма, употребленная на обмундированіе одного придворнаго скорохода, конечно доставила бы сему человеку спокойствіе при концѣ его жизни. Воспоминанїемъ о шестидесятипяти тысячахъ доходѣ сего кавалера испребляется то удовольствіе, которое бы можно получить отъ шестидесятипяти тысячъ фонарей, освѣщавшихъ дворецъ Тюллерійской.

Не смотря на то, что нѣкоторые мужчины благороднаго званія вступили въ низкія должности, многія особы женскаго пола предпочли придворному блеску простую домашнюю службу, и могли быть Камер-Фрейлинами и придворными дамами; пошли въ горничныя дѣвушки и учительницы. Дѣвицъ Р... дочери Маркиза Р... предлагали мѣсто Камер-Фрейлины у Принцессы Мюра; но она отказалась и

перешла въ тотъ же самый день для компаніи къ г-жѣ Мульеръ, коея мужъ былъ прежде камердинеромъ у Графа Бриенна. Отецъ и братъ сей двѣшки посипрадали за упрямство дочери и сестры своей. Они согласны въ Гваделуппу, подъ предлогомъ будто братъ въ кофейномъ домѣ сказалъ, что сестрѣ его лучше быть горничною двушкою у жены прежняго камердинера, нежели подругою сожигельницы прежняго

*

Шапшаль до революціи былъ разорившійся химикъ въ Монпелье. Онъ нажилъ неоплащенные долги, дѣлая дорогіе опыты въ намбреніи сысканья философскій камень. Для людей, находящихся въ такихъ обстоятельствахъ и имѣющихъ, при великомъ высокоуміи нѣкоторые шаланшы, безъ всякихъ другихъ правилъ, революція со всѣмъ своимъ безначаліемъ, со всѣми заблужденіями и безчисленными злодѣйствами, есть истинное благословеніе, какъ самъ Шапшаль сказалъ въ первой своей рѣчи въ Якобинскомъ клубѣ. Ему захотѣлось въ Монпелье сдѣлать подражаніе Парижскому разграбленію Баспиліи. Въ семъ намбреніи возбуждалъ онъ въ Маръ мѣсяцѣ 1790 года чернь и предвѣстія къ нападенію на крѣпость, копорую Коммендантъ и сдалъ безъ сопротивленія, желая избѣжать кровопролитія. За такіе заговоры и другія опасныя пред-

приятія предали его суду Народнаго собранія; но Роберспьеръ и другіе Якобинцы защищали его и избавили отъ шюремнаго заключенія. Въ 1793 и 1794 годахъ обязался онъ контрактомъ дѣлать огнеспрѣльный порохъ и снабжать имъ армію. За сію исключительную торговлю заплашилъ онъ Баррасу, Карно и другимъ членамъ Комитета общественнаго благосостоянія шесть милліоновъ ливровъ, между тѣмъ какъ самъ получилъ при этомъ шесть милліоновъ. Директорія хотѣла законнымъ порядкомъ изслѣдовать всѣ его хищничества; но онъ откупился, подаривъ извѣстную сумму Баррасу и Сіесу. Въ 1799 году далъ онъ Бонапаршу двенадцать милліоновъ ливровъ, чтобы собрать партію для новой революціи, о которой сей Генералъ думалъ, за что въ знакъ благодарности получилъ мѣсто перваго Государственнаго совѣтника. Когда же Люсьень Бонапартъ 1800 года отправился Посломъ въ Испанію; то Шапталъ сдѣланъ его преемникомъ въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Счастливымъ химикъ Шапталъ дѣйствительно нашелъ во время революціи философскій камень. Теперь живетъ онъ очень пышно. Епощъ человекъ изъ всѣхъ, участвовавшихъ въ революціи, наиболее сохранилъ нравственный свой характеръ; потому что не сдѣлалъ ни одного убійства, и ни

въ какомъ случаѣ не былъ предводителемъ
кровопийцевъ.

(Изъ Истор. Пис. о Франц.)

~~~~~

Къ Патриотамъ (*).

Цари въ плѣну — въ цѣпяхъ народы —
Часъ рабства, гибели приспѣлъ!
Гдѣ вы, гдѣ вы, сыны свободы?
Иль нѣтъ мечей и острыхъ стрѣлъ?
Или мужество въ груди оспыло,
И мстительнъ желѣзо позабыло?
Скорбѣ сомкнитесь въ ратный строй!
Зовѣтъ Опечество: летите!
И сколь ужасно покажите
Россіи нарушать покой.

*

Да въ прахъ ложатся сопоспашы,
Дерзнувъ коснуться вашихъ спранъ! —
Благословенъ тотъ мужъ при крапѣ,
Кто налъ, спасая согражданъ!
Летите, спутники побѣды,
На бой, какъ бились ваши дѣды!
Иль громъ Рымникскаго поухъ?
Да вновь предъ вами онъ явился:
Европа снова удивилась,
И Русскихъ вспомнѣтъ духъ!

*

(*) При чтеніи Высочайшихъ Манифестовъ о
повсемѣстномъ вооруженіи противъ Фран-
цузовъ. 1812, Іюля, въ С. Петербургѣ *Мил.*
— По полученіи сихъ стиховъ первые лис-
№ 15. О

Ихъ духъ великій, что любовью
Всегда къ Отечеству горинѣ,
Любовь сію приѣмлетъ съ кровью
И жизнь для оной не щадитъ!
Сей духъ, что ею предводимый,
Колоссъ вознесъ несокрушимый,
Полсвѣта властію покрылъ —
Сей духъ тогда лишь истребился,
Когда по каплямъ истощился
Вся кровь его великихъ силъ!

✱

Сей духъ, сограждане, васъ нынѣ
Ко славѣ, къ торжеству зоветъ;
Онъ въ юной вамъ Екашеринѣ
Примѣръ великій подаетъ, —
О, возврати — невозвратиму,
Екашерину вѣчно чтиму,
И насъ возвысь подобно ей!
Во всемъ споспѣшницей будь Брату!
И — гибель, гибель сопостату,
Притекшему къ странѣ Твоей!

✱

Спыдомъ, проклятіемъ покрытый,
Позорный обраща слѣдъ,
Въ ровъ гибели для насъ изрытый
Онъ самъ обрушася, падетъ! —
Не сомнѣ наемниковъ и плѣнныхъ,
Къ алчбѣ, корысти усремленныхъ,
Предателей страны своей,
Которы въ страхъ рабскомъ пали,
Въ добычу все врагу отдали —
И прахъ отеческихъ костей!

✱

шы вѣстника, гдѣ помѣстить ихъ надле-
жало бы, уже были оппечашаны. *Изд.*

Онъ встрѣтитъ въ насъ героевъ славы,
Знакомыхъ свѣту Россіянъ,
Спасавшихъ чуждыя державы, —
Которыхъ суша, океанъ;
Въ побѣдахъ громкихъ созерцали;
Которыхъ царства трепетали,
Кого дрожаль: и храбрый Шведъ,
И Пруссъ; и Галль непостоянный,
Самъ вождь его въ бояхъ вѣнчаный,
И сіящій въ гробъ Магомедъ!

✱

Воспрянь Героевъ Русскихъ сила!
Кого и гдѣ, въ какихъ бояхъ
Твоя десница не разила?
Днесъ рашуешь въ родныхъ краяхъ,
Гдѣ персть, дѣва и камни хладны
Возжгутъ твой духъ ко славѣ жадный!
Одинъ, одинъ врагу ударъ —
И вся Европа опомсится!
Здѣсь Бельгъ ошъ крови задымится,
А шамъ . . . вспыхнетъ Гибралшаръ!

✱

Наступимъ мы на гордыхъ выю,
Ты Самъ, о Боже! помощь намъ;
Храни возлюбленну Россію,
Возвысь, возвысь, въ примѣрѣ Царямъ,
МОНАРХА нашего на пронъ!
Да ходишь вѣкъ въ Твоемъ законѣ!
Лешите Россы: смерть въ бою,
Или побѣда васъ встрѣчаетъ!
Мой духъ грядущему внимаешь:
Я славу вашу воспою.

М. Милоновъ.

Письмо къ Издателю Вѣстника Европы.

Два достопамятные Славенскіе подлинника XIII и XIV столѣтій, свидѣтельствующіе о связи Новгорода съ Ганзою, въ прошедшемъ году были найдены и объяснены Господиномъ Шмецеромъ, Профессоромъ Московскаго Университета, извѣстнымъ своими свѣдѣніями въ Исторіи отечественной. Я, желая по силамъ моимъ оказать какую нибудь услугу любителямъ Русскихъ древностей въ объясненіи сихъ драгоценныхъ памятниковъ, старался проникнуть въ смыслъ Граматъ, сокрытый отъ перваго полкователя; но при всѣхъ усиліяхъ и возможной оспорожности осязались для меня мѣста темныя, а индѣ и нешакъ объясненныя. Вы, содѣлавшись посредникомъ между нами и просвѣщенными вашими читателями, конечно не опречетесь помѣстить въ своемъ журналѣ прилагаемая при семъ замѣчанія, которыми удостоилъ меня Его Преосвященство Евгеній, Епископъ Вологодскій, извѣстный заслугами своими въ Исторіи и словесности отечественной, и которыя могутъ послужить дополненіемъ и поправкою первыхъ объясненій Новгородскихъ Граматъ. Чувства искренней моей благодарности къ Его Преосвященству, какъ и новый опытъ его безпримѣрной ревности къ Исторіи Россійской, да не будутъ сокрыты. Имѣю честь быть и проч.

К. Калайдовичъ.

Юля 17 1812 года.

Замѣтанія на Новгородскія Граматы и на толкованіе ихъ (см. Вѣстникъ Европы 1812 N 3).

1. *Три пути горніе* (стр. 106), ш. е. 1. на рѣку Нарову къ Нарвѣ, 2. На Исковѣ, 3. по Вошской пятинѣ на Ямы, или нынѣшній Ямбургѣ по рѣкѣ Лугѣ (*). Дольній же или *четвертый* путь, кажется, разумѣнь должно внизѣ по Волхову чрезѣ Ладожское озеро въ Неву.

2. *Готской берегъ* (стр. 115) думаю, больше значить Шведскіе берега, нежели Готландѣ. Ибо въ послѣдующихъ словахъ говорится о Спокгольмѣ.

3. Какъ *ми и нами* (стр. 118) думаю значить: какъ *мы*, коихъ имена въ началѣ Граматы прописаны, такъ и *весь съ нами Новгородъ*.

4. *Спустили на зень что* (стр. 118), надобно чинать *спустили на зень чисто*. Ибо слово *что* подѣ шиплою и здѣсь значить *на чисто, сполна, безъ исключенія*; а *спустить на зень* фраза Новгородская. Въ Граматахъ, издаваемыхъ Н. Н. Банпышѣ-Каменскимъ по препорученію Графа Румянцева, въ I Части, неоднократно повшоряется: *изрѣзати прежнія Граматы и спустить на землю*, то есть уничтожишь и бросишь.

5. Стр. 115. Архіепископъ Алексій, хиронисанъ не изѣ монаховъ Софійскаго Собора,

(*) Ешо извѣстно Новгородцамъ.

при коемъ монаховъ никогда не считалось, а какъ сказано въ Новгородской Лѣтописи *изъ монаховъ Софійскаго дома*, что значить Архіепископова дома.

Московскія записки.

Юля 30 во вторникъ на здѣшнемъ публичномъ театрѣ, вмѣсто обѣщанной комедіи *Модной лавки* представлена была опера *Старинныя святки*. Въ первой увидѣли бы мы ежедневно видимыя на Большомъ театрѣ свѣща бездѣльничества Франуженки мадамы Каре и плушни Француза мусье Трише; во второй напрошивъ того неожиданно показали намъ любезную старину Москвы бѣлѣкаменной, жищье-быщье славныхъ боярѣ Русскихъ и свящощныя забавы цѣломудренныхъ дочерей ихъ и родственницѣ. Сія неожиданная перемѣна сдѣлана по случаю полученныхъ извѣстій объ одержанныхъ надъ злѣйшимъ сососаепомъ важныхъ побѣдахъ при Кобринѣ и при Кляшницахъ. Послѣ горячайшаго благодаренія по утру въ шощъ же день Господу Богу принесеннаго съ колѣнопреклоненіемъ во святомъ Его храмѣ, прияшно было ввечеру въ училищѣ нравовъ и мѣстѣ невинной забавы пролить радосшныя слезы въ честь знаменитыхъ защитниковъ Отечества. Воспѣшо величаніе ЦАРЮ АЛЕКСАНДРУ при полномъ хорѣ музыки съ трубами и лишаврами; потомъ г-жа Сандунова продолжала: *Слава храброму Генералу Торماسову, поразишему силы вражескія! Слава храброму Графу Витгенштейну,*

пораженіи силы вражескія! Слава храброму Кульневу, умершему за Отечество! По требованію восхищенной публики актриса повторяла величанье при всеобщемъ плескѣ. Незабвенныя имена Героевъ отзываются въ благодарномъ сердцѣ каждого Россіянина.

К.

IV. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Лиссабонъ, отъ 9 Іюня. Лордъ Веллингтонъ овладѣлъ Саламанкою. Неприятель укрѣпилъ сей городъ, построивъ разныя небольшія крѣпости; но онъ мало принесли ему пользы, частію по тому что худо были построены, а частію по тому что по онымъ можно было палишь съ возвышенныхъ мѣстъ. Маршалъ Мармонтъ, какъ уже извѣстно, опасаясь нападенія, съ главною своею кватширою удалился изъ Саламанки. Занятіе сего города союзными войсками можетъ произвести важныя послѣдствія, а именно: Провинціи Галлиція и Астурія освобождены будутъ отъ неприятеля совершенно; корпусъ Генерала Боннета и многіе другіе могутъ быть удобно ошрѣзаны, если заблаговременно не опешу-

пяты. Маршалъ Мармоннѣ приведенъ въ такое положеніе, что принужденъ будетъ вызывать обратно Сульша изъ Андалузїи.

(С. П. В.)

Оттуда же, 21 Іюня, н. ст. Здѣсь получены депеши Лорда Веллингтона изъ Саламанки отъ 18 числа сего мѣсяца. Французы отступили къ рѣкѣ Дуру, оставя по нѣскольку человекъ въ укрѣпленныхъ зданіяхъ для остановки въ скорой за ними погонѣ. Маршалъ Сульшъ и Генералъ Друетъ собрали все свои силы въ Севиллѣ и Кордовѣ. Они состоятъ изъ 18,000 человекъ пѣхоты, 3,600 конницы и 30 орудій. — По письмамъ изъ Кадикса, отъ 2 Іюня, извѣстились мы, что Англичане взяли близъ Барцелоны цѣлый транспортъ неприятельскій, изъ 50 мѣлкихъ судовъ состоявшій.

По полученнымъ вновь извѣстіямъ, Маршалъ Мармоннѣ отступилъ въ Торо, и прежде нежели оставилъ Саламанку, приказалъ истребить тамъ почти все коллегіи и лучшія зданія. Сей бесполезный и припомъ варварскій поступокъ доказываетъ, что онъ не имѣлъ уже надежды получить сей городъ опять въ свои руки. (Съв. П.)

Вичъ, отъ 2 Мая, н. ст. Вся Кастильонская армія собралась въ здѣшнемъ городѣ и состоитъ изъ 25,000 человекъ; думаютъ, что она имѣетъ въ виду важное предпріятіе.

(С. П. В.)

Изъ Лондона, отъ 10 Юля, н. ст. О послѣдовавшемъ 22 числа минувшаго мѣсяца испребленіи Англійскимъ кораблемъ Норшумберландомъ Французской эскадры у л'Оріана получены здѣсь подробнѣйшія извѣстія. Эскадра сія состояла изъ двухъ фрегатовъ, l'Agiane и l'Andromaque, изъ коихъ на каждомъ находилось по 44 пушки и по 450 человекъ экипажа, и одного восемнадцатипушечнаго брига со ста пятьюдесятью человекъ экипажа. Оба фрегата сіи и бригъ, послѣ долговременной по онимъ пальбы Норшумберланда, загорѣвшись, взорваны были на воздухъ; но экипажъ ихъ по близости берега успѣлъ еще прежде спастись на оный.

— Изъ Стокгольма пишушь, что г. Торншонъ торжественно признанъ тамъ въ качествѣ уполномоченнаго Министра Великобританіи, и что Датское правительство, принявъ мѣры дружелюбія въ отношеніи къ Швеціи, дало повелѣніе удовлетворить Шведскихъ подданныхъ за взятыя у нихъ призы.

Отъ 19 Юня, н. ст. По извѣстіямъ изъ Гибралтара, въ Капталоніи ожидаютъ прибытія эскадры Лорда Кохрана, которая по предложенному имъ въ нижнемъ Парламентѣ плану должна обезпокоивать непришеля съ береговъ.

— Вчера получены здѣсь извѣстія съ эскадры Сира Попгама, крейсирующей около сѣверныхъ береговъ Гишпаніи. Минувшаго мѣсяца 20 числа эскадра сія высадила у Леквито, небольшого города близъ мыса Махикако, отъ 3 до 400 человекъ своего экипажа, ко-

порый напавъ на находившійся тамъ Французскій гарнизонъ, разбилъ оный совершенно, овладѣлъ городомъ, истребилъ въ ономъ всѣ магазейны и взялъ въ плѣны 300 человекъ Французовъ, кои прибыли уже въ Парисмувъ.

(Съв. II.)

*

Отъ 19 Юня, н. ст. На сихъ дняхъ правительство наше получило отъ Лорда Веллингтона депешу о знаменитой Алмарецкой экспедиціи. Не возможно довольно выхвалять дарованія и мужества, съ каковыми сіе важное предпріятіе произведено въ дѣйство Генераломъ Гиллемъ и храбрыми его войсками; также превосходитъ всякую похвалу и то совершенное искусство, съ каковымъ Лордъ Веллингтонъ умѣетъ соображать военныя свои дѣйствія, такъ что оныя исполняются прежде, нежели неприятельскіе Генералы успѣютъ приготовиться къ сопротивленію онымъ. Сульта и Друетъ, узнавъ предварительно о движеніи войскъ Генерала Гилля, сами выступили въ походъ и положили напасъ на него 21го числа, въ превосходнѣйшихъ силахъ; но Генералъ Гилль въ сіе время уже возвращался въ Труксилло, исполнивъ за два дня предвѣщѣмъ съ совершеннѣйшимъ успѣхомъ сдѣланное ему отъ главнаго начальника порученіе. Симвъ знаменитымъ подвигомъ пресѣкъ онъ самое удобнѣйшее и кратчайшее сообщеніе между арміями Мармонша и Сульта, и неприятелю нанесъ величайшій вредъ. Мармонтъ принужденъ былъ подвинуться къ рѣкѣ Тагу.

По извѣстіямъ изъ Лиссабона, отъ 1го Юня, многіе Генералы и начальники разныхъ

отрядовъ Испанскихъ войскъ продолжаютъ военныя дѣйствія свои съ великимъ успѣхомъ. Храбрый Мина, за нѣсколько предъ симъ недѣль переезжавшій богатой непріятельской конвой по дорогѣ въ Вѣнспанію, недавно опять отбилъ другой обозъ въ трехъ миляхъ отъ Саррагоссы, цѣною на одиннадцать милліоновъ реаловъ, и взялъ въ плѣнъ 2500 человекъ. Баронъ д'Еролесъ имѣлъ въ Каталоніи кровавое сраженіе съ непріятельскимъ корпусомъ изъ 4,000 человекъ, и разбилъ его совершенно; при чемъ и самъ онъ потерялъ около 1200 человекъ убитыми и ранеными.

Отъ 26 Іюня, н. ст. За храбрость, оказанную вторымъ баталіономъ 47 го полку при защищеніи Тарифы, Его Королевское Высочество Принцъ Регентъ нащѣ соизволилъ подтвердить именемъ Короля, чтобы имя *Тарифы* было написано на всѣхъ знаменахъ сего полка.

— По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Франціи, въ нѣкоторыхъ городахъ оныя происходило недавно возмущеніе въ народѣ на причинѣ чрезмѣрной дороговизны хлѣба. Въ Брешани цѣна на оный возвысилась отъ чепырехъ до пятнадцати су за фунтъ. Поселяне боясь привозить въ города произведенія свои, да шому что весь хлѣбъ въ зернахъ, который привезенъ былъ 5 числа сего мѣсяца въ Морль на продажу, разграбленъ народомъ. Для прекращенія происшедшаго при семъ случаѣ смущенія надлежало употребить войска.

По извѣстіямъ изъ Гошенбурга отъ 16 го Іюня, Шведскіе крейсера въ шеченіи шести

дней взяли пять Французскихъ корсеровъ, вышедшихъ изъ Данцига и Копенгагена; на одномъ изъ нихъ было 16 пушекъ и 130 человекъ, а на другомъ 12 пушекъ и 80 человекъ экипажа.

Здѣсь получены изъ разныхъ мѣстъ извѣстія, что Французскія войска въ Польшѣ ежедневно теряютъ множество солдатъ, какъ отъ частыхъ побѣговъ, такъ отъ болѣзней и отъ недоспашка собственныхъ припасовъ.

Французскіе журналы наблюдаютъ еще и понынѣ глубокое молчаніе о взятіи Бадайоза, равно какъ о военныхъ дѣйствіяхъ Мармонша и Сульта; напрошивъ шого съ величайшею подробностію рассказываютъ они о весьма старыхъ и маловажныхъ ошибкахъ, происшедшихъ между форпосами при Ебро.

Отъ 23 Іюня, н. ст. Генераль-Лейтенантъ Гилль въ депешѣ своей къ Лорду Веллингтону изъ Труксилло, отъ 21 го Мая, уведомляетъ, что всѣ укрѣпленія, сдѣланныя непріятелемъ въ Алмарецѣ, истреблены совершенно отрядомъ его войскъ, который 12 го числа выступилъ изъ Алмендралейо; при чемъ взято въ плѣнъ 250 человекъ и великое множество военныхъ припасовъ. (С. П. В.)

Отъ 1 Іюля, н. ст. Здѣсь получено извѣстіе, что Сирю Кошону удалось отрѣзать и взять четыре линейныхъ корабля изъ находящагося въ Тулонѣ Французскаго флота. Въ числѣ взятыхъ при семъ случаѣ въ плѣнъ Французовъ находилса Комиръ-Адмираль Тракенъ-Гарриеръ.

Отъ 3 Июля, н. ст. Изъ донесеній Генерала Росса значить, что онъ, обще съ Капитаномъ корабля Invincible и Генераломъ Одонелемъ, главнокомандующимъ арміею Гишпанскою въ Мурціи, произвели въ дѣйство весьма удачное предпріятіе противъ *Алжейры*. Городъ сей былъ взятъ, и цитадель Сентъ-Ельмъ взорвана на воздухъ. Артиллерія и множество снарядовъ вывезены въ Каррагену. Жители приняли союзныя войска съ величайшею радостію. (Съв. П.)

*

Вѣсти, отъ 17 Июня, н. ст. Въ сегодняшнихъ вѣдомостяхъ содержится между прочимъ слѣдующее: „Марта 14 дня сего года заключенъ между обоими Императорскими дворами, Австрійскимъ и Французскимъ, оборонительный союзный трактатъ и подписанъ въ Парижѣ уполномоченными обѣихъ сторонъ. Сей трактатъ ратификованъ Императоромъ Наполеономъ въ Парижѣ 15, а Императоромъ Австрійскимъ 25 Марта сего года.“

Преждебывшій Король Голландскій имѣлъ пребываніе свое близъ Греца и употреблялъ шамошнія цѣлебныя воды, которыя весьма полезны для его здоровья. слѣдовательно распространившійся слухъ о смерти его неоснователенъ.

Юсуфъ Аггагъ Еффенди, родомъ изъ Морей, получилъ отъ Султана позволеніе отправиться на сей островъ, и донесли Его Величеству о причинѣ происходящихъ тамъ безпокойствъ и о средствахъ къ прекращенію оныхъ. (С. П. В.)

*

Изъ Пресбурга, отъ 15 Іюня, н. ст.
Здѣсь получено извѣстіе, что по выходѣ Баварскихъ войскъ изъ Тироля произошло новое возмущеніе между тамошними жителями.
(Сжв. П.)

✱

Минхенъ, отъ 16 Іюня, н. ст. Генералъ, Графъ Минуци, начальствовавшій надъ одною бригадою дивизіи Генерала Графа Вреде, возвращается, по причинѣ слабаго своего здоровья, въ Баварію. Слухъ носится, что Генералу Вреде поручено будетъ начальство надъ всею Баварскою арміею.

✱

Варшава, отъ 11 Іюня, н. ст. Сего мѣсяца 5 числа прибылъ сюда Архіепископъ Мехельнскій, назначенный Посланникомъ въ Варшаву: — Къ 15 числу Іюня созванъ чрезвычайный Государственный Сеймъ. (С. П. В.)

✱

Изъ Стокгольма, отъ 20 Іюля, н. ст.
Изъ Штетина пишутъ, что тамъ ежедневно получаютъ извѣстія, какъ Французскія войска поступаютъ съ жителями Пруссіи. Французы, нынѣшніе союзники Прусаковъ, принудили въ окрестностяхъ Кенигсберга крестьянъ возить на себѣ обозы съ провіантомъ, за недостаткомъ лошадей. Сказываютъ, что двое крестьянъ повѣшены за то, что не могли дать Французамъ того, чего они требовали, и что у сихъ несчастныхъ крестьянъ и не было.

✱

Изъ Бостона, отъ 6 Іюня, н. ст. Мы ожидаемъ здѣсь со дня на день объявленія отъ насъ войны Великобританіи. По нынѣшнему состоянію сей страны вообще, и по со-

вершенному отвращенію всѣхъ классовъ народа отъ таковаго предпріятія, здравый разумъ долженъ ввалъ бы склонять къ прошивному; но личныя выгоды, пристрастіе и частныя раздоры управляютъ теперь участію Соединенныхъ Областей. Мы утѣшаемся только тою мыслию, что война, хотя бы и дѣйствительно началась, не можетъ однако быть продолжительна; ибо при первыхъ же выборахъ виновникъ сей войны лишится непременно своихъ мѣстъ. (Съв. П.)

Изъ Або, отъ 12 Іюля. Здѣсь получено достоверное извѣстіе о заключеніи мира между Россією и Англією. Съ часу на часъ ожидаемъ мы официального сему подтвержденія.

Отъ 17 Іюля. Мы получили здѣсь изъ Стокгольма партикулярное извѣстіе, что мирный трактатъ между Англією и Швецією подписанъ. Сказываютъ, что въ Швеціи на многіе корабли наложено временное амбарго, съ тѣмъ чтобы на нихъ отправивъ высадныя войска прошивъ Французовъ.

(Съв. П.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 16. АВГУСТЪ 1812.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ Д. А. Остафьеву.

Semper ego auditor tantum, nunquamne geropam?
Juvenal.

Остафьевъ! какъ давно съ побою я раз-
стался!

Въ свободѣ, въ тишинѣ ты украшалъ свой
кругъ;

Ты былъ у пристани, въ спокойствіи, мой другъ!

А я? — рабъ случая, я спранныкъ, я скипался...

Въ Петрополѣ, въ Москвѣ попеременно жилъ:

Собраній, клубовъ членъ, — какъ будто свѣту
нужной, —

Казался иногда въ толпѣ, всегда досужной,

И богу праздности повременно служилъ.

Нерѣдко долженъ былъ, какъ гражданинъ по-
корной,

Обряду жертвовать свободой, простотою,

Отъ цѣли уклонясь природы благошворной,

Покая нещадишь, стремишься — за мечшой...

Твой подвигъ совершенъ. Подъ сельскимъ,
мирнымъ кровомъ,
Всегда въ довольствіи, всегда въ весельи новомъ,
Природы вѣрной сынъ, ты тихо дни ведешь,
Съ людьми нессоришься, о мѣнѣхъ небрежешь;
Знакомство съ дуракомъ ты честию не считаешь,
Не собираешь въ домъ сіятельныхъ невѣждъ,
О ссорахъ авпоровъ лишь по журналамъ знаешь;
Пустыхъ желаній нѣтъ и мѣлъ пустыхъ на-
деждъ.

Какъ счастливъ жребій твой! Умѣреннымъ
довольной,

Не ищешь почести — сей скуки добровольной,
Ни блеска ложнаго, ни суевныхъ похвалъ!

Примѣрами другихъ ты истину позналъ:
Что почестъ безъ заслугъ — не честь, а по-
срамленье;

Что мудрость, мужество, рѣшимость, правота
Едини для гражданъ права на возвышенье.

Небъдишь величать ты знамяго шума,
Которой безъ ума, безъ правилъ и безъ знанья,
Лишь славенъ по тому, что домъ его высокъ,
Что плашитъ дорого дѣшецамъ за восклицанья.
„Философъ онъ, Поешь, въ художествахъ зна-
шокъ!“

Трапезники его всѣдневно возглашаютъ; —
Мы слушаемъ ихъ должны; а въ Инкии (*)
у васъ

И даже имени великаго не знаютъ. —
На Волжскихъ берегахъ не слышишь, какъ у насъ
Здѣсь внучекъ бабушкинъ, и дядюшкинъ пле-
мянникъ,
Лишь Русской именемъ, лишь званьемъ дво-
рянинъ,

(*) Селеніе Д. А. О.

Французской ученикъ, въ судилищѣ посадникъ,
Вершишь дѣла гражданъ какъ чуждой граж-
данинъ.

Безпечна жизнь твоя! То воспѣваешь съ лирой,
И дружбу нѣжную и сельски красоты;
То пишешь кистью любимыя черны —

Чего желаешь себѣ съ природою, съ Темирой?
А здѣсь — вельможѣ соборъ . . . Невидишь у
крыльца

Иному какъ Поетъ стихи свои подносишь;
Не видишь томного и блѣднаго лица,
Съ какимъ смиренно онъ себѣ мѣспечка про-
ситъ;

Того не слышишь, какъ съ нахмуреннымъ че-
ломъ

Иныя матушки, въ осеннюю погоду,
На балахъ, ввечеру, поносятъ свѣтъ, природу,
Что мало жениховъ, а дочекъ полно дѣвѣ,
Которы съ дѣтскихъ лѣтъ все наизусть чи-
тали,

Умѣли правиться, умѣли въ свѣтѣ жить.
„За чѣмъ, шакъ рѣчь ведушь, за чѣмъ мы
потеряли

„И деньги и покой, желая ихъ учить?

„Учили танцовашь — не въ модѣ танцованье;

„Мы учимъ языкамъ, какимъ лишь захомятъ —

„А нынѣ Русскіе порусски говорятъ!

„Напрасны всѣ труды! нѣтъ пользы въ вос-
питаньи!

„Вѣкъ философіи, вѣкъ мудрости насталъ:

„Тотъ книги издаешь, тотъ много ихъ чи-
талъ;

„Зимой собираются въ ученыя бесѣды!

„Съ весны живущъ въ лѣсахъ — бульваръ оси-
ротѣлъ,

„Пустыня на прудахъ, въ саду — одна сесѣда.

„Кто ввелъ такую жизнь, шотъ насъ не по-
жалѣлъ!“

Такъ шепчуть машушки. Несчастливая ихъ доля!
Какъ будто имъ дана родительская воля
На то лишь, чшобъ дѣшеи невинныхъ заста-
влять

Рости въ невѣжествѣ, и вопреки природѣ,
По модѣ дѣйствовать и чувствовать по модѣ;
Чшобъ заглушать въ нихъ смыслъ, и даже
умерщвлять

Обрядомъ, навкомъ, болшаньемъ принужден-
нымъ

Въ нихъ чувства высшя — удѣлъ цвѣтущихъ
лѣтъ,

Незамѣняемый ни саномъ возвышеннымъ,

Ни блескомъ суетнымъ, прельщающими свѣтъ.

Рабы ничтожные молвы, предразсужденья...

Ихъ жизнь, мой другъ, не жизнь, а дѣлый
вѣкъ забвенья.

— И такъ рѣшился я безъ лести говорить.

Знашь шанцы, языки не есть образованье.
Но чувства, нравы, умъ . . . . вотъ прямо
воспитанье!

Лишь сердцемъ можемъ мы путь къ счастью
находить.

Не слишки золоша, награда дѣлъ случайныхъ,

Не шкани дивныя, не перлъ заморскихъ нишъ,

Не шаль Персидская, сборъ камней чрезвы-
чайныхъ,

Не цѣпи модныя, не блески, ковань, битья,

Не шушки бѣкія, не чувства опшужденье —

Но скромность, тихій нравъ, невинность,
простоша,

Любезность крошкя — вотъ дѣвы украшенье;

Безъ нихъ, все жершва чувствъ, блескъ лож-
ный, суета.

Мой другъ! не слышишь ты, на самыхъ
пѣхъ же балахъ,
Какъ ранніе пшеницы, недавно съ помочей,
Въ нарядѣ шуповскомъ, при налиныхъ бока-
лахъ,
Цѣнятъ правленіе, достоинства людей;
Съ улыбкой гордою, имѣя видъ надмѣнный,
Дѣламъ несбыточнымъ похвальну пѣснь поюшь;
Лорнетомъ, какъ жезломъ, рѣшаешь судьбу
вселенной

И будущимъ вѣкамъ событія даюшь. —
Полицикъ, Философъ! не будьте слишкомъ
строги!

Се напѣи Колберты! ученье важно ихъ!
Всѣ знаютъ наизусть газеты, каталоги
И даже имена писателей иныхъ, —
Ахъ! способъ умнымъ бытъ пѣмъ лучше, чѣмъ
простѣ.

А кто изъ дураковъ невѣждъ не находилъ —
Другаго дурака, себя еще глупѣе,
И славнымъ мудрецомъ по дружбѣ не прослылъ?

Но еслибъ видѣлъ ты Парнасса возмущенье!
Большая, сильна рать Славянъ, Аншиславянъ:
Тамъ нѣжный пастушокъ, здѣсь древній Россъ,
Боянъ —

Во храмѣ чистыхъ дѣвъ ужасно ополченье:
Одинъ все Русское возноситъ, все свое;
Французовъ, Нѣмцовъ шопъ всему предпочи-
таешь;

Другой надмѣнно гласъ свой тако возвышаетъ:
„Никто противъ меня! се мнѣніе мое!“
Въ словесности у насъ большая перемѣна!
Поемы, оды здѣсь безъ чувства, безъ стиховъ;
Здѣсь плачетъ Таія, смѣется Мальмомена,
Поемы славятся однимъ наборомъ словъ. —

— Иные, изстари, съ достойной цѣлью,
умной,
Рѣшились, не спросясь, въ поезіи служить:
Исющѣ кометы, сны, иль неба цвѣтъ лазурной,
И славу щедростью надбюется купить.
На что имъ опыты и даръ и прилѣжанье?
Имъ безъ чего сулящѣ безсмертіе друзья.
Невѣжесно — ихъ щипъ, размѣръ стиховъ
ихъ знанье,
Ихъ цѣль невинна — сказать: *Поетъ и я!*...

Иной бардъ Сѣвера, любитель пѣснопѣній,
Врагъ вкуса, правилъ врагъ, предметъ вели-
кихъ цѣнъ,
Какъ будто уставщикъ даетъ уставъ цѣвцамъ,
Бранитъ ихъ, сердится, кричитъ на нихъ —
а самъ?

Поетъ нечаянный! отъ ранней колыбели
До поздней сѣдины, ни дудки, ни свирѣли,
Ни въ зорю упренную, ни въ полдень небираль,
И разность между флейщѣ съ охотными рогами,
Какъ спопъ сложенія съ размѣрными стихами,
По многимъ опытамъ лишь въ старости узналъ.

А шамъ другой Поетъ и Журналистъ
слезливой,
Писатель *сахарной*, издатель перифливой,
Несчастной сирота! вздыхая каждый часъ,
Воспоминаній, слезъ весь истощилъ запасъ;
Потомъ, обѣхавъ край и дальній и унылой,
Съ слезаминовыми изволилъ пушь свершить,
И на поляхъ родныхъ съ шерпѣнемъ, съ новой
силой,
Онъ снова принялся чашателей помить. —

Иные въ скопищахъ всеобщими трудами
Бранящѣ весь бѣлой свѣтъ и прозой и стихами,

Стремясь страшные удары шбмб нацесъ ,
Которые и брань себѣ вмбняютъ въ честь ;
Стремясь на невѣждѣ и , шакѣ сказать , за-
вѣшныхъ ,
Ученыхъ безъ наукъ , Поеповъ безотвѣстныхъ ;
Сапиры , псквили шамъ льются какъ рѣкой ,
Но въ томъ словесности нѣтъ пользы никакой .
Въ однихъ призрашье , въ другихъ ожесто-
ченье ,
Въ томъ зависть , въ томъ корысть , въ шѣхъ
духа униженье ;
Въ иныхъ . . . но , милой другѣ ! ихъ жребій —
въ Лешу плышь .
Бранишься всѣмъ легко — полезнымъ прудно
бышь .

Поезія ! ты даръ , намъ небомъ вдохновен-
ный !
Тебяль упошребляшь во зло пипомцамъ Музъ ?
На по-ль внушеніе фанпазіи священной ,
Чтобъ разрывать святой намъ дружества
союзъ ?
Поезія должна бышь жизни услажденье ,
Въ насѣ нѣжишь чувства , вкусъ , умъ съ серд-
цемъ соглашашъ ,
Должна зланишь мечты , надежды , обольщенье ,
Длишь юность нашихъ дней и душу возвы-
шашъ ! . . .

Гдѣ бранные стихи Горданія ? забышы .
Гдѣ дерзкой Галбиснѣ , всеобщій врагъ оп-
крышый ?
Ахъ ! Леша глубока — до времени поетѣ . . .
Но гений истинной въ потомствѣ неумретѣ .

О доброй , милой другѣ ! о Инкской обима-
шель !
Поезіи , наукъ , природы обожашель !

О многомъ бы тебѣ я могъ еще сказать,
И могъ бы обратишь на многое вниманье —
Довольно! — не хочу я духъ твой возмущать. —
А если уменьшилъ твое очарованье
Разказомъ дивныхъ дѣлъ, давно извѣстныхъ
намъ,

(Да зло столичное недостигаетъ къ вамъ!)
Не сбшуй, милой другъ! я упомяну пер-
пѣньемъ.

И сердцу вопреки, съ великимъ сожалѣньемъ,
Рѣшился наконецъ я правду говорить,
А истины бывъ рабъ, я могъ ли все хвалить?..

Живи же, милой другъ! въ юдоли безмя-
тежной,

Люби отчизны край и сельской свой удѣлъ.
Разливы рѣкъ весной, зимою горы снѣжны
Да скроютъ отъ тебя щещу всѣхъ нашихъ
дѣлъ!

Да сохранишь тебя твое уединенье;

И степи дальнія, дремучіе лѣса,

И утро ясное, и вечера краса

Отъ славы суетной — душевнаго помненья!

Нельстись, мой милой другъ! народною молвой,

Мы всѣ уравнены — доскою гробовой:

И мирной селянинъ и міра повелитель,

Пустычникъ въ шалашѣ — роскошной Сибаритъ

И ратникъ рядовой и раши предводитель —

Всѣмъ неминуемъ путь ко гробу предлежитъ!

Остафьевъ! руку дай! среди мірскихъ
волнень

Да жизни скользкій путь достойно перейдемъ!

Не будемъ жертвою минушнихъ обольщеній —

Да счастье въ себѣ и въ дружествѣ найдемъ!

Н. Н.

Іюня 9 дня 1812.

Москва.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ Испанской словесности.

Испанская словесность имѣла два несчастія : великіе писатели ея, образуюсь по сочиненіямъ Испаліянцовъ, почти совсѣмъ потеряли собственную свой характеръ; они блистали въ такое время, когда только учили ихъ могли судить объ ихъ успѣхахъ. Шестнадцатое столѣтіе было въкомъ ихъ славы; Англія, Франція и Германія тогда не имѣли еще собственной своей словесности и не занимались чужою. Испаліянцы гордились образцовыми своими твореніями, и даже не хотѣли думать, чтобы за предѣлами отечества можно было найти хорошія сочиненія; они пренебрегали рабскія подражанія. Когда въ царствованіе Лудовика XIII начались политическія и частныя сношенія между Франціею и Испаніею; тогда опущена уже Испанская словесность; вкусъ совершенно испортился; необычныя мысли Лопеца де Веги и Калдерона наиболѣе нравились читателямъ; жеманство и уро-

дливые вымыслы появились во всѣхъ родахъ стихотворства. Сею язвою заразилась и Французская словесность. Она была виною, что Корнель иногда тонялся за острими словами и становился на ходули, дабы казаться великимъ. Французскіе писатели семнадцатаго вѣка весьма не уважали Испанской словесности; и поелику съ того времени Испанія слабо принимала участіе въ ходѣ ума человѣческаго, то и сама она пришла въ забвеніе. Народы, ошъ вопорыхъ она совершенно опдѣлилась, совсѣмъ недумали о памяшникахъ ея славы. Теперь они вопрошаютъ: въ чемъ состоишъ Испанская словесность? чѣмъ она опличается ошъ другихъ? чѣмъ она можешъ хвалишся, и какое имѣешъ право на уваженіе иноспранныхъ?

Ежели изслѣдованіе сихъ вопросовъ не послужишъ въ чеспи Пиренейскаго полуострова; то оно по крайней мѣрѣ будешъ занимашельно по своей новоспи. Мы должны почишашъ себя счастливыми, спупивши на пущь, не для многихъ извѣспный, и опкрывши землю, хошя безплодную, но еще не описанную прилѣжными наблюдателями. Опважные пушешеспенники опспавляютъ свое опечеспво и опсправляютъ опспыскивашъ среди пущь неизвѣспную шравку, или звѣзду на другой половинѣ

неба; почему же намъ спрашиваться шѣхъ предпріяній, на какія споль часто держаютъ бошаникѣ, физикѣ, геологѣ? Обозрѣвая сію оставленную въ небреженіи часть поля, копорая нѣкогда была возблываема разумомъ чловѣческимъ, неимѣемъ ли права надѣяться, что и мы можемъ опкрыть споль же любопытныя вещи, какія на примѣрѣ находятъ подѣ Экваторомъ или при Полюсахъ? И по чему наблюденіе дѣлаемое надѣ словесностію Европейскаго народа не доставило бы намъ споль же богатыхъ свѣдѣній, какѣ разсмаприваніе слоевъ горы или какого нибудь распѣтія въ странахъ опдаленныхъ?

Недавно вышла въ свѣтъ книжка на Французскомъ языкѣ: *Опытъ объ Испанской словесности*. Сіе сочиненіе, впрочемъ весьма недоспапочное, служило въ крайней мѣрѣ къ возбужденію вниманія и къ показанію дороги. Оно писано наскоро, расположено худо, болѣе наполнено словами нежели мыслями; но въ немъ содержится всеобщее обозрѣніе Испанской словесности, и оно знакомило чипашеля съ именами и временемъ жизни главнѣйшихъ лицъ. Можетъ быть кто нибудь спанетъ продолжая и съ лучшимъ успѣхомъ окончить сіе начатое дѣло.

Въ принадлежаномъ вѣкѣ въ Испаніи было пять упошребительныхъ нарѣчій, а именно: Каспильское, Лимузинское, Португальское, Галиціанское и Бискайское. Римляне, Готфы, Арабы, Евреи, одни по слѣ другихъ, подвергали народъ Испанской своему вліянью, и вводили въ языкъ его новыя перемѣны. Въ концѣ 14го столѣтія, Іоаннъ I, Король Арагонскій, посылалъ во Францію депушатовъ просить ошъ Тулузскаго Общества совѣтовъ и наставленій, какимъ образомъ ввести Изящныя Науки, въ его владѣніяхъ. Прощеніе было принято съ надлежащею почестію — и двое изъ первыхъ членовъ Общества побѣхали въ Барселлону, гдѣ и основали Академію *Трубадуровъ*.

Трубадуры, будучи въ милости у двора и любимы народомъ, дали въ Испаніи такое же направленіе Словесности, какое имѣла она въ Провансѣ, Лангедокѣ и вездѣ, гдѣ только вельможи и знашныя госпожи охотно слушали нѣжныя пѣсенки. Монархи награждали отличныя дарованія; стихотворцы имѣли право пѣшь стихи свои публично; дворянство занималось поэзіей, и самые Государи не считали изящныхъ наукъ ниже своего достоинства. Донъ Генрихъ, Маркизъ Виллена и его конющій Маціасъ, по видимому были славнѣй-

ними пѣвцами сего любовнаго вѣка; первой изъ нихъ перевелъ *Виргилія* и *Данша*, и сочинилъ книгу подъ заглавїемъ: *Изящная наука*. Епо полной курсъ поэзіи и краснорѣчїя; сверхъ того въ семъ сочиненїи описаны всѣ обряды, наблюдаемые Трубадурами при ихъ публичныхъ засѣданїяхъ. Проведши при дворѣ жизнь, среди успѣховъ и непрїятностей честлюбїя, Маркизъ *Виллена* удалился въ свои помѣстья наслаждаться невозмущаемыми удовольствїями; удѣломъ людей богатыхъ. Напрошивъ того *Маціасъ* былъ человекъ бѣдный и въ добавокъ еще стихотворецъ несчастной; онъ любилъ одну благородную дѣвицу въ домѣ Маркиза, которой отдалъ ее въ замужство за нѣкопорого дворянина; любовники непрекращали своихъ свиданїй; супругъ пожаловался *Генрику*, и бѣдный конюшїй посаженъ въ шенїцу. Онъ рѣшился воспѣвать свою любовницу, которой не могъ уже видѣть. Ревнивой супругъ, сїоя подъ окномъ, слушалъ нѣжные пѣсни; наконецъ потерпѣвъ терпѣнїе, пустилъ копье сквозь рѣшетку и пронзилъ имъ сердце своего совѣспника въ ту самую минушу, когда *Маціасъ* произносилъ имя возлюбленной. Несчастный конюшїй погребенъ въ часовнѣ замка; ему воздвигли гробницу, надъ которою повѣшено смертоносное копье съ надписью:

Какъ несчастливъ я! Сіе кольцо не было въ меня со стѣны брошено, не пронзило меня среди битвы кровавой; но Амуръ въроломный и жестокий, видя мою безпечность, поразилъ меня имъ печально. Увы! я расстался съ жизнью, не познавши веселія.

Кромѣ сихъ гореспныхъ и нѣжныхъ воспоминаній Маціасъ оставилъ по себѣ пѣсенки, достойныя совершеннаго Трубадура. Вотъ два куплета, исполненныя прищности:

*Y el gentil nino Narciso,
En una fuente Gayado, etc etc.*

„Нарциссъ, прекрасное дитя, глядѣвшисъ въ ручеекъ, влюбилсѣ самъ въ себя, и принялъ смерпъ горькую. О пы! съ плѣняющей улыбкою, съ прелестнымъ лицомъ красавица, не взглядывай въ ручей прекрасными своими глазами.“

„Желая тебѣ долгой жизни, дамъ еще другой совѣтъ полезной: не смотри и въ зеркало на лице свое любезное; пы не захочешъ съ нимъ распахъся, и умрешъ подобно бѣдному Нарцису!“

Спихошворецъ опѣ современниковъ своихъ прозанъ *el Epitafio Macias* влюбленнымъ Маціасомъ.

Бракъ Фердинанда V, Короля Арагонскаго, съ Изабеллою, Королевою Кастильскою, соединившій двѣ короны; былъ несчастнымъ происшествіемъ для Музы Трубадуровъ. Кашалонцы и Арагонцы должны были принять языкъ Кастиліи, когда вліяніе сего Королевства сдѣлалось сильнѣйшимъ . . . Въ концѣ 15го вѣка открытіе Новаго свѣта придало такой блескъ оружію Кастильцевъ и вознесло языкъ ихъ до такой степени, что онъ заштилъ всѣ нарѣчія, иногда бывшія съ нимъ въ соперничествѣ.

Слѣдственно въ Кастиліи должно искать начала и успѣховъ Испанской словесности. Первое образованіе оной не имѣло постояннаго хода. Восточная поэзія и стихотворство Трубадуровъ, рыцарскіе подвиги Карла Великаго и его соудруговъ, и крестовые походы имѣли на сей народъ переменное вліяніе, иногда сильное, иногда слабое. Исторія стихотворства Кастильскаго со всѣми его переменами раздѣлена быть можетъ на четыре главные періода. Первой содержимъ въ себѣ около трехъ вѣковъ, отъ самаго начала оной до царствованія Іоанна II; второй, отъ Іоанна II до Карла V, занимаетъ весь пятнадцатый вѣкъ; третій заключаетъ въ себѣ около 150 лѣтъ, отъ Карла V до царствованія Филиппа IV; послѣдній же простирается отъ половины

щринадцатаго столѣтїя до нашихъ временъ. Разсмотримъ кратко сїи эпохи. Древнѣйшимъ памятникомъ Наспильской поэзіи почитается стихотворный разсказъ приключеній знаменищаго Дона Родрига Бивара, называемаго вообще *El Cid Campeador*. Поема сїя содержитъ повелѣніе о ссылкѣ; объявленной Циду Королемъ Альфонсомъ VI; опытіе изгнанника; описаніе опечесва его, перѣздъ его черезъ Бургосъ, его дѣянїя, побѣды; наконецъ примиренїе съ Государемъ.

Просто сказать, епо древняя повѣсть, не представляющая ничего пїишическаго. Въ стихахъ не соблюдено количества словъ; рифмъ почти нигдѣ невидно; простога повѣствованїя иногда имѣетъ какую то особую прїятность, которая происходитъ однакожь отъ содержанїя, а не отъ стихотворства. Въ доказательство довольно приведемъ описаніе вѣзда Цидова въ Бургосъ: картина вѣрная и прѣгащельная:

Mío Cid³ Ruy Diaz por Burgos entraba, etc.

„Мой Цидъ Руй Дїазъ вступилъ въ Бургосъ, окруженный шестьюдесятью знаменами; мушцины и женщины вышли смотрѣть на него; жипели шѣснились въ окнахъ; они были пронупы до слезъ и восклицали единоголасно: Боже! если бы у сего добраго под-

даннаго былъ Государь доброй! Всѣ хотѣли пригласить его къ себѣ; но никто не отваживался, боясь гнѣва Королевскаго. По захожденіи солнца прибылъ въ Бургосъ вѣстникъ отъ Алфонса съ письмомъ, крѣпко запечатаннымъ. Въ немъ находилось строгое запрещеніе жителямъ давать убѣжище моему Циду Рум Діазу, подѣ опасеніемъ лишиться имѣнія, глазъ и самой жизни. Всѣ христіане горевали; но не смѣя говорить къ моему Циду, отврашили взоръ, дабы скрыть удивленіе свое и слезы.“

Каспильское нарѣчіе было весьма еще далеко отъ совершенства и слѣдственно неготово къ тому что у насъ теперь называется поэзіею; долгое время оно ничего не производило кромѣ рыцарскихъ и баснословныхъ романсовъ, пѣсенекъ и повѣстей стихотворныхъ. Алфонсъ X, прозванный Мудрымъ, прежде всѣхъ началъ обрабатывать языкъ ученый. Онъ приказалъ сочинить извѣстныя астрономическія таблицы, называемыя Алфонсовыми по его имени, и хранящіяся нынѣ въ Севильской соборной церкви. Сей Государь усовершенствовалъ Испанской кодексъ, называемый *Las Siete partidas*, потому что онъ раздѣленъ на 7 частей; соотвѣтствующихъ семи буквамъ, составляющимъ имя Алфонса. Онъ ввелъ природный языкъ во всѣ судебныя дѣла и

публичныя письма. По его велѣнію перевѣдена *Библия* на Каспильской языкѣ и дополнена объяснительными примѣчаніями: Онѣ приказалъ сославить *Всеобщую Исламскую Лѣтопись*, также *Исторію покоренія Палестины*, по руководству Вильгельма Тирскаго; наконецъ, желая испытать общенныя силы свои въ знаніи языка, обѣ усовершенствованіи коего сполько самѣ старался, онѣ сочинилъ многія книги, и между прочимъ *Поему или Разсужденіе о философскомъ камнѣ*, коего былъ онѣ обладателемъ — такъ по крайней мѣрѣ думалъ сей Король Каспильскій. Но вліяніе Алфонса на опечесивенную поэзію было не очень сильно; еще неприспѣло для нее время, да и самѣ Алфонсѣ не имѣлъ стихотворческаго воображенія. Принцѣ Донѣ Жуанѣ Мануилѣ, двоюродный братѣ его, лучше умѣлъ пользоваться общепольствами своего вѣка: прославляясь побѣдами надѣ Маврами и приверженностію къ Государю, сей Князь храбрыми своими подвигами показалъ доблести рыцаря, а сочиненіемъ *Графа Люканора* (*El conde Lucanor*) дарованія писателя. Графѣ Люканорѣ естѣ владѣтель сильный, но весьма слабоумный; не будучи въ состояніи выпуститься изъ шѣсныхъ общепольствѣ, онѣ безпрестанно пребываетъ совѣща у одного изъ своихъ Министровѣ (*Consejero*);

И Министръ на всякой вопросъ отвѣчаетъ ему сказочкою или басенькою, заключающею въ себѣ оспрошу, или содержащею въ себѣ какую нибудь мысль нравоучительную, на примѣръ :

„Кто совѣщаетъ тебѣ скриваться отъ друзей; тотъ хочетъ обмануть тебя безъ свидѣтелей.“

„Не подвергай опасности своего богатства по совѣту бѣдняка.“

„Кто хвалитъ въ тебѣ то, чего ты не имѣешь; тотъ хочетъ опинять у тебя то, что имѣешь.“

Не то же ли говоритъ Лафоншень ворону ?

*C'est ainsi que tout flatteur
Vit aux dépens de celui qui l'écoute.*

Одинъ изъ духовныхъ, Жуанъ Рюшъ, главный священникъ Гипсвій, хотѣлъ заслужить себѣ имя стихотворца; но не имѣлъ въ помѣ удачи: онъ сочинилъ аллегорическую поему, коея герои *Масленица* и *Великой постъ* ведутъ брань между собою. *Масленица*, пораженная *первою середою*, лежитъ безъ памяти на улицѣ до спрашной недѣли; пришедши въ чувство, она является снова на поприщѣ брани, и вызываетъ неприятеля своего на

поединокъ чрезъ посредство *Дона Заватрыка*, назначая Свѣшное Воскресенье днемъ сраженія. *Великой постъ* говоришь, что не намѣренъ вступать въ дѣло съ побѣжденнымъ неприятелемъ; но въ самомъ дѣлѣ чувствуешь свое безсиліе, за неимѣніемъ рыбы для укрѣпленія своего тѣла, хочешь выиграть время, и назначаетъ Іерусалимъ мѣстомъ свиданія. По сей причинѣ надѣваетъ на себя спранныческую одежду и уходитъ въ великую Субботу. Тутъ являющіяся на земли два сильные Государя *Донъ Плоть* и *Донъ Любовь* и проч. и проч.

Довольно для примѣра; *ex ungue discet leonet*. Главный священникъ Гипскій былъ главнымъ спихопворцемъ своего вѣка, и сей вѣкъ болѣе знаменитъ безчисленнымъ множествомъ хроникъ нежели спихопвореніями.

Опъ Іоанна II, восшедшаго на престолъ въ 1407 году, начинается *второй вѣкъ* Испанской словесности. Сей Государь любилъ науки; писатели тогдашняго времени сравниваютъ дворъ его со дворомъ Аполлоновымъ; и царствованіе его представляется можетъ быть единственное явленіе въ Исторіи. Кастильская Монархія колебалась на своемъ основаніи; въ послѣднее десятилѣтіе четырнадцатаго вѣка

знапифйщіе Бароны Королевства почти всю власпъ оппняли у Іоанна I и Генриха III. В царствованіе Іоанна II возмущеніе угрожало еще большею опасностію. Вельможи не уважали Королевской власпи, а Государь по слабости своей не могъ заспавишь ихъ почиташъ оную. Щедроты, оказанныя имъ спихопворспву и наукамъ спасли его опъ споль опаснаго положенія; ими приобрѣлъ онъ и умѣлъ сохранишь приверженность къ себѣ многихъ знапныхъ вельможъ, соспавлявшихъ около его дворъ политической, вліяніе коего на дѣла государспвенныя было весьма велико. Трудно сыскашь другой примѣръ подобной: мѳгущеспвенные рыцари единспвенно по любви къ словеснымъ наукамъ повиновались Государю просвѣщенному но слабому, и позволяли ему управляшь собою среди полишическихъ несогласій (*).

Изъ сихъ опасныхъ спихопворцовъ опличиве всѣхъ былъ Донъ Инниго Лопецъ де Мондоза, Маркизъ Санпилана, извѣспный въ Европѣ болѣе по своимъ дарованіямъ въ дѣлахъ государспвенныхъ, нежели ученою славою. Лучшимъ сочиненіемъ его почитается книга *пословиць* (*proverbios*), написанная для забавы Короля Іоанна II и

(*) См. Бупервекову *Исторію Испанской Словесности*, спран. 74. Соч.

для наставленія сына его, Дона Генриха Кастильскаго, бывшаго по немъ преемника подъ именемъ Генриха IV. Маркизъ Саншилана написалъ многія сочиненія, какъ то: *Разсужденіе о любимцахъ Королевскихъ*, поему *Сотвореніе міра* и другія. Впрочемъ онъ не столько имѣлъ вліянія собственными сочиненіями, сколько побужденіемъ своихъ соотечественниковъ къ упражненію въ стихотворствѣ; онъ прилжно читалъ *Divina Commedia*, подражалъ Данту, какъ образцовому поэту, и всячески поддерживалъ школу Дантовыхъ послѣдователей, къ которой принадлежали всѣ писатели, заслужившіе въ Кастиліи какую либо славу.

Здѣсь видимъ первые слѣды того подражанія, которое въ слѣдующемъ вѣкѣ прославило Испанскую словесность, и которое можетъ быть воспрепятствовало ей достигнуть высшей, продолжительнѣйшей и болѣе общенародной славы. Знаменитѣйшіе стихотворцы: Жуанъ Мена, Жоржъ Маурикъ, Жуанъ Энцина, послѣдовали примѣру Маркиза Саншиланы. Первый изъ нихъ былъ въ великой милости у Іоанна II: онъ изобразилъ въ аллегорической поэмѣ: *Лабиринтъ (el Laberinto)* исторію своего вѣка и предшествовавшихъ столѣтій; въ ней много аллегорій, но очень мало пое-

зи, ибо предсавленные въ лицахъ Провидѣнїе, Планеты, Наспоящее, Прошедшее, Будущее и проч. непридающъ поемб истиннаго достоинства. Жуанъ Енцина ъздилъ съ Маркизомъ Тариффою въ Іерусалимъ и описалъ стихами сіе путешествіе.... Онъ же перевелъ на Испанской языкъ Виргиліевы Еклоги, и очень умно приуорочилъ оныя къ происшествїямъ, ознаменовавшимъ царствованіе Фердинанда и Изабеллы. Въ честь сихъ Государей еще сочинилъ онъ поему *Triomfo de la Fama и Arte de poësia Castellana*. Жуанъ Енцина почищается знаменистѣйшимъ предпечю писателей, прославившихся въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Чесполобіе Фердинанда Каполитическаго и побѣды Гонзалва Кортуанскаго были причиною частыхъ сношеній между Испанїею и Италїею; пространная Имперїя и путешествія Карла V придали имъ еще болѣе важности; онъ имѣли вліяніе даже на самую словесность Испанскую. Между народами южными есть какое-то сродство поэтическое, и оно заставило Испанцовъ почувствовать красоту стиховъ Петрарки, Аріоса и Тасса. Потребность наслаждаться гармонїей, стремленіе души къ блистательнымъ и живымъ картинамъ, счастливые плоды ума одушевляемаго яс-

нымъ небомъ, яркими лучами солнца и славными воспоминаніями о Лаціумѣ, скоро начали дѣйствовать въ Испанцахъ, сопровождавшихъ Государя своего въ Неаполь и на берега Тибра; сіи пришельцы пѣвнились изящными произведеніями, и немедленно спали упражняшсь въ тѣхъ родахъ поезіи, копорымъ подражать не прудно: сонеты, елегіи, идилліи, посланія, пѣсни, долгое время были единственными произведеніями Испанскаго генія, вдохновеннаго и управляемаго Италіянскою Музою; и въ сихъ по родахъ Испанцы достигли классическаго совершенства. Поезія драматическая и эпическая не имѣла въ Испаніи желаемыхъ успѣховъ, между тѣмъ какъ Пешрарка, Саннациръ и Бембо нашли тамъ счастливыхъ себѣ послѣдователей. Великія творенія неподражаемы; вошоргъ, возбужденный гармонією Италіянскою поезіи въ Испанцахъ, не достапоченъ былъ для того, чтобы сдѣлать ихъ способными къ онымъ; драма и эпопея должны были произведеніемъ опечесивеннаго генія, по тому-то Лопецъ де Вега, Бермудецъ и Кальдеронъ въ театральныхъ своихъ сочиненіяхъ не подражали Италіянцамъ.

Жуанъ Босканъ Альмогаверъ Барселонской, научившійся по образцамъ Пешрарки, прежде всѣхъ ввелъ въ языкъ свой одиннадцатисложные стихи и далъ новое

направленіе Испанской словесности. Вкусъ его образовался во время путешествій съ Императоромъ Карломъ V, который отличнo уважалъ сего стихотворца. Босканъ рассказываетъ, какое именно обстоятельство заставило его упражняться въ новомъ родѣ стихотворства. Вотъ слова его: „Бывши однажды въ Гренадѣ съ Навагеромъ, посланникомъ Венеціанской республики, я разговаривалъ съ нимъ объ изящныхъ наукахъ, о свойствахъ и различіи языковъ. Онъ спросилъ, почему не стараюсь я писать на своемъ языкѣ сонетовъ и подобныхъ стихотвореній, извѣстныхъ въ Италіи, и просилъ меня неопшупно, чтобы я испыталъ свои силы въ семъ родѣ поэзіи. Черезъ нѣсколько дней побжалъ я домой. Дорогою вопросы и просьбы Навагеровы шакъ часто приходили мнѣ на умъ, что я рѣшился написать что-нибудь во вкусъ Италіянскомъ. Сначала мнѣ встрѣтились нѣкоторыя трудности, по причинѣ великаго искусства, потребнаго для сего рода и по малому сходству его съ нашей поэзіей. Но скоро я увидѣлъ, что усилія мои были нещепны, и я началъ неушомимо упражняться въ семъ новомъ родѣ стихотворства.“

Босканъ весьма искусно воспользовался симъ приобретеніемъ, выгоднымъ для Ис-

панскаго языка. Онъ сочинялъ въ Испалі-
янскомъ вкусѣ сонеты и паспущескія пѣ-
сни, заслужившія отличное одобреніе. За-
мѣчательнѣе изъ всѣхъ его произведеній
Посланіе къ Діего Гуршадо Мендосѣ, въ
которомъ онъ опровергаетъ правила стои-
ческой философіи и хвалитъ умѣренность
съ такимъ глубокомысліемъ, съ такою поч-
тительною выраженіемъ, съ такимъ искусствомъ
соединяетъ *важное съ приятнымъ*, какія
свойственны одному только Горацию.

Примѣръ и наставленія Боскана много
способствовали къ образованію современника
его и друга, Гарциласса Вега, хорошаго
стихотворца и храбраго воина. Въ моло-
дыхъ лѣтахъ своихъ онъ отличился на
военномъ поприщѣ и особенно при осадѣ
Туниса, гдѣ получилъ двѣ раны въ при-
ступившіи Карла V. Помощь съ симъ Го-
сударемъ находился въ Шемонискомъ по-
ходѣ, имѣя подъ своимъ начальствомъ
1200. человекъ пѣхоты; самъ былъ смер-
тельно раненъ на приступѣ къ одной крѣ-
пости. Тогда было ему не болѣе прид-
цати прехъ лѣтъ онъ роду. Пошрѣя сія
столько опечалила и раздражила Импера-
тора, что онъ приказалъ изрубить весь
гарнизонъ. Такая жестокость не прибавила
ни одного дня къ жизни Гарциласса Вега,
и сіе кровопролитное пораженіе не столько

ко принесло почести имени его, сколько названіе *Царя Испанскихъ стихотворцевъ*, приписанное ему опѣ всѣхъ его одноземцовъ.

Изъ многихъ его пвореній первенство безъ сомнѣнія принадлежитъ одной Еклогѣ, почиваемой образцемъ приятности, чистоты и нѣжности. Два паспуха, Салиціо и Неморозо, огорченные одинъ невѣрностію, другой смертію своей паспушки, попеременно оплакиваютъ свое горе.“ Тобою, говоритъ Салиціо, укоряя Галашею въ непоспоянствѣ, побою вкушалъ я пищу и прохладу лѣсовъ; побою веселился въ пещерахъ и подъ утесами горы пуспынной; побою любилъ я дерновое ложе, прохладу вѣшеровъ, бѣлизну лиліи, благоуханіе розы, укращеніе весны. Увы, какъ ты меня обманывала! какое различіе между моими чувствами и шѣми, кои въ швоей вѣроломной душѣ шайлись! . . . Зловѣщій воронъ швердилъ мнѣ о моемъ несчастіи. Лейшесь слезы мои, лейшесь свободно!“

„Сколько разъ, опдыхая въ роцѣ и невѣря соннымъ мечпаніямъ, предчувствовалъ я свое горе! Мнѣ видѣлось, будто въ часъ полуденный гоню поипь спадо свое на рѣку Таго. Пришедши къ берегу, я нашель воды; ее шуть не было; незнаю

по какому чудному дѣйствію она шекла уже иною дорогою! Томимый лѣпнимъ зноемъ, я принужденъ былъ искать сего досаднаго пока. Лейшесь слезы мои, лейшесь свободно!“

„Кто слушаетъ шеперь голосъ швой? на кого кидаетъ очаровательные взоры? гдѣ нынѣ вѣрность, побою нарушенная? на чьей счастливой выѣ покояшся нѣжныя швой руки?“

Послѣ того поетъ Неморозо; печаль его еще мрачнѣе, ибо онъ лишился даже надежды; но жалобы его исполнены приятности и чувствительности. Иногда замѣтна принужденная оспроша Ишаліянской школы: на примѣръ вспоминая черпы своей подруги, паспухъ говоритъ: „Гдѣ изъ слоновой кости сдѣланный вѣнецъ, прелесшно и швердо державшій на себѣ позлащенный кровъ прекраснаго швоего спана?“ „Просто сказать: гдѣ швоя шея?“

Еклога оканчивается совершенно въ древнемъ ввусѣ:

„Паспухи не окончили бы никогда своихъ жалобъ, еслибъ облака, украшенные пурпуромъ и злапомъ заходящаго солнца, не возвѣспили имъ, что день склоняется къ вечеру. Уже тѣни опускались съ шемныхъ

боковъ горы. Пришедши въ себя, какъ будто опъ сна пробудившись, и видя, что заходящее солнце оставило одинъ слабый свѣтъ за собою, они сдѣлали спядо и удалились медленно.“

Не одинъ Босканъ и Гарсилассо Вега сдѣлали переворотъ въ Испанской словесности. Донъ Діего Гурнадо Мендоса, поэтъ, воинъ и стихотворецъ, способствовалъ пому всми своими силами. Мендоса извѣстенъ въ испоріи по шѣмъ важнымъ должностямъ, копорыя опправлялъ при Карлѣ V. Онъ былъ посланникомъ въ Венеціи, въ Римѣ и на Тридинскомъ соборѣ, гдѣ всѣ пренепали передъ именемъ Государя его и передъ его собственнымъ. Одноземцы находящъ въ слогѣ его жеспокость, кака была въ его характерѣ; однакожъ посланіями своими заслужилъ онъ имя *Испанскаго Горация*. Онъ умѣлъ украситъ стихотворными приашиностями уроки долговременной своей опытности; въ воспоминаніяхъ дѣяшельной жизни его всякой читатель можетъ наслаждаться шюю пѣишическою философією, копорая дошавляетъ неизбясимое удовольствіе; представляя глазамъ нашимъ безоружный разумъ, старающійся ушѣшашъ насъ и нравиться намъ болѣе, нежели предписываетъ законы.

Мендоса извѣстилъ въ качествѣ прѣзидента заическаго писателя, нежели стихотворца; его *Исторія междуусобной войны Гренадской* есть твореніе достойное древнихъ. Обучаясь въ Саламанскомъ Университетѣ, онъ сочинилъ небольшой романъ: *Приключенія Лазарилля Тормского*, и разсмѣшилъ имъ всю Европу.

По пути, проложенному сими великими людьми, слѣдовали многіе другіе стихотворцы: Фернандо Геррера, Жоржъ Моншемайоръ и прочіе весьма оплечились. Луисъ Леонскій прославился лирическою поэзію. Лучшею изъ одъ его почиается та, въ которой оплакиваетъ онъ завоеваніе Испаніи Сарацинами, укоряя Короля Родрига за его любовь къ дочери Графа Жюльерсъ, который въ опмщеніе за безчестіе дочери предалъ опечесство свое невѣрнымъ. Король Родриго и прекрасная Каба наслаждались удовольствіями любви на берегахъ Таго. Огорченная рѣка подвѣмлетъ главу свою изъ волнъ и говоритъ къ Государю:

„Коварный похититель! ты во зло упоишь время, наслаждаясь плодами своего насильства. Не ольшишь ли, подобно мнѣ, звука оружія, гласа воиновъ и шума яростнаго Марса, и проч.“

Кпо не узнаешъ здѣсь подражанія прекрасной Горациевой оды на похищеніе Елены?

Raflor cum traheret per freta navibus
 Ideais Helenam perfidus hospitam,
 Ingrato celeres obruit otio
 Ventos ut caneret fera
 Nereus fata. „Mala ducis avi domum
 „Quam multo reperet Graecia milite, etc.

Многія строфы почти слово въ слово переведены изъ Латинскаго стихотворца. Гораций пишетъ :

Eheu! quantus equis, quantus adest viris
 Sudor!

Луисъ Леонской говоритъ :

„Сколько пошя и шрудовъ для покры-
 „шихъ лапами воиновъ, для пѣшихъ и
 „всадниковъ!“

Можно бы представитъ многія сходства сего рода; они послужили бы доказательствомъ, что Испанскіе поэты шесшнадцатаго столѣтія занимались древними и умѣли цѣнить ихъ. Испанская словесность скоро потомъ ослабѣла, и немногіе знаменитые писатели не могли остановить всеобщаго ея паденія. Мы ничего не упомянули объ извѣстныхъ именахъ, какъ по Сервантесѣ, совершенно пропустили драматическую поэзію и проч.; но все сіе завело бы насъ весьма далеко. Мы хотѣли

только дать свѣдѣніе объ упомянутой нами книгѣ, въ коей исторія Испанской словесности доведена до временъ новѣйшихъ.

Р.

III. КРИТИКА.

Гаконъ Ярль, Нѣмецкая праведія (*).

Творецъ сего произведенія драматической Музы есть Г. Еленшлегеръ, Датской стихотворецъ, копорой сославляешъ теперь всю славу и украшеніе опечеспвеннаго своего шеапра. Не довольсшвуясь похвалами земляковъ, онъ захошѣлъ распространить свои усмѣхи даже до народовъ сосѣдственныхъ, и съ такимъ намѣреніемъ недавно написалъ трагедію на Нѣмецкомъ языкѣ, въ копоромъ онъ весьма несиленъ. По крайней мѣрѣ очень примѣнно, что ему извѣстенъ вкусъ большей части Нѣмецкихъ писателей и Нѣмецкой публики; и пошому, въ надеждѣ ли на хо-

---

(*) *Jacon Jarl, ein Trauerspiel von Oehlenschlaeger. Tübingen 1810.*

рошій приемъ, или слѣдуя влеченію склонности своей, онъ приспалъ къ ученой сѣтѣ, ежедневно усиливающейся. Члены сего раскольническаго сословія — копорые дѣлають весьма невыгодную честь господину Геше, признавая его своимъ главою — сочли слишкомъ обыкновенными всѣ шапральныя пружины, употребляемыя древними и новѣйшими шворцами, и рѣшились прибѣгнуть къ сверхъестественнымъ способамъ. Вдохновеніе, призраки, чудеса составляютъ у нихъ завязку и развязку. Образцовымъ произведеніемъ сего шаинспвеннаго рода назвашь можно мелодраму, сочиненную во славу Лупера, и недавно сыгранную въ Берлинѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ сѣверной Германіи. Если судить по шапру о сей странѣ Европы, гдѣ столько есть людей извѣстныхъ и достойно уважаемыхъ по ихъ просвѣщенію и глубокой учености, то можно подумашь, что она погружена еще во мракъ принадлежашаго столѣтія. Трагедія Г. Еленшлегера по видимому принадлежишь болѣе къ сему опдаленному вѣку нежели къ нашему; мнѣніе сіе подтвердимъ краткимъ разборомъ оной.

Гаконъ, Графъ (*) Гладской, послѣ счастливыхъ своихъ завоеваній сдѣлался вер-

(*) *Ярль* (Earl) значитъ *Графъ*; отъ сего слова произошло Англійское *Earl*.

ховнымъ обладашелемъ всей Норвегїи. Онъ спокойно взиралъ на приближающуюся свою старость; какъ вдругъ молодой Король Дублинской, Олавъ Тригвазонъ, происходящій отъ стариннаго поколѣнія Королей Норвежскихъ, являешся у береговъ со многочисленнымъ флотомъ. Король сей объявляешъ, что плывучи мимо отечества своихъ предковъ, онъ желаетъ поклониться ихъ праху, а потомъ отправишся въ Россію для обращенія къ вѣрѣ христіанской Князя Валдемара (Владиміра); и для того чтобы водрузить крестъ на берегахъ языческихъ. Гаконъ опасаясь, не скрываетъ ли молодой Государь подъ симъ благочестивымъ предлогомъ неприязненныхъ намѣреній, собираешъ въ священной роцѣ вельможъ своихъ для совѣщанія. Онъ предлагаешъ имъ послѣ шипъ корабль Олава и постарашся проникнуть въ его мысли.

До сихъ поръ все очень хорошо и благоразумно. Но слѣдующія сцены дадутъ уже намъ совсѣмъ иное понятіе объ искусствѣ Данскаго стихотворца. Въ самое время важнѣйшихъ совѣщаній являешся пригоженькая дѣвушка, дочь кузнеца; которому поручено сдѣлать королевскую корону для Гакона. Государь, увидѣвъ ее, забываетъ и спароситъ свою и древнюю славу и присутствующимъ вельможъ въ совѣтъ; бѣжитъ

кѣ двушкѣ; гоняешия за нею; болпаешѣ въ любви и опускаешѣ ее непрежде какѣ сорваши нѣсколько нѣжныхъ поцѣлуевъ. Послѣ споль знаменишаго подвига онѣ сѣдшися на прежнее свое мѣсто; вельможи напоминающѣ ему о важной причинѣ собранія; доброй Король ничего непомнишѣ, закрываешѣ засѣданіе; и поспѣшно идешѣ къ жилищу своей богини. Тупѣ описываешѣ бшцу ея живыми красками пламенную сшрасшѣ своего сердца; и предлагаешѣ себя въ женихи для его дочери. Скромный или нечувствительный кузнецъ (кто бы подумалъ?) довольно грубо опклоняешѣ выгодное предложеніе своего Государя; но пользуясь случаемъ; примѣриваешѣ ему корону, кошорая, вопреки всѣмъ усиліямъ; никакѣ не можешѣ держаться на головѣ королевской. Зришель непремѣнно долженѣ замѣшѣ шѣ обстоятельство; ибо надобно знашѣ; что ешо естѣ предзнаменованіе; ѣ кошоромъ въ продолженіе шрагедіи нѣсколько разѣ напоминаешся.

Сцена переносишся на оспровъ Мошперѣ; къ кошорому приспаешѣ Олавъ. Являющися послы Гаконовы съ возможною пышностію; они сперва просяшѣ юнаго Короля обьявишѣ; не имѣешѣ ли онѣ намѣренія прибышѣемъ своимъ въ Норвегію нарушшѣ сповѣштво ихъ Государя; пошомъ

мало по малу, хошя спихошворецъ не обьясняенъ зрипелямъ шайныхъ причинъ, послы начинаюшъ описывашъ ему споль несчастнымъ положеніе Норвегїи, управляемой Гаконмъ, чшо Олавъ находилъ себя принужденнымъ позадумашся.

Онъ даешъ имъ двузначительный отвѣтъ, и принимаетъ намѣреніе сдѣлать освободителемъ древняго своего опечесства. Еслибъ не было никакихъ побудительныхъ причинъ къ сему предприятію, по и одной мысли о спасеніи душъ Норвежцевъ довольно было, чшобы силою оружія принудить ихъ креститься.

Всѣ обстоятельствова по видимому благопріятствовали Королю Дублинскому. Спарый Гаконъ уже болѣе не думашъ о дѣлѣ, кошорое сначала произвело въ немъ споль сильное безпокойство; онъ хочешъ жить единственно для прекрасной дочери кузнецовой. Новое покушеніе выпросить ее было споль же неудачно какъ и прежде, и попому Государь рѣшилъ похитить ее изъ опеческаго дома. На крикъ дѣвушки прибѣгаешъ ея любовникъ, и вся деревня вооружаешся. Кузнецъ принимаетъ начальство надъ поселянами, кошорые присягаютъ передъ наковальнею лишить Гакона престола и жизни.

Пламя бунта распостраняется ; Король съ малымъ числомъ вѣрнаго войска идетъ на Олава ; побѣда не долго оспается сомнительною. Гаконъ принужденъ спастись бѣгствомъ , и прячется въ погребу одной женщины по имени Торы , коюрой прежде клялся быть вѣрнымъ любовникомъ до конца своей жизни. Героиня прощаетъ ему измѣну и хлопчешъ о средствахъ избавить его отъ преслѣдованія вражескаго ; но собственныя служители умерщвляютъ его , и предають пруть его побѣдипелю. Вся Норвегiя преклоняется къ стопамъ Олава Тригвезона , кошорый спѣшилъ утвердить права свои порже-спвеннымъ коронованiемъ. Вельможи кспашпи вспомнили , что Гаконъ заказалъ сдѣлать новую корону ; посылають сыскашь ее , и она такъ хорошо пришлась по головѣ новаго Монарха , что будто бы нарочно для него была сдѣлана. Такимъ образомъ сбылось предзнаменованiе : всѣ восклицають , и радуются , получивши себѣ Короля , самимъ Небомъ назначеннаго.

Сей краткой разборъ даетъ , кажешся , достащочное понятiе о спранномъ произведенiи , кошорымъ г. Еленшлегеръ вздумалъ распостранить славу свою за берега Бельша. Мы пропустили нѣкошорыя сцены , кошорыхъ не лзя понять безъ особеннаго

знанія Скандинавской мифологіи; неупомянули также о другихъ, представляющихъ ужасныя картины варварства. Сей Норвежской Король, котораго Тора называетъ великимъ, умерщвляетъ на сценѣ младшаго своего сына и показываетъ зрителямъ окровавленныя руки!

Поелику собраніе такихъ нелѣпостей и ужасовъ удостоилось быть предано печати; то можно бы подумать, что слогъ стихотворца достоинъ одобренія. Совсѣмъ напротивъ: датскому писателю надлежало бы побывать въ Нѣмецкой школѣ, еслибъ онъ вздумалъ написать еще другую трагедію на томъ же языкѣ. Онъ не только не знаетъ мѣры стиховъ, но даже на каждой строкѣ грѣшитъ противъ правилъ грамматики.

Барбаризмы г-на Еленшлегера возбуждали негодованіе Нѣмецкихъ критиковъ гораздо болѣе нежели всѣ главнѣйшія нелѣпости въ его сочиненіи, которое называютъ они варварскимъ и даже оскорбительнымъ для Германской Словесности. Не излишнимъ почищается при семъ случаѣ замѣтить, что въ Германіи есть довольно умныхъ людей, которые думаютъ о себѣ, будто прекрасно умѣютъ писать на Французскомъ языкѣ, хотя знаютъ его не болѣе, какъ и г-нъ Еленшлегеръ иску-

сенъ въ Нѣмецкомъ. Не уже ли господа сїи еще до сихъ поръ не увѣрились, что всѣ сочиненїя ихъ на Французскомъ языкѣ необходимо должны казаться смѣшными и спранными для природныхъ Французовъ, что писать хорошо можно только на языкѣ своего опечесшва, и что ни одинъ сочинитель не прославилъ своего имени глупымъ обезьянствомъ?

Изъ иностр. Журн. Н. Г.

Разборъ рѣчи Преосвященнаго Платона, Митрополита Московскаго, произнесенной при коронованїи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА I.

Россійская словесность полагаетъ первую эпохою своего образованїя царствованїе Петра Великаго; и проза наша имѣла знаменитыхъ писателей тогда, какъ Поэзія еще находилась въ младенчествѣ; еще Ломоносовъ не прославлялъ добротъ Елисаветы, какъ Теофанъ пѣвнѣлъ уже слушателей отличнымъ своимъ вишійствомъ. При всемъ томъ мы должны признаться, что краснорѣчіе далеко отстало отъ Поэзіи, и что мы будучи богаты стихотворцами, бѣдны хорошими прозаиками.

Въ высшемъ орапорскомъ слогѣ почти совсѣмъ ничего неимѣемъ кромѣ церковныхъ проповѣдей. Но хотѣя бы мы и желали усовершенствовашь наше вишѣйшье, самой порядокъ нынѣшнихъ обществъ тому противоборствуемъ. Сіе обширное поле предоспавлено только учителямъ закона Божіа, но и между ими находишся весьма немного такихъ, наковы Теофанъ, Геденъ, Анаспасій, Плапонъ.

Рѣчи послѣдняго особенно заслуживаютъ уваженіе по своей плавности, числослѣ слога, изящнымъ мыслямъ и опборнымъ выраженіямъ. Не опнимая у прочихъ должной имъ чести, можно сказаць, что Плапонъ естъ глава духовнаго краснорѣчія. Какъ онъ изобиленъ, какъ величественъ, какъ прогашеленъ въ увѣщаніяхъ! Слушая его, кажется, внимаешь Іоанну Златоустому, или Василію Великому, вдохновенныхъ свѣше. Пускай Французская словесность гордится Боссюешами, Флешье, Бурдалу и Массильонами; если бы у насъ и не было другихъ проповѣдниковъ, то довольно прошивупоспавишь имъ Плапона; въ немъ заключаешся важность Боссюеша и легкость Флешье, величіе Бурдалу и убѣдительность Массильона. Чисая его проповѣди, мы ощуцаемъ въ сердцѣ своемъ нечто новое, неизвѣстное!

Да не оскорбишься слухъ швой, Почпеннѣйшій Паспырь, если юноша, удивляющійся швоему Генію, осмѣливается разбирашь швои сочиненія. Я пылинка предъ шбою; но мы рождены или удивляшь собою, или удивляшь. На мой удѣлъ доспалось послѣднее. А вы, ученые любословы! не ожидайте опъ меня ни глубокомысленныхъ розысканій, ни опборныхъ извлеченій изъ другихъ писателей.

Слово, говоренное при вѣнчаніи нынѣ Царшвующаго **МОНАРХА**, почищается изящнѣйшимъ произведеніемъ сего Священноначальника; предспоя лицу **ИМПЕРАТОРА**, въ присуспшвіи знашнѣйшихъ Вельможъ Государшва, маспипый Спарецъ съ величавою осанкою начинаеть свое Слово: *И такъ слодобиль насъ Богъ узрѣль Царя своего, вѣнчанна и превознесенна!* Симъ восклицаніемъ Проповѣдникъ намъренъ былъ показашъ свое неперпвнѣе. Наконецъ совершилось его желаніе. Не еспь ли сіе восклицаніе души обрадованной? *Слодобиль насъ Богъ;* — симъ выраженіемъ онъ показываетъ, сколь велика милоспъ Божія и какое счаспие видѣшь Государя на Пресполь; всѣ другія слова никогда бы не выразили сего чувспвованія; *узрѣль вѣнчанна* — епо показалось ему недоспапочно, и *превознесенна* довершаетъ его періодъ. Послѣ

восклицианія у него непосредственно слѣдуетъ вопрошеніе: *Что же телерь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о Россійсти сынове?* Великоз событіе смушило орапора, и онъ воскликнувъ, оспаешся какъ бы безмолвенъ; онъ спрашиваешъ у предстоящихъ, что должно шеперь дѣлать? Онъ переходишъ отъ одного предмета къ другому, и незнаешъ, на копоромъ оспановишься. Когда душа наша находится въ сильномъ волненіи, когда овладѣешъ нами великая радость или печаль; тогда теряемъ всѣ способности, дѣлаемся слабы, и не можемъ ни на что рѣшишься. Такъ почно и Теофанъ Прокоповичъ при погребеніи Пешра Великаго сильно былъ пораженъ симъ происшесствіемъ, и горесъ до поликой степени овладѣла его сердцемъ, что онъ невольно воскликнулъ: *Что значитъ сіе?.. до чего дожили мы, о Россіане! ... что видимъ мы здѣсь? ... что дѣлаемъ телерь?* и пошоки слезъ прервали голосъ вишій. Платонъ зная силу сей фигуры, употребилъ ее въ свою пользу. Далѣе онъ предлагаешъ разные вопросы, спрашиваешъ совѣта у предстоящихъ, и видишъ, что все желаемое уже исполнено. Разберемъ въ особенностѣ каждое предложеніе: *Возблагодаримъ ли вишнему Царю Царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе?* Первой долгъ Хри-

спіанѣ состоишѣ въ помѣ, чшобѣ прине-
 спи благодареніе Богу, и пошому въ семѣ
 состоишѣ первой вопросѣ, на которой самѣ
 онѣ и ошвѣстшвуешѣ: *и мы благода-*
римъ всеусерднѣйше. — Вышнему Царю
Царей помѣщено не безѣ намбренія. Для
 чего бы ему неказашѣ Творцу, Вседержи-
 телю, или другое чшо нибудѣ? Но онѣ ска-
 залѣ: *вышнему Царю Царей*, показывая
 шѣмѣ, чшо и надѣ Царями находися еще
 Царь, Кшорый судишѣ будешѣ ихѣ дѣла,
 и пошому предосперегаетѣ Вѣнценосца. —
Возслемъ ли къ Нему моленія, да добро-
тѣ сей подастѣ силу? и мы молимъ
Его всею вѣрою нашею. — За благодарені-
 емѣ непремѣнно слѣдуетѣ и прошеніе. Не
 нужно ли и намѣ просишѣ Бога, чшобѣ онѣ
 неоспавилѣ насѣ при одномѣ своемѣ благо-
 воленіи, но подкрѣпилѣ оное самымѣ дѣ-
 ломѣ; ибо доброта души безѣ силы недоспа-
 шочна для понесенія всѣхѣ шрудовѣ, сопря-
 женныхѣ со власшю **МОНАРХА**; *и мы,*
молимъ Его было бы доспашочно, но при-
 бавивѣ *всею вѣрою нашею*, увеличиваемѣ
 наше моленіе, даемѣ ему большую силу! —
Принесемъ ли чшо либо въ дарѣ Госло-
ду? — Чѣмѣ пожертшвуетѣ за сію въ намѣ
 милосшѣ? *и Онѣ благихѣ нашихѣ не тре-*
буетѣ. Ему никакіе дары ненужны! *А и*
сей самый вѣнецѣ и скипетръ и дер-
жаву и Россію, и всѣхѣ насѣ еердца и

упробы приносимъ Ему и вручаемъ Ему. — Мало шого, что вѣнецъ, скипетръ, державу, но и всю Россію приносимъ и вручаемъ ему. Все еще недовольно; можно принести что либо въ даръ и не отъ чистаго сердца, и сожалѣя о немъ; но мы сему благоволенію споль рады, сполько имъ восхищаемся, что и сердца наши и упробы приносимъ; упроба хотя употребляется также и въ низкомъ слогѣ, но здѣсь слово сіе показываешь, что жизнь наша въ рукахъ Господа. Сосудъ бываетъ чистъ, смотря по тому, какое мы дѣлаемъ изъ него употребленіе. Замѣшимъ еще нѣчто о словѣ: *вручаемъ*. Принести можно и по принужденію; но въ доказательство, что мы добровольно приносимъ наши сердца и упробы въ даръ Господу, то отдаемъ оныя сами въ руки, какъ бы принуждали взять. *Привѣтствовали ли ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО съ симъ облеченіемъ славы? и мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше.* — Поздравлять кого съ полученіемъ милости есть обыкновеніе всеобщее; а получишь Царство, не есть ли величайшая милость Божія, не есть ли *облеченіе славы? Всеподданнѣйше*, выражаетъ нашу покорность, и глубочайшую преданность. *Изъявляли ли намъ ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ свое усердіе и вѣрность?* Нужны ли Государю знаки на-

шей къ нему преданности? и ежели нужны, что мы неощадимъ крови своей, и для того *свидѣтельствуемъ предъ лицомъ неба и земли, предъ лицомъ олтаря сего, и предъ лицомъ Бога и Ангеловъ Его.* — Что можешь быть вѣрнѣе сихъ свидѣтелей? Ежели кто осмѣлился измѣнить **МОНАРХУ**, то предъ симъ самымъ олтаремъ, предъ коимъ совершаются шайны, гдѣ возсылаются мольбы*къ Всевышнему, гдѣ чуждо намъ все земное, смерщю да умремъ клятвопресупникъ. Самъ Богъ съ небесными силами равнодушно ли будетъ зрѣть на сѣ, и непоразитъ ли громомъ несчастнаго? *Пожелать ли ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ счастливаго и долголѣтнаго царствованія?* Сколь значительное сѣ желаніе! Чтобы сошавишь постоянное счастье своимъ подданнымъ, нужно много времени; слово *долголѣтній* споль важно и многозначуще въ семъ мѣспѣ, что щещно бы спали пріискивашь другія слова, равно сильныя; они всѣ будущѣ слабы. *О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ.* — Какому ужасному наказанію подвергаемся мы, когда неисполнимъ сей обязанности, — говорю, обязанности, попому что ежели Государь печется о на-

нѣмъ благѣ, по недолжны ли мы возсылати моленій своихъ къ Престолу Вездѣсущаго и испрашивать съ теплыми слезами здравія и долготѣпя Бюспишелю нашего спокійствія? Проповѣдникъ удачно воспользовался Псалмомъ; въ копоромъ Вѣнчанный Пророкъ говоритъ: *Аще забуду тебе; Иерусалиме, забвенна буди десница моя:* Счастливое и долготѣпнее царствованіе не можешь быть безъ помощи Божіей, и по сему онъ продолжаетъ: *Молился ли; да Богъ самъ управляетъ лобою; просвѣщая мысль и удобряя сердце?* Кто можетъ управлять Царемъ, какъ не Зиждитель вселенныя? Ему подчинено все живущее въ Его всемошной рукѣ сердце царево. *Просвѣщая мысль*, не сказалъ разумъ; ибо и съ просвѣщеннымъ разумомъ; но съ нечистымъ помышленіемъ человекъ не токмо не приноситъ пользы; но еще бываетъ вреденъ себѣ и другимъ. *И удобряя сердце*; какое прекрасное подобіе въ семъ выраженіи. Онъ сердце наше уподобляетъ пажити, которая паковой и плодъ приноситъ; какія брошены были сѣмена; и цѣлебная гниа превращается въ смертельный ядъ, если она была приготовлена во вредномъ сосудѣ. Посмотримъ, что онъ отвѣчаетъ на свой вопросъ! — *О, пріятельный языкъ нашъ къ горлаки нашей; аще*

на что другое онъ будетъ обращенъ ;
а не на таковыя токмо моленія. —
При семъ заклишїи , сердце наше содро-
гается отъ ужаса , и мы невольно воспо-
минаемъ Царя Давида , который въ томъ
же Псалмѣ налагаетъ на себя сіе наказаніе :
*аще , говоришъ онъ , непоману те-
бе , аще не предложу Иерусалиме , яко
въ началъ веселія моего.* Наконецъ Пла-
шонъ заключаетъ начало симъ вопрошені-
емъ : *Пасты ли намъ предъ Престо-
ломъ величества Божія , да находя въ
Монархѣ своемъ чадолюбиваго Отца ;
будемъ мы къ Нему привержены любо-
влю ; яко чада ?* Какой сынъ , какое чадо
непривержено къ своему родителю ? Онъ
неограничивается однимъ почтеніемъ , но
сердце его всегда открыто предъ нимъ , и
мы падаемъ , и громко предъ нимъ во-
лиемъ : *Премудрый Художникъ ! мы
предъ Тобою брение.* Сотвори изъ бре-
нія сего сосуды не въ безчестіе , но со-
суды въ честь ! — Какой художникъ мо-
жетъ бытъ искуснѣ Творца небесъ ; вели-
чественнаго солнца ; свѣтлосвѣтныхъ звѣздъ ?
Мы предъ Тобою брение. Какъ сильно
сіе униженіе ! не есть ли оно первая наша
добродѣтель ! брение , персть , прахъ , ма-
лѣйшая пылинка въ сравненїи съ Богомъ.
Сотвори изъ брениа сего сосуды не въ

безчестіе , но сосуды въ честь ! Сдѣлай насъ вѣрными подданными, приверженными къ Государю, искорени изъ сердець нашихъ всякое коварство, измѣну, лѣсть и злыя помышленія. Сіе краткое моленіе выражаетъ въ полношѣ чувствія, которыя мы должны питать въ своемъ сердцѣ.

Симъ моленіемъ выпія оканчиваетъ свое начало или вспуленіе, исполненное краснорѣчія и силы. Я не замѣчаю риторическихъ фигуръ, потому что онѣ всѣмъ примѣшны, и припомъ сіе значило бы унижать цѣну образцоваго сочиненія, въ кошоромъ многосоюзія, вопрошенія, изобилванія, восхожденія, заяпія, мешафоры, рассыпанныя вездѣ, соспавляютъ послѣднюю часть красотъ неизобразимыхъ (*).

И. Ламанскій.

(*) Продолженіе обѣщано. *Изд.*

IV. С М Ъ С Ъ:

Историческія лица нынѣшней Франціи, анекдоты, замѣчанія.

Ротмистръ одного Гусарскаго полку по случаю женишбы своей позвалъ на сговорѣ и на балѣ нѣсколько другихъ офицеровъ; въ числѣ гостей находился Генералъ Либо. Онѣ занималъ самое почешнее мѣсто подлѣ невѣстпной матери. Кажется, онѣ во время обѣда забылъ, что у него есть ножикъ и вилка; бралъ кушанье съ каждаго блюда; сколь они многочисленны ни были, и при каждой перемѣнѣ всегда чѣмъ нибудь замарывалъ сидящихъ подлѣ его гостей; разбилъ двѣ рюмки и шарелку; и обливши виномъ сидѣвшую по правую его сторону даму; изъ любви къ равенству облилъ супомъ и другую, сидѣвшую на лѣвой споронѣ. Когда встали изъ за стола, онѣ взялъ хозяйку за руку, захватилъ конецъ скаперши, и не прежде замѣтилъ свою ошибку; какъ услышавши звукъ бутылковъ, рюмокъ; шарелокъ и крикъ женщинѣ.

При началіи бала Генералъ Либо не захопѣлъ никому уступить чести танцовать

съ невѣстою , которая вѣрно не осталась благодарною за его вѣжливостъ : онъ опёрвалъ у ней шлейфъ и опдавилъ большой палецъ , отъ чего она принуждена была хромать весь вечеръ. Либо извинялся въ своей неоспорожности, и увѣрялъ, что онъ гораздо лучше умѣетъ обходиться съ не-пріятелемъ въ сраженіяхъ, нежели на балѣ съ красавицами.

Мнѣ удалось , пишетъ сочинитель Историческихъ писемъ о Франціи, собрать объ этомъ чудакѣ слѣдующія извѣстія : онъ служилъ до революціи простымъ солдатомъ. Въ 1793 году былъ онъ барабанщикомъ въ одномъ баталіонѣ Парижскаго гарнизона. Когда Бриссонъ и его поварищи спорили о равенствѣ съ Маратомъ, Робертспьеромъ и ихъ сообщниками , у послѣдней изъ сихъ двухъ паршій въ началѣ Іюня не было барабанщика , который бы ударилъ тревогу , и они не могли сыскать ни одного при всѣхъ обѣщанныхъ награжденіяхъ. Наконецъ Робертспьеръ обратился къ Либо и сказалъ : „гражданинъ ! ударь тревогу ; я сего дня же сдѣлаю тебя Генераломъ.“ Либо послушался : Робертспьеръ остался побѣдителемъ и сдержалъ своё слово. Послѣ того Либо служилъ въ Германіи подъ начальствомъ Журдана , а въ Швейцаріи подъ командою Лекурба. Нахо-

днѣ при Журданѣ, получилъ онѣ приказаніе опешупишь къ Рейну и назначилъ дивизіи своей маршѣ, по собственнымъ своимъ географическимъ свѣдѣніямъ. Онѣ принялъ рѣку Майнѣ за большую дорогу, и слѣдственно пошелъ въ прошивную сторону. Съ того времени рѣка сія называется въ арміи Chaussée de Liebeau. Въ Швейцаріи надобно было перейти черезъ одну гору поперегъ, но онѣ завелъ солдатъ въ лѣдникъ, гдѣ двенадцать человекъ изъ его подчиненныхъ погибло, прежде нежели онѣ примѣтилъ свою ошибку.

Послѣ того сдѣлали его Губернаторомъ въ Блоа. Тамъ поступалъ онѣ съ несноснымъ тиранствомъ, и наложилъ на всѣхъ жителей безъ исключенія самопроизвольную консприбуцію. По смерти Роберспьера опняли у него епо нажипочное мѣсто, гдѣ онѣ въ одиннадцатъ мѣсяцовъ награбилъ пять милліоновъ ливровъ. Тогда Директорія поручила ему дивизію; но Бонапартъ, увидѣвши въ 1800 году въ Италіи собственными глазами неспособность сего человека, опставилъ его съ половиннымъ жалованьемъ. Ему дали большой Крестъ Почетнаго Легіона.

Г-жа Либо есть живое подобіе мужа своего. Еша женщина выходитъ замужъ, была

рыбною торговкою; однакожъ она увѣряетъ, что отецъ ея доспашочный Офицеръ и Кавалеръ Свяшаго Лудовика.

Г. Фрѣаль, другой гость въ полковничьемъ мундирѣ, былъ прежде жокеемъ и перукамахеромъ. За храбрость въ сраженіяхъ произвели его въ Полковники Драгунскаго полку; онъ въ милости у Наполеона, и при первомъ производствѣ надѣялся быть Генераломъ. За ужиномъ господа военнослужащіе принялись за бушылки. Чѣмъ больше пили, тѣмъ жарче спановились политическіе ихъ разговоры. Либо кричалъ во все горло, выхваляя республиканскія и революціонныя правила, и увѣряя, что припязанія, конфискаціи и гильюпина нравятся ему болѣе всего. Напрошивъ погоса Фрѣаль находилъ гораздо лучшимъ деспотизмъ одного человѣка, почиталъ спасительнѣйшими средствами тайныя допросы, а еще болѣе тайныя наказанія, и одобрялъ самопроизвольныя заключенія въ шюрьму, изгнанія и ссылки. Епо очень не нравилось г-жѣ Либо, и она вскричала изо всей силы: „Если господинъ Полковникъ такъ любитъ Монархическое правленіе, то, думаю, останетса онъ самымъ вѣрнымъ подданнымъ, когда мужъ мой Либо сдѣлаетса Аншономъ I, Императоромъ Французовъ.“ Фрѣаль захохоталъ во все горло. — Развѣ вы почищаете

еще невброашнымъ? спросилъ Генералъ. Я, Аншонъ Либо, имѣю болѣе надежды сдѣлаться Императоромъ, нежели сколько имѣлъ Наполеонъ Бонапартъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, когда былъ еще Полковникомъ и сидѣлъ подъ спражею, какъ Террористъ. Я Французъ, а онъ чужестранецъ. Ну полно! какъ скоро сдѣлаюшъ меня Императоромъ, то вы будете Генераломъ и Кавалеромъ большаго Креста Почетнаго Легіона. —

„Тогда-шо, перервала г-жа Либо, Франція будешъ счастлива! Мой мужъ великой другъ мира и спокойствія; мы переспанемъ воевать. Пусть тогда прибудушъ сюда всѣ Англичане проживать свои деньги!“

— Попище, попище, не такъ скоро! вскричалъ Фрѣаль: по смерти Наполеона я имѣю болѣе права и надежды на Императорской престолю, нежели вы; я состою въ дѣйствительной службѣ. Если бы Бонапартъ находился въ такихъ же, какъ вы, обшоятельстввахъ и былъ опсравленъ съ половицинымъ жалованьемъ, то опсался бы въ неизвѣстности. По большей части Маршалы и Генералы не былиль за нѣсколько лѣтъ выше его? Почему же не можно мнѣ, по прошествіи десяти лѣтъ, васъ, господинъ Генералъ Либо, сдѣлать Маршаломъ или Военнымъ Министромъ, а васъ, суда-

рыня, Придворною Дамою жены моей? — „Какъ! закричалъ Либо: ты Полковникъ будешь Императоромъ прежде, нежели я, служившій сполько времени Генераломъ? Я скорѣе раздроблю тебѣ голову бушлыкою, нежели уступлю. Чшобъ моя жена служила придворною дамою у швоей жены? ... Нѣтъ, господинъ Полковникъ, я никогда тебѣ не присягну, да недопущу, чшобъ и другіе присягали.“ — Ну! такъ я поступлю съ тобою, какъ съ бунтовщикомъ, возразилъ Фрїаль, и прикажу тебѣ разспрѣлять. — При сихъ словахъ Либо вскочилъ и хотѣлъ выхватишь шпагу, но присуществовавшіе удержали его; и такимъ образомъ споръ о преимуществахъ и правахъ на Императорскую Французскую корону между барабанщикомъ и жонеемъ оспался нерѣшеннымъ. Когда я, продолжаешь сочинитель, на другой день рассказалъ объ этомъ прѣвнїи Генералу М... копорой былъ эмигрантомъ въ Англійской службѣ, и копорый послѣ того стоялъ подъ знаменами Наполеона; то онъ увѣралъ меня, что такіе споры объ Императорской коронѣ случающаеся между знаменїтѣйшими офицерами очень часто и подали уже поводъ ко многимъ кровопролищїямъ.

Нѣкто Ришо, воспѣвавшій прежде славныя дѣла Мараша и Роберспьера, поднесъ

Наполеону вздорные стихи, и получилъ въ награду полный кошелекъ золота; сверхъ того приказано Шампаньи, Министру внушренихъ дѣлъ, принявъ ешого челоуѣка къ себѣ въ департаментъ во ожиданіи дальнѣйшаго производсва,

Еще другой стихопворецъ, называемый Бруе, въ глумѣ, вздорномъ и гадкомъ сочиненіи сравнивалъ Наполеона со всѣми великими мужами древности; доказывалъ, что онъ превосходитъ каждаго изъ нихъ порознь, и даже всѣхъ ихъ вмѣстѣ взяшихъ, и увѣрялъ своихъ земляковъ, что Императоръ ихъ есть образъ божескій на земли, зеркало премудрости и полу-богъ, которому попомсво воздвигнешъ храмы, воскреситъ еиміамъ и передъ которымъ будешъ оно съ колѣнопреклоненіемъ приносить жершвы. Въ награжденіе за сіе нѣжное привѣщсвіе авторъ пожалованъ Генералъ-Почтмейстеромъ въ Ишаліи и Кавалеромъ Почетнаго легіона.

*

Оффиціальные донесенія революціонныхъ Генераловъ давно уже заслужили удивленіе по своей скромности и справедливости; но Берномвиль всѣхъ ихъ превзошелъ какъ въ шомѣ, такъ и въ другомъ. Въ одномъ донесеніи Національному Конвенту о случившемся при Гревенмахерѣ ужасномъ

преж - часовомъ сраженіи, написалъ онъ:
„Число неприятелей было несмѣшное; одна-
кожь войска наши, въ продолженіи боя,
не прешерпѣли никакого урона, кромѣ по-
го что поврежденъ мизинецъ у одного изъ
спрѣлковъ.“

Одинъ башмашникъ, по имени Маше-
вѣй, въ припадкѣ сумасшесствія, или мо-
жесть бысть изъ ненависти къ новымъ учре-
жденіямъ, надѣлъ на себя широкую лен-
ту Почетнаго легіона и пришелъ къ сво-
ему кафтану спарую звѣзду. Въ семь на-
рядѣ пришелъ онъ въ самый полдень въ
Пале - Рояль, сѣлъ на стулъ и началъ о-
кружавшимъ его людямъ проповѣдовать, что
истинные республиканцы даже при Импера-
торѣ должны бысть равны. „Или мы всѣ,
говорилъ онъ, кавалеры большаго Креста,
или никто. Мы всѣ сражались за воль-
ность и революцію; слѣдственно имѣемъ
равное право на всѣ почести.“ При сихъ
словахъ полицейскіе служители и жандар-
мы прекрапили его краснорѣчіе; его взяли
подъ караулъ и проводили въ тюрьму.

Генералъ Ожеро родомъ изъ Парижа,
служилъ до революціи простымъ солдатомъ
и первую военную службу кончилъ побѣгомъ
за границу. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался
онъ Генераломъ, Испалія гораздо болѣе по-

перцѣла отъ него опустошеній, нежели Германія. Въ Ломбардіи и въ Венеціи не скоро позабудутъ, что онъ умертвилъ тысячи и ограбилъ милліоны несчастныхъ; не позабудутъ, что руками, обогранными человѣческою кровію, сорвалъ онъ со святыхъ иконъ драгоценныя украшенія и отдалъ ихъ челоукоубійцамъ или распутнымъ женщинамъ. Мерзости, которыя онъ надѣлалъ въ Италіи въ продолженіи 1796 и 1797 годовъ, превосходятъ вѣрояніе,

✱

Хищенія, сдѣланныя Французскими солдатами, военными Коммиссарами и Генералами безъ позволенія высшаго начальства, суть неизчислимы и превосходятъ всѣ законныя приписанія, шо есть грабежи, предписанныя правительствомъ и гражданскими или военными чиновниками. Еща спашья содержатъ въ себѣ безчисленныя конприбуціи, испоргнушыя силою въ видѣ займа сѣбѣсныхъ припасовъ, шоваровъ, или денегъ, многочисленныя наборы людей, лошадей, воловъ, повозокъ, поставки всякаго рода, опустошенія магазиновъ для продовольствія армій, однимъ словомъ все, что нужно для содержанія, для жалованья и для всѣхъ пошребностей военныхъ. Прибавьте къ шому хищенія, сдѣланныя въ публичныхъ лавкахъ, запасахъ и хлѣбныхъ анбарахъ, кому бы они ни принад-

лежали, частнымъ людямъ или государству, обществу или городу, гошпипалямъ или сиротскимъ домамъ.

Всѣ сїи и многія другія конприбуціи, взяшыя подъ видомъ необходимостей для арміи, подъ видомъ обмундированія, вооруженія, кваршированія и проч. употреблены были на одно только мотовство, распущство и увеселенія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Большая часть сказанныхъ вещей доспавляема была натурою; все, что негодилось, продавали съ публичнаго шоргу, превращали въ деньги и раздѣляли ихъ между собою.

Въ 1797 году Генераль Ней споялъ съ своею командою близъ вольнаго Имперскаго города Вецлара. Онъ собралъ все находившееся въ частныхъ магазинахъ сукно, продалъ его съ публичнаго шоргу, потомъ опнялъ опяшь у купцовъ и продалъ въ другой разъ. Съ кожами и съ холстомъ поступилъ онъ такимъ же образомъ. Можно наполнить цѣлую книгу подобными примѣрами.

*

Епошь Ней, одинъ изъ знанѣйшихъ Генераловъ, былъ въ 1790 году разорившійся Спразбургской шабашникъ. Онъ родился въ Саръ-Луи ошъ одного вешош-

ника, торговавшего спарымъ плашьемъ. Сдѣлавшись банкротомъ и желая избѣгнутьъ ошъ поисковъ своихъ кредиторовъ, опредѣлился онъ въ одинъ Ельзаской полкъ солдашемъ. Въ Спразбургѣ склонили его на свою сторону Якобинскіе лазушчики, и онъ началъ помогать имъ произвести въ солдапахъ возмущеніе, ошъ котораго многіе офицеры принуждены были выѣхать за границу. Съ ешаго времени спалъ онъ опличашься въ Якобинскомъ клубѣ какъ орапоръ, и произведенъ шоварищами своими въ Генераль-Адъютаншы. Будучи смѣль и предпріимчивъ, спрасшно желая дальнѣйшаго производсва и имѣя чрезвычайную жадность къ деньгамъ, не пропускалъ онъ ни одного случая опличиться и обогатиться. Счастіе благопріятсвовало его намѣреніямъ; онъ сдѣлался въ короткое время Дивизионнымъ Генераломъ и нажилъ многіе милліоны. Увѣряли, что онъ былъ изъ числа первыхъ Генераловъ, измѣнившихъ прежнему своему начальнику Моро и перешедшихъ на сторону Бонапарша. Въ 1802 году, когда Гельвешическая республика спаралась возврашшь пошерянную свою независимость, Генераль Ней сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ Французской арміи въ Швейцаріи и Посланникомъ перваго Консула въ сей обласпи. Въ семъ случаѣ онъ такъ удачно исполнилъ волю На-

полеонову, что при вѣпоричномъ разрывѣ съ Англіею получилъ команду надъ арміею въ Монпрелѣ. Въ 1804 году жена его сдѣлана Придворною Дамою Іозефины. Сія Придворная Дама естъ дочь какой-то прачки, и долго жила въ Спразбургѣ у одного сводчика.

✱

Въ военномъ государствѣ, управляемомъ военнымъ деспотомъ, необходимо должно бытъ и воспитаніе военное. Во всѣхъ публичныхъ школахъ и припанеяхъ записываются дѣти съ самой минушы вступленія ихъ въ ропу, попомъ обмундировываются и учатся екзерциціи. За всякое упущеніе и нерадѣніе наказываются по военнымъ законамъ, а за успѣхи производятся въ чины. Всѣ приватныя училища, желающія бытъ подъ защитою правительсва, принуждены слѣдовать симъ военнымъ правиламъ, и попому-то большая часть конскриптовъ при первомъ шребованіи годящая во всякую военную службу. Одно изъ худыхъ слѣдствій сего военного воспитанія молодыхъ людей естъ совершенное опсущствіе религіи и нравспвенности. Арно осмѣлился жаловаться въ Національномъ Инспишупѣ на еіе поспыдное пренебреженіе: „Молодыхъ людей, говорилъ онъ, ни чему болѣе не учатъ, какъ маршировать, спрѣлать, кланяться, ша-

цовашь, сидѣшь, лежашь и искуснымъ образомъ обманывашь. Я не говорю о Спартанцахъ и Римлянахъ; но мы поступаемъ, какъ Аѳинейцы, и наши школы производяшь однихъ только Сибаритовъ.“ Менше нежели черезъ 24 часа пришелъ къ нему полицейской служитель съ двумя жандармами и вручилъ подписанный Министромъ Фуше ордеръ, въ которомъ означено было, чшобъ онъ жилъ въ Орлеанѣ и безъ позволенія Правительсва не прибъжалъ въ Парижъ. Наказаніе сіе за такую нескромную ревность почишающъ весьма умѣреннымъ.

Нѣкто, по имени Гуронъ, имѣлъ въ Опелѣ, недалеко отъ Парижа, приватное училище, учрежденное по образцу прежнихъ учебныхъ заведеній. Въ нѣсколько мѣсяцовъ приведено къ нему было гораздо болѣе питомцовъ, нежели сколько онъ могъ содержать, и въ короткое время домъ его такъ прославился, что даже и богачи охотнѣе отдавали къ нему дѣтей своихъ, нежели въ другія школы. Скоро потомъ пошребовали ешого человека къ Фуше, который приказалъ ему часы опредѣленные для наставленія въ религіи и нравственности опмѣнить, а вмѣсто того обучать военной екзерциціи, пошому что ешо для Французскаго юношества нуже и здорове. Но сія перемѣна, опвѣчалъ

Гуронъ, будешь прошивна моему плану и договору съ родителями учениковъ моихъ. Миниспръ приказалъ ему молчать и дѣлать то, что предписываетъ правитель-ство, увѣряя, что въ прошивномъ случаѣ подвергнешся онъ непріятнымъ слѣдствіямъ за свое упрямство.

С л а в а.

(День дню отпрыгаетъ глаголь, и ночь ночи
возвѣщаетъ разумъ.)

Еще ль, Цари! вамъ имя громко
Высь мнитсѣя славою прямой?
Еще ль, мудрецъ! ее ты только
Чпешъ дыма блещущей струей?
Познайте, ваша мысль не права. —
Увѣрьшесь истины въ словахъ:
Безсмертная прямая слава
Есть цѣль цвѣтущихъ вѣчно благъ.

Чтожь хвалишься во злобѣ, сильный,
Внутрь беззаконіемъ и вѣдъ,
Коль ты чрезъ слезы крокодилны,
Чрезъ токи крови на войнахъ,
Чрезъ вѣроломства, бунты, яды,
Чрезъ святошашну небу честь
Повергъ престолы, храмы, грады,
И могъ Царей всѣхъ выше сѣсть?

Положимъ край твоихъ желаній:
Въ водахъ, въ земляхъ, внутрь дикихъ мѣстъ

Распространя завоеваній
Коснушься даже самыхъ звѣздъ. —
Се горь и рѣкъ уже не стало,
Какъ вихрь промчался на крылахъ,
И все передъ побойю пало;
Но чтоже славы въ помѣ? — Ты прахъ!

Увы! и каждую минушу
Питаючи въ себѣ змию,
Коль разжигаетъ жажду люшу
И жрешь самъ внутренность свою,
Почтожъ явишь въ себѣ Таншала
И ловишь мнимой славы пѣнь?
На то ль, чѣтобъ о тебѣ сказала
Словъ нѣсколько Афинска чернь?

Безумецъ! знай, когда въ надменьѣ
Ты Богъ мечтаешь бытъ въ себѣ,
Лишь питрамъ ты идешь въ сравненье
И въ сердцѣ помѣ, кто льститъ тебѣ.
На погребенны неплемъ грады,
На кровь, на слезы зря людей,
Какихъ ждешь жершѣ, похвалъ, пощады
Отъ нашихъ и грядущихъ дней?

Виждь: пайно, мрачно днесъ вздыханье
Въ слѣдѣ ходишь всюду за побой;
А завтра кляшвы, восклицанье,
На гробъ швой громъ повергнушь свой. —
Ктожъ замыслы исполнитъ спрашны,
Чѣмъ миръ поработитъ мнилъ весь?
Гдѣ блескъ, гдѣ звукъ, гдѣ пышны брашны?
Ты былъ, — и нѣтъ. — Твой слухъ исчезъ!

Вошъ громка слава сильныхъ міра!
Вошъ образецъ геройскихъ дѣлъ!

Послѣ кроваваго ихъ пира
Что видимъ мы? — не груды ль пѣлъ?
Не кости ль на поляхъ смердящи?
Не запустѣе ль, — всѣхъ нуждъ мать?
Ахъ! можно ли споль злы губящи
Правдиво славою назвати?

Но и хранящій строги нравы,
Угрюмый доблестію мужъ,
Не отрѣвай совѣмъ чувствъ славы
И Ты отъ любочестныхъ душъ. —
Всѣмъ славолубе смертныи сродно;
Различенъ путь лишь и предметъ:
И въ бочкѣ Циникъ благородно
Велѣлъ Царю не пмишь свой свѣтъ.

Тому мила чрезъ нѣ извѣстность,
Тотъ мнишь инымъ бытъ знаменитъ;
Но пользѣ Творцу чрезъ крошечность, честности
Звучишь всѣхъ плескъ принадлежишь.
Отецъ семействъ, законодашель,
Забрала отъ шашей, коварствъ,
Сохи, серпа изобрѣтатель
Вича славнѣй, по правдѣ, Царствъ.

Возмемъ же въ противоположность
Тирану добраго Царя,
Всю испощившаго возможность
Блаженство подданныхъ твора:
Не зримъ ли Генія въ немъ неба
Блестяща радуги лучомъ;
Въ помъ, — мрачна демона Ереба? —
Тотъ сыплеть свѣтъ, — сей вержеть громъ.

Гнусна убійцъ народовъ слава;
Я тихой дорожу молвой:

Той — мести нѣдрится оправа,
Сей — засѣвается покой. —
Подрывъ и вражью съ прескомъ граду
Не радуешь души моей. —
Стихъ добрыхъ душъ одинъ въ награду
Жмешь сладку слезу изъ очей.

Какой восторгъ души блаженной!
Какая слава, вѣчна честь,
Какъ храмъ для бѣдныхъ учрежденной
Придешь, — гдѣ воспишанье, — зрѣшь
И въ скорбяхъ сущихъ врачеванья!
Тышъ Царь, — Опець, Царица, — Мать.
Умъ можешь скиптровъ памъ спяжанья,
Здѣсь будешь сердце одобрять.

Но если больше обоженна
Гдѣ слава долженствуетъ бышь:
То въ образъ щита священна
Кню лавромъ могъ себя покрышь. —
Въ обороѣ лишь опчизны
Вѣнчаетъ славою война. —
Могила, — въ жершвенники призны
Преображаетъ намъ она.

Такъ, доблестъ шокмо превосходна
Должна по правдѣ славной бышь;
Благошворителя народна
Долгъ сердцемъ и устами чпшь. —
Се солнце Творческой державы
Вѣщаетъ силу безднѣ сквозь тѣму:
Богъ благъ, — Одинъ Онъ Царь есть славы,
И все поклонись Ему.

Державинъ.

Къ жителямъ Осетзейскихъ провинцій Россіи (*).

Поработитель западной Европы стоитъ уже на границахъ нашихъ. — Онъ влечетъ за собою толпы могущихъ носить оружіе недавно покоренныхъ имъ десяти народовъ, дабы повергнуть оное на насъ. — И мы должны быть игралищемъ честолюбивыхъ его замысловъ, чтобы содѣлавшись узниками его и служа ему, подавить еще другія Царства.

Такъ, минуца настоящаго времени сильно угрожаетъ намъ; но она недолжна устрашать насъ. — Учинимъ, что мужамъ достойно въ приближеніи опасности, испытываемъ съ спокойнымъ духомъ, чего бояться и чего надѣяться можно. — Разсудимъ, что мы, мы — единственно супъ шѣ, которые, чтобы спасти себя, помочь себѣ можемъ. — Если только въ помѣ утвердимся, то да несодрогнемся идти съ непоколебимою твердостью на высочайшія жертвы за провъ АЛЕКСАНДРА, за славу утвержденную вѣками Россіи, за личную честь нашу, за женъ, дѣтей и имущество наше!

Велико вражеское ополченіе, и болѣе можетъ быть, чѣмъ чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ когда либо проходило нашу часть свѣта; но оно составлено изъ скопища другъ другу чуждыхъ и другъ другу непріятельствующихъ; изъ полчища, которое оружіе свое подниметъ скорѣе само на себя, нежели на насъ;

(*) Сія статья доставлена вмѣстѣ съ предыдущею и перенедена самимъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ. *Изд.*

въ которомъ нѣтъ живѣе другаго чувства, какъ того несчастія, которымъ оно себя и отечество свое подавляетъ. — По истинѣ трудно сыскать во всемъ неприятельскомъ ополченіи человѣка съ такою головою и сердцемъ, который бы не предвидѣлъ, что съ побѣжденіемъ Россіи исчезнетъ послѣдняя надежда Европы; но что лишь образованіе одно содержишь въ совокупности сію сволочь въ грозномъ ея положеніи, и сколь легко можетъ сіе образованіе разсыпаться! Спрашныи онъ нѣкогда завоеватель теперь нечто иное есть, какъ боецъ со спаяннымъ мечемъ. — Одна погрѣшность раздробитъ его въ куски, и онъ безоруженъ.

Напротивъ представляются ему въ противоборство Россійскія воинства, которыхъ непобѣдимую храбрость онъ часто самъ съ досадою признавалъ. Можетъ быть они и немалочисленнѣе его, къ тому жъ всемѣрно утверждены единодушіемъ и воспламенены неустранимымъ мужествомъ. — Увѣренность одушевляетъ ихъ, что они сражаются за правое дѣло, за которое только мечъ обнажаться долженствуетъ; что они защищаютъ Отечество отъ иноплеменнаго поноснаго ига; что отличительно соблюдаетъ ихъ Премудрость ими предводящая. — Ибо самый послѣ вождь, который буйно похвалялся, что важную сію войну кончитъ въ краткіе дни, шатается уже нѣсколько недѣль туда и сюда предъ нашимъ воинствомъ, ни гдѣ отъ него ничего невыигрывая, кромѣ что сообразно плану нашему ему уступало было. — Онъ не находилъ даже для себя той къ нападенію выгодной точки, которую ему найти желалось, и нервнилеа

нигдѣ воспользоваться ею, ежели гдѣ и пред-
спавлялась.

Еслижѣ онѣ наступитѣ на наши предѣ-
лы, какѣ онѣ насѣ найдетѣ?

Сограждане мои! нѣсколько уже лѣтъ го-
ворила Европа, что сей случай настать мо-
жетѣ. — Онѣ теперь являѣтся къ напряжен-
ному ожиданію нашему. Какой же духѣ, какое
свойство при ономѣ мы обнаружимѣ? — Пове-
деніе наше въ настоящемѣ времени принадле-
житѣ къ исторіи міра; вѣчнымѣ ли оно насѣ
покроетѣ поспыднымѣ мракомѣ, или озаритѣ
имена наши непомерцающимѣ сіяніемѣ! славы. —
Конечно всякаго изѣ васѣ происшествіе сіе
учинитѣ или презрѣннымѣ навѣки, или благо-
роднымѣ, почтеннымѣ, бессмертнымѣ сыномѣ
Ошечества.

Сограждане! кого найдетѣ въ насѣ не-
пріятель?

Мужей ли несумнѣнно въ томѣ удосто-
вѣренныхѣ, что благо каждаго отѣ общаго
не отдѣльно. — Гдѣ погибаетѣ Государство,
шамѣ каждый гражданинѣ добыча побѣдише-
ля. — Да вспрѣшійѣ же онѣ на каждомѣ ша-
гѣ героевѣ, одушевленныхѣ рвеніемѣ служить
Ошечеству. — Когдажѣ оно къ личному вы-
зываетѣ насѣ содѣйствию, — идемѣ! и всякѣ
лучше да умретѣ, нежели измѣнитѣ его на-
деждѣ. — Имѣющій что либо пошребное для
общаго блага да почшетѣ себя счастливымѣ
пожертвовашѣ шѣмѣ. — Если теперь чего для
Ошечества пожалѣемѣ, то въ несчастномѣ слу-
чаѣ сорветѣ онѣ съ насѣ десятирицею. — Воз-
зримѣ на области, которыя по упадкѣ духа
уступили ему добровольно нѣкоторую часть
народнаго благосостоянія, дабы сохранить
оставшееся. — Что съ ними сдѣбалось? — Среди

доспѣднаго мира онѣ обобрабѣ у нихѣ все и цвѣтѣ ихѣ народа отогналѣ въ несправедливыхѣ войнахѣ проливать кровь свою за него.

Сограждане! въ настоящемѣ обстоятельствѣ да исчезнетѣ всякое различіе. — Мы Русскіе! всѣ мы Русскіе, и иными бытъ не желаемѣ! Что въ прошедшее столѣтіе возмогло Россійское воинство въ чуждыхѣ предѣлахѣ? а кто всступаетѣ въ ихѣ собственныя, тотѣ входитѣ въ вертѣны львины. — Позорное бѣгство ему только къ спасенію остается.

Мы Русскіе и готовы какѣ на пепелищѣ нашемѣ, такѣ на полѣ брани ко всякой жертвѣ, ко всякому усилію, и даже къ самой смерти за любезнаго **МОНАРХА** и за спасеніе дражайшаго Отечества.

Коцебу.

При сей книжкѣ Вѣстника прилагается изображеніе церкви Св. Петра, находящейся въ Римѣ. Безвсомнѣнія многіе знаютѣ сіе достопамятное зданіе, а особливо тѣ извѣ нашихѣ читателѣй, которые видѣли модель онаго въ Императорской Академіи Художествѣ; мы однакожѣ не излишнимѣ почли сообщить имѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, тѣмѣ болѣе что сіе чудо свѣта недавно претерпѣло нѣкоторую порчу въ сводѣ во время бывшаго землетрясенія въ Римѣ.

Церковь Св. Петра воздвигнута на сѣверо-западномѣ концѣ города при подножіи горы Вашиканской. Въ древнемѣ Римѣ на семь мѣстѣ были сады Нероновы и триумфальная до-

рога (via triumphalis). Констинтинъ Великій, по восприятіи Христіанской Вѣры, построилъ здѣсь довольно значущую церковь, коея остатки видны были еще въ началѣ шестнадцатаго вѣка. Папа Юлій II вознамѣрился изъ древней сей церкви сдѣлать великолѣпнѣйшій памятникъ, и въ 1500 году началъ строить по плану Браманта. Съ того времени другіе Папы, преемники Юлія, продолжали зданіе подъ наблюденіемъ искуснѣйшихъ зодчихъ. Сооруженіе одного купола дѣлаетъ безсмертнымъ имя Микеля Анжело Буонаротты. Сей куполъ имѣетъ въ поперечникѣ 204 футовъ.

У. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Изъ Кадыкса, отъ 24 Іюля, и. ст. По партикулярнымъ письмамъ изъ Мадрида, недоставокъ, болѣзни и нищета достигли тамъ нынѣ до высочайшей степени, и нѣтъ уже ни одного сословія, коего бы все шо не коснулось. Увѣряютъ, что въ первые четыре мѣсяца сего года умерло въ оной столицѣ до осьмнадцати тысячъ человекъ. Бѣдствія тамошнихъ жителей превосходятъ всякое описаніе: люди умираютъ по домамъ, въ госпиталяхъ, и даже по улицамъ. Такую же жа-

дѣстную картину представляешь собою и Гренада.

*

Изъ Дувра, отъ 14 Юля, н. ст. Мы довольно долго неимѣли извѣстій изъ Франціи, пока не прибылъ сюда Американскій корабль *Робинзонъ*, Капитанъ коего есть Джонъ Адамсъ, содержащійся въ Дюнкирхенѣ около двухъ лѣтъ. Пассажиры, на семъ кораблѣ находящіеся, рассказываютъ, что хлѣбъ во Франціи чрезмѣрно дорогъ, и бѣдность повсюду чрезвычайная, такъ что всѣ дороги и улицы наполнены нищими. (*Съв. П.*)

Лондонъ, отъ 3 Юля, н. ст. Въ письмахъ изъ Гибралпара увѣдомляютъ о сраженіи, производившемъ 1 Юня при Борносѣ. Генералъ Балласперосъ напалъ на Генерала Курру въ намѣреніи вытѣснить его изъ занимаемой имъ позиціи. Сперва имѣлъ онъ нѣкоторый успѣхъ, но потомъ многочисленная неприятельская конница принудила его отступитъ съ попереею шрехъ пушекъ и тысячи человекъ убитыми и ранеными. Впрочемъ Испанцы сражались съ необычайною храбростію; Французы также потеряли великой уронъ и не смѣли преслѣдовать отступавшихъ. Балласперосъ, послѣ сего сраженія, расположилъ войска свои на Руицкихъ поляхъ, гдѣ и ожидалъ неприятеля, положивъ швердое намѣреніе лучше пожертвовать самимъ собою и своими войсками, нежели оставить своихъ раненыхъ. На сихъ дняхъ прибыли въ Тарифу 2000 человекъ пѣхоты и 400 конницы въ подкрѣпленіе его арміи. (*С. П. В.*)

— Сказываютъ, что 6000^ю человекъ Англійскаго войска отправятся изъ Сициліи, и соединясь съ 4000 Гишпанскихъ войскъ въ Миноркѣ, сдѣлаютъ высадку въ Каталоніи. Принято за правило, чтобы неприятеля безпокоить по берегамъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только можно. (Съв. Ц.)

Здѣсь получены депеши отъ Генералъ-Лейтенанта Кампбелля, имѣющаго главное начальство въ Гибралтарѣ и отъ Генералъ-Маіора Росса, Коменданта Каррагенскаго. Первый въ депешѣ своей уведомляетъ о сраженіи, происходившемъ 1го Іюня между войсками Генерала Балластероса и корпусомъ Французскимъ близъ Борноса въ окрестностяхъ Сентъ-Рокве. Хотя Испанскій Генералъ, по претерпѣннѣи нѣкотораго урона, принужденъ былъ отступить, однакожь потеря неприятеля была также велика, потому что онъ не осмѣлился его преслѣдовать.

Бѣдствіе, постигшее 26го числа минувшаго Марша жишелей Карракаса, произвело весьма сильное впечатлѣніе въ умахъ жишелей, спасшихся отъ онаго и вообще всѣхъ инсургентовъ. Сии послѣдніе, почитая оное явнымъ наказаніемъ, низпосланнымъ на нихъ отъ Бога за возмущеніе противу законнаго своего Государя Фердинанда VII, принесли въ томъ чистосердечное раскаяніе. Городъ Валенція уже покорилась и сдана Королевскимъ войскамъ. Думаютъ, что и всѣ прочіе города, заняты инсургентами, послѣдуютъ сему примѣру. Миранда и Члены революціонной Юнты уже приготовились, какъ носится слухъ, удалиться во владѣнія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ.

Изъ поданной Нижнему Парламенту обстоятельной Вѣдомости явствуетъ, что все число военнопленныхъ, нынѣ въ Великобританіи находящихся, простирается до 64,517, изъ коихъ 52,649 Французовъ и 1868 Датчанъ.

Нѣкошорый Лондонскій купеческій домъ, какъ носится слухъ, получилъ позволеніе заключить съ Шведскимъ Правительствомъ контрактъ о поставкѣ мундировъ на 60 тысячъ человекъ, и что большая часть оныхъ уже отправлена въ Швецію.

Въ депешахъ Г. Спурта, полученныхъ недавно въ Департаментъ Иностранныхъ дѣлъ, содержатся слѣдующія извѣстія :

„13го Іюня происходило близъ Лерены небольшое сраженіе, при чемъ взято въ пленъ одинъ Офицеръ и 25 Французскихъ драгуновъ.

„Кажется, что соединенныя силы Маршала Сульша и Генерала Друета подошли къ Леренѣ и Сентъ-Олаалѣ. По сему Генералъ Гилль собралъ всю свою армію у Албуеры, куда также пришли 18го числа Іюня четыре Португальскихъ полка изъ Бадайоза и нѣсколько Испанскихъ войскъ подъ начальствомъ Графа Пенне Вилламура. Форпосты арміи Генерала Гилля находились тогда въ Сентъ-Мартѣ.“

Отъ 8 Іюля, н. ст. По всѣмъ извѣстіямъ, получаемымъ нами изъ Америки, видно, что переговоры Американскаго Правительства съ Франціею неимѣютъ желаемого успѣха. Въ полученныхъ вчера здѣсь Ньюорскихъ Вѣдомостяхъ содержится между прочимъ слѣдующее

посланіе Президента къ Сенату и Конгрессу : „Сообщаю при семъ Конгрессу переписку Государственнаго Секретаря съ Министромъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ. Конгрессъ изъ сихъ бумагъ усмотритъ, въ какомъ состояніи находятся сношенія наши съ Франціею.“ (С. П. В.)

Отъ 14 Іюля, н. ст. Министръ нашъ при Стокгольмскомъ Дворѣ пользуется тамъ весьма благосклоннымъ приемомъ. По вновь наступившимъ обстоятельствомъ, кажется дѣломъ сбыточнымъ, что правительство наше не откажется доставить Швеціи, въ видѣ вспоможенія, нѣкоторое количество воинскихъ снарядовъ и транспортныя суда.

Пишутъ изъ Португалліи, что Лордъ Веллингтонъ имѣетъ намѣреніе приближиться къ провинціи Бискайя, для подкрѣпленія Гверилласовъ и для прерванія сообщеній неприятеля съ Франціею чрезъ Байону. Иосифъ Бонапарте, не находя себя довольно безопаснымъ въ Мадридѣ, оставилъ, какъ сказываютъ, сей городъ, и возвратился во Францію.

По нѣкоторымъ письмамъ изъ Готтенбурга отъ 4 числа сего мѣсяца видно, что Генералъ Моро прибылъ будущебы въ Швецію. Другіе же увѣдомляютъ тихо, что туда прибылъ Адъютантъ сего Генерала, который знакомъ и Наслѣдному Принцу; но имя сего человека скрывается. Моро самого вскорѣ туда ожидаютъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Америки, находится онъ еще тамъ.

Сего дня получены письма изъ Кадикса отъ 24 Іюля. Разбитіе отряда Французскаго,

изъ 3,500 человекъ состоящаго при Молинъ дель Реѣ, подтверждается официальнымъ донесеніемъ Генерала Ласея. Лемпецинадо, безпokoящій непрестанно неприятеля своими маладеніями, имѣлъ также вновь нѣкошорые успѣхи.

Отъ здѣшняго Адмиралтейства издано сегодня объявленіе для торгующихъ съ Архангельскимъ Портомъ, что одинъ фрегатъ и семь бригговъ Датскихъ, плавшихъ изъ Христианзанда, были прогнаны, и укрылись въ Арендалъ, другомъ Портѣ Норвежскомъ.

(Сѣв. П.)

Отъ 19 Іюня, н. ст. Войска, состоящія подъ начальствомъ Боше, учинивъ два нападенія на границы Галлиціи, въ намѣреніи получить тамъ какую нибудь добычу, вступили опять въ Астурію и уже заняли Овiedo, Гижоно и Градо. Войска же Генерала Мендицабала занимаютъ городъ Бургосъ; но тамошняя крѣпость находится еще во власти неприятелей.

(С. П. В.)

Отъ 21 Іюля, н. ст. Вчерашній день получено здѣсь донесеніе Лорда Веллингтона отъ 30 Іюня изъ Фунте дела Пена. Съ армією Мармонта происходили у насъ небольшія сшибки, въ которыхъ Французы были всегда протоняемы. Потеря Лорда Веллингтона въ сихъ сшибкахъ была невелика: но онъ съ своей стороны взялъ у неприятелей множество пѣнныхъ. Намѣреніе его было прогнать Мармонта до самаго Валладолида, гдѣ онъ хочетъ учредить главную свою квартиру, оставивъ за собою цѣлый рядъ крѣпкихъ окоповъ, для обезпеченія себѣ сообщеній съ Португаллією.

Генералъ Гилль находится въ Альбуерѣ, и преслѣдуетъ Сульша. Мармонтъ показался 20 Іюня съ 35,000 человекъ войска, и вздумалъ было напасть на Лорда Веллингтона; но былъ отраженъ сильно, и прешерпѣлъ большой уронъ.

Лордъ Капкарпъ вчера опкланивался, будучи назначенъ чрезвычайнымъ Посломъ къ одному изъ значнѣйшихъ Дворовъ въ Европѣ. Онъ немедленно опправился отсюда.

Изъ Пруссіи пишутъ, что когда Наполеонъ услышалъ о заключеніи мира между Россією и Турцією, то раздраженъ былъ тѣмъ такъ сильно, что нѣсколько времени отъ досады и гнѣва не могъ говорить. Симъ доказывается, что онъ ожидалъ проотивнаго тому, по ухищреннымъ при Оптоманской Портѣ дѣйствіямъ своимъ повѣреннымъ.

*

Изъ Парижа, отъ 17 Іюля, н. ст. Его Святѣйшество Папа находится нынѣ въ Фонтенебло; онъ прибылъ туда въ сопровожденіи Архіепископа Едесскаго и многихъ другихъ особъ. Дюкъ де Кадоръ и другіе значнѣйшіе чины, какъ гражданскіе такъ и духовные, встрѣшили Его Святѣйшество въ домѣ, для его пребыванія назначенномъ.

Отъ 20 Іюля, н. ст. Третьяго дня въ 6 часовъ вечера выспрѣлы пушечные возвѣспилы сей столицѣ прибытіе въ оную Ея Величества Импераприцы. Сего дня прогуливалась она съ Королемъ Римскимъ въ паркѣ Дворца Сенъ-Клу, въ коемъ имѣетъ свое пребываніе.

(Съв. П.)

*

Еребро, отъ 13 Юля, н. ст. Государственному Комитету поданъ проектъ, въ которомъ предлагается, чшобы государственные чины предоставили Его Королевскому Величеству, какъ скоро независимость Королевства нашего угрожаема будеть какою либо иностранною Державою, открыть внутренній заемъ чепырехъ или пяти миллионвъ талеровъ. Если же всей оной суммы собрать будеть не можно, то дополнить ее посредствомъ военного налога.

Его Величество Король нашъ сдѣлалъ Законодательному Комитету предложеніе, чшобы опредѣлено было приличное наказаніе тѣмъ изъ Шведскихъ подданныхъ, кошорые безъ особаго Королевскаго позволенія вспупяшъ въ службу иностранныхъ господъ.

Ньюіоркъ, отъ 31 Мая, н. ст. Въ письмахъ, привезенныхъ фрегатомъ *Горнетъ* изъ Шербурга подтверждается извѣстіе, что находящійся во Франціи Американскій Посланникъ Барловъ нимало не успѣлъ склонить тамошнее Правительство къ совершенному отмѣненію Берлинскихъ и Медіоланскихъ опредѣленій, касающихся до нашихъ кораблей, и также все попеченіе его о прекращеніи возникшихъ между обѣими Государствами недоразумѣній остались тщетными.

(С. П. В.)

КОНЕЦЪ LXIV ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕШЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Похищеніе. . . . . 81 и 161

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Богъ. (Изъ оды дпрывокъ.) - 3

Ко Всевышнему. 14

Къ Россійскому Дворянству. - 99

Любовь къ Опечеству. - 101

Змѣя и Угорь, басня. 195

Посланіе къ Д. А. Остафьеву. 241

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Извлеченіе изъ Путешествія г-на
Клапропа къ горамъ Кавказ-
скимъ. 15

Наблюденіе Русскаго въ Америкѣ. 104

Краткое описаніе жизни Іоанна
Миллера, знаменитаго исто-
рика. 123

О Цицероновомъ сочиненіи, на-
зываемомъ Ораторъ. - 196

Объ Испанской словесности. . 249

III. К Р И Т И К А.

Гаконъ Ярль, Нѣмецкая трагедія.	272
Разборъ рѣчи Преосвященнаго Платона, Митрополита Мо- сковскаго, произнесенной при коронованіи ЕГО ИМПЕРАТОР- СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕК- САНДРА I.	- - - 279

IV. С М Ъ С Ь.

Театральное поприще Иффланда.	44
Чувствованіе Русскаго по прочте- ніи Высочайшаго Рескрипта, даннаго въ Вильнѣ 13 Іюня о въроломномъ нарушеніи мира Французами.	- - - 55
Историческія лица нынѣшней Франціи.	- 142, 212 и 289
Къ Патріотамъ.	- - - 225
Слава.	- - - 302
Къ жителямъ Остзейскихъ Про- винцій Россіи.	- - - 306
Письмо къ Издашелю Вѣстника Европы.	- - - 228
Московскія записки.	57, 148 и 230
Выписки, замѣчанія, извѣстія.	67

V. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе заграничныхъ проис- шествій.	- 70, 154, 231 и 310
Увѣдомленіе.	- - - 78

При сей книжкѣ прилагается картинка.

кб. №. 16. Встп. Свр. 1812

Гимская Церковь св. Петра